

**ГЛОБАЛЬНЫЕ
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ:
ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**Санкт-Петербург
2019**

**ГЛОБАЛЬНЫЕ
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ:
ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Сборник статей

Санкт-Петербург
Астерион
2019

ББК 60.5

Редакционная коллегия:

А. В. Петров (отв. ред.), А. А. Брагина, М. В. Борискина, О. П. Горькова, А. В. Доброницкая, М. Л. Расина, М. А. Румянцева

Рецензент: доктор социологических наук, профессор С. А. Давыдов (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

Г54

Глобальные социальные процессы: опыт социологического исследования (Сборник статей) [Электронное издание] / Под ред. А. В. Петрова (отв. ред.), А. А. Брагиной, М. В. Борискиной, О. П. Горьковой, А. В. Доброницкой, М. Л. Расиной, М. А. Румянцевой. — СПб.: Астерион, 2019. — 254 с. — Системные требования: Процессор Pentium-II, Память 256 МБ ОЗУ; Дисковод 24-х CD-ROM; Windows 98/NT/2000/XP/7/8/10; Adobe Reader; 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см.

ISBN 978-5-00045-811-2

В сборнике представлены материалы социологической конференции молодых ученых на тему: «Глобальные социальные процессы», которая состоялась 20 декабря 2019 г. в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургском государственном университете. Сборник включает статьи на темы, связанные с изучением особенностей различных социально-экономических, социально-политических и социокультурных аспектов глобальных социальных процессов. В частности, в сборнике представлены результаты социологических исследований международной академической мобильности, роли современных СМИ в глобальной мировой системе, миграционных процессов, новых форм предпринимательства в цифровой экономике, проблем реализации стратегий корпоративной социальной ответственности и развития этичного бизнеса, возможностей и перспектив самореализации молодежи в современной глобальной социальной системе и многих других социальных проблем.

ББК 60.5

ISBN 978-5-00045-811-2

© Коллектив авторов, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Петров А. В. Глобальные социальные процессы: возможности историко-социологического исследования	5
Купорова Н. С., Матвеева А. В. Международные молодежные коммуникации в глобальном обществе: проблемы и перспективы	15
Горьковская О. П., Матвеев М. С. Роль классиков в развитии социологии и изучении глобальных социальных процессов: теоретический анализ	25
Виватенко С. В., Сиволап Т. Е. Экологический кризис и проблемы сохранения особо охраняемых природных территорий	30
Дун Чэжожань, Цуй Янань. Миграция из Китая в Россию: проблемы и перспективы	40
Инь Шаши. Демографические аспекты развития современной китайской деревни (на примере изменения взглядов на планирование семьи)	45
Абдаллах Л. Н. Трудовая миграция как форма вынужденной социальной мобильности	49
Федоркова А. А., Федоркова Т. А. Новые формы предпринимательства в информационной экономике	53
Козловский Н. В. Корпоративная социальная ответственность в России	70
Борискина М. В. Глобальные тенденции в сфере управления персоналом	77
Хань Юйди, Лю Ичэнь. Глобальные проблемы бедности и особенности развития семейной жизни: социологический анализ	80
Гроссман А. О. Характеристика современного социологического дискурса относительно феномена криптовалюты	83
Айсина К. Р., Рысенкова С. И. Стратегии построения карьеры молодёжью	89
Лукина Е. М. Инклюзивное образование в России и за рубежом	98
Осипова М. Р. Трансформация образа жизни на стыке европеизации и локализации: опыт молодых россиян в Испании	107
Булатов М. Р. Влияние Вильфредо Парето и «теории элит» на современную социологию	116
Кузьминов М. М., Санадзе Я. Д., Шевченко У. Д. Динамический подход в анализе локальных сообществ	128

Ян Юнькэ, Чжи Цзинкай, Лю Сыцзя. Развитие цифрового общества	137
Кудинова Е. С., Ларина Е. Д. Глобализация общества. Философский аспект универсализма и плюрализма в понимании развития человечества	143
Касабуцкая М. С. Влияние интеллектуального капитала на трансформацию организационных коммуникаций в современной глобальной хозяйственной системе	153
Расина М. Л. Значение эмоций в структуре социального управления	157
Момот А. Г. Внедрение CRM-систем в организациях дополнительного образования: конфликтологический аспект	163
Ветрова Е. А., Соколова Ж. А. Технологии разрешения внешних конфликтов в организации в условиях современной глобализации ...	167
Титимова В. С. Особенности современного управления в сфере жилищно-коммунального хозяйства в малых городах	172
Гуртий М. В. Ответственность за нарушения размещения информации в цифровом пространстве на примере ГИС ЖКХ	181
Ларина Е. Д. Трансформация медиа и массовой информации в цифровом и глобальном пространстве	188
Зеленина А. Ю. Цифровой труд в новых медиа	198
Иванова А. Ю. Социальные нормы и установки специалистов государственной системы защиты детей как условие оказания эффективной помощи жертвам сексуального насилия	204
Румянцева М. А. Вегетарианство в онлайн-пространстве: отражение в научной литературе и история развития	229
Чикин А. И. Доказательная государственная политика: возможна ли реализация в России?	240

А. В. Петров
профессор кафедры экономической социологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор социологических наук

Глобальные социальные процессы: возможности историко-социологического исследования

В статье рассматриваются теоретические и методологические возможности исторической социологии для анализа глобальных социальных процессов. Анализируются методологические истоки исторической социологии. Рассматриваются особенности альтернативных точек зрения на возможности изучения современных глобальных трансформаций.

Ключевые слова: historical sociology, global social processes, social history of the economy

The article discusses the theoretical and methodological capabilities of historical sociology for the analysis of global social processes. The methodological sources of historical sociology are analyzed. The features of alternative points of view on the possibilities of studying modern global transformations are considered.

Key words: историческая социология, глобальный социальные процессы, социальная история хозяйства

Исследования глобальных социальных процессов и их влияния на трансформации современных государств, обществ, культур теперь уже сложно представить без исторической социологии, которая никогда не была обычной «отраслью» социологии (наряду с экономической социологией, социологией политики или социологией культуры). Историческая социология — интеллектуальное течение в социальных науках, главная задача которого, преодолевая теоретико-методологические барьеры между отдельными социальными науками, создать объемное социально-историческое видение причин и особенностей течения сложных социальных процессов, сформировавших современную глобальную социальную систему, вовсе не являющуюся неподвижной финально-

исторической структурой (вроде «эталонных» социально-эволюционистских конструкторов «общества модерна», «глобальной деревни», «постиндустриального общества» или «информационного общества» и т. п.). И подобное «объемное социально-историческое видение» было создано усилиями многих историков, социологов, экономистов, обратившихся к исследованиям генезиса современной глобальной мировой системы, характеризующейся крайней неравномерностью развития её структурных элементов (отдельных государств, хозяйственных систем, самобытных культур), формированием жесткой геоэкономической и геосоциальной иерархии, неравноправным положением разных обществ и социальных групп в структуре международного разделения труда. Благодаря этим теоретико-методологическим усилиям социальным наукам удалось преодолеть (крайне популярные в конце XX – начале XXI вв., да и по сей день отчасти ещё разделяемые многими) мифы, иллюзии и стереотипы глобалистов о «взаимовыгодной» унификации и глобальной интеграции разных обществ, обладающих существенными социальными, политическими и экономическими особенностями, государств с противоположными политическими и экономическими интересами, формирующими ярко выраженное разнообразие в современной глобальной социальной системе [11, р. 465-469].

Однако, теоретико-методологические истоки исторической социологии можно отнести к началу XX в. Именно тогда в европейской социальной мысли появились первые идеи, вступавшие в явное противоречие с позитивистским и социально-эволюционистским мейнстримом.

Появление исторической социологии связано с тремя основополагающими методологическими потребностями, которые назрели в социальных науках и, в частности, социологии еще в начале XX в. Во-первых, необходимость преодоления искусственного жесткого разделения предметно-объектных областей между различными отраслями общественнознания и, прежде всего, между исторической наукой и социологией, которое возникло в результате возрастающего влияния позитивизма на теорию и методологию социальных наук в XIX в., и потребность в формировании методологических основ комплексного подхода к изучению социальных процессов и явлений. Во-вторых, необходимость преодоления телеологического и этноцентристского линейно-стадиального прогрессистско-эволюционистского подхода к моделированию и изучению трансформационных социальных процессов на всех уровнях их развертывания и замена его изучением многовариантности и

многофакторности развития общества на основе формирования многомерных пространственно-временных объяснительных конструкций. В-третьих, необходимость объяснения сложных социально-экономических, социально-политических и социокультурных процессов, формирующих систему современных обществ и определяющих особенности изменений каждого из этих обществ в данной сложной, противоречивой, наполненной постоянными конфликтами системе.

Собственно, необходимость объединения усилий историков и социологов в изучении проблем и противоречий «современного общества» проявилась в полной мере еще в XIX в. Только осознание необходимости для этого объединения пришло гораздо позднее и потребовало значительных теоретико-методологических усилий представителей обеих наук. Как отмечал, например, в первой половине XX в. знаменитый британский историк Р. Дж. Коллингвуд, «наследство позитивизма в современной историографии, если брать фактографическую сторону, состоит... в комбинации беспрецедентного мастерства в решении маломасштабных проблем с беспрецедентной беспомощностью в решении проблем крупномасштабных» [2, с. 127]. Целостный взгляд на общество, к которому так стремились позитивисты, провозгласив создание новой «метанауки», или «науки наук» — социологии, был утрачен надолго. А абсолютно необоснованные претензии позитивистской социологии XIX в. на тотальное теоретико-методологическое превосходство над иными социальными науками лишь оттолкнули от нее представителей других социальных наук, в том числе и исторической науки. Правда, не всех. Инициаторами и главными двигателями радикальных изменений в методологии социальных наук и формирования основ принципиально новых антипозитивистских методологических традиций в изучении процессов социальных изменений стали представители исторической науки (прежде всего французской по целому ряду причин, подробнее см.: [3, с. 21-35]). Основополагающей методологической идеей, сформировавшей основы для использования изначально слабо обоснованного в теоретико-методологическом плане словосочетания «историческая социология» [9, р. 3-16], стала идея французского философа А. Берра — идея «исторического синтеза» — интеграция на основе социально-исторических исследований усилий всех представителей социальных наук по изучению феноменов современности (ведь у каждого из них глубокие исторические корни). Эта идея в первой половине XX в. была подхвачена и творчески развита как представителями

исторической науки, прежде всего «Новой исторической науки» — Л. Февром, М. Блоком, Ф. Броделем, Ж. Ле Гоффом, так и многими обществоведами — М. Хальбваксом, А. Деманеоном, Ш. Ристом, А. Зигфридом, П. Видаль де ла Блашем и другими. Благодаря их усилиям, и усилиям их последователей, «исторический синтез» стал не просто красивым околонучным словосочетанием, но руководством к действию по формированию комплексного подхода к изучению глобальных социально-исторических процессов. Этой комплексности удалось добиться благодаря созданию историко-генетического подхода в социальных исследованиях, окончательно оформившемуся в теоретико-методологическом плане во второй половине XX в. благодаря усилиям Ф. Броделя и И. Валлерстайна, направленным на создание социальной истории современной мировой экономической системы. И методологической базой для этого комплексного подхода стал «исторический синтез» знаний историков, социологов, культурологов, экономистов на основе всестороннего, многофакторного историко-социологического анализа структур длительной временной протяженности (*la longue durée*) или структурной истории [10, p. 725-753].

Но для формирования альтернативного видения глобальных социальных процессов потребовалось преодолеть теоретико-методологические ограничения, которые накладывались на развитие социальной мысли позитивизмом и социальным эволюционизмом, что потребовало от сторонников альтернативных концепций социальных изменений определенной интеллектуальной смелости, ведь потребовалось поставить под сомнение не только основные постулаты методологии позитивизма, но и адекватность теории (теорий) социального прогресса (которые вот уже более 150 лет являются наиболее популярными из всех теорий глобальных социальных изменений, и совсем не только среди обществоведов).

В XX в. изучение процессов развития экономики и общества осуществлялось под знаком безусловного господства теорий, основанных на безграничной вере в прогресс, как поступательное движение человечества к лучшему, более предпочтительному, почти идеальному состоянию цивилизации, к которому так или иначе смогут прийти все общества, приобщившись к достижениям науки и техники, которые делают жизнь людей век от века, от десятилетия к десятилетию все более комфортной, и избавляют от основных причин социальных конфликтов. «Рост индустриального сектора капиталистической мироэко-

номики (так называемая “промышленная революция”), — справедливо отмечает, например, И. Валлерстайн, — сопровождался развитием очень сильного течения мысли, которое характеризовало эти изменения в терминах процесса органического развития и прогресса. Были теоретики, считавшие это экономическое развитие и сопутствующие ему изменения в социальном строе некоей предпоследней стадией мирового развития, нахождение которым своей окончательной формы не более чем вопрос времени» [1, с. 19]. Идея прогресса приобрела безграничную популярность в XIX в. в рационалистической философии, а затем распространилась на литературу, искусство и науку. Этому в немалой мере способствовал дух романтического оптимизма XIX в., вера в бесконечное величие разума и могущество человека, основанная на идеалах философов-просветителей. Сформировалось устойчивое представление о том, что развитие науки и техники — производных разума — способно гарантировать постоянное улучшение жизни всех без исключения людей на планете.

В результате в XIX – начале XX вв. в европейских общественных науках окончательно оформилась доктрина механистически понимаемого социального прогресса как однолинейного, единого направленного, кумулятивного и рационального процесса. Предполагалось, что он может осуществляться эволюционным путем: по возрастающей от стадии к стадии, от этапа к этапу, на основе формально-логических «законов истории» (подобных законам функционирования физического мира), по западноевропейской модели и под воздействием какого-либо детерминирующего и объясняющего «сущность» социальных изменений эндогенного фактора (трансформация в структуре производства, в системе социокультурных коммуникаций, в этике и мировоззрении и т. п.). В соответствии с данной доктриной существует только один тип хозяйства, одна культура, один тип социального и политического устройства — тот, который присущ западному (европейскому и производным от него) обществам. Весь окружающий мир лишь в той или иной степени, на том или ином уровне воспроизводит процесс становления этого общества. Так была надолго определена основная проблематика и заданы весьма жесткие методологические рамки исследований социальных изменений, не предполагавшие иных, кроме эволюционистской, интерпретаций трансформационных процессов в мировой системе.

Мысль о том, что человечество (обычно рассматриваемое эволюционистами как единица измерения, универсальная целостность) само-

стоятельно идет по некоторому заранее определенному пути к некой заранее установленной цели, по «вечным законам прогресса и эволюции», задающим «магистральное направление человеческой истории», подвергалась критике почти с самого ее появления. В частности, один из наиболее последовательных критиков социального эволюционизма, знаменитый социолог П. А. Сорокин отмечал, что «огромное число обществ и групп прошли в своем развитии не те этапы, которые описываются соответствующими “законами эволюции-прогресса”, и в отличной от предписанной этими “законами” временной последовательности». И если воспользоваться исключительно эволюционистским подходом к анализу социальной истории, то окажется, что «в жизни каждого индивида, группы и человечества в целом в каждый данный момент времени можно обнаружить существование множества стадий развития — от самых ранних до наиболее поздних. Если теперь из “человечества”, к которому предположительно относится этот закон, исключить всех индивидов и все группы людей, развитие которых отклоняется от направления “закона эволюции” с его стадиями, то останется (если вообще что-нибудь останется) совсем небольшая группа, “историческое изменение” которой подчиняется так называемым универсальным тенденциям и законам линейного развития. Одного этого довода достаточно, чтобы считать эти тенденции и законы в лучшем случае частными закономерностями, относящимися лишь к очень небольшой части человечества, а никак не универсальными законами социокультурной эволюции» [7, с. 367].

Явная методологическая и эвристическая ограниченность эволюционистских моделей социально-исторического процесса, а также сохраняющееся существенное влияние социоинституциональных особенностей на современное развитие различных социальных систем, экономик, культур вывели на первый план идеи многовариантности и многофакторности в современных исследованиях трансформации обществ, а также необходимость формирования «альтернативных» широко распространенным, популярным эволюционистским моделям многомерных пространственно-временных объяснительных конструкций, существенным образом отличающихся от уже привычных, примитивных линейно-стадиальных схем [подробнее см.: 6, с. 113-117]. По мнению И. Валлерстайна, потребности в формировании «альтернативного» подхода в конечном счете потребовали тотального переосмысления теоретико-методологических основ социальных наук и социологии [13].

В чем же проявляется «альтернативный» историко-социологический взгляд на глобальные социальные изменения? Прежде всего, в тотальной критике сформировавшихся на основе прогрессистской парадигмы XIX в. универсально-стадиальных этноцентристских концепций социально-исторического процесса и попытках предложить принципиально иные подходы к его моделированию и объяснению. Например, Ч. Тилли отмечает ряд, по его мнению, ошибочных постулатов прогрессистской парадигмы, которые оказали существенное влияние на общественные науки XX в., и от которых придется отказаться, если исследователи действительно желают понять суть современных социальных процессов. Они заключаются в том, что общество рассматривается в рамках прогрессистско-эволюционистского дискурса как единый организм, который состоит из отдельных социальных целостностей. Причем каждая из них обладает более или менее автономной культурой, системой управления, экономикой и механизмами социальной солидарности. Социальные же изменения представляют собой некий единый феномен, объяснимый исключительно как целостность, всеобщность (социальной динамики). Процесс социальных изменений представляется как последовательный переход от стадии к стадии, качественно отличающейся от предыдущей, и т. п. При этом социологи, разделявшие и разделяющие подобные взгляды, как правило, черпали данные из наблюдений лишь в странах их проживания. «Исторические работы социологов, — подчеркивает Ч. Тилли, — делились на широкие эволюционные, стадиальные схемы и на введения в исследования современных социальных феноменов. Из этих противоположных форм интеллектуальной организации вырос ряд взаимных недопониманий историков и социологов, включая распространение среди социологов представлений, что социология — наука объясняющая, генерализирующая, а история — наука описательная и конкретизирующая, обреченная поставлять сырье социологам для обобщений. Историки в ответ сетовали, что изучаемое социологами настоящее само лишь узкий момент истории, оно не может претендовать на универсальное значение, а вырывать примеры из истории без основательного знания соответствующих источников, языков и институций — путь к интеллектуальной катастрофе» [8, с. 95].

В действительности социальные изменения вовсе не единый процесс, а всеохватывающее название для совершенно различных, противоречивых процессов, протекающих в сложно выявляемой взаимосвязи, стадильная же теория социальных изменений, основанная на допущении после-

довательного перехода от этапа к этапу развития, рассыпается при первом же столкновении с реальной социальной жизнью [12, р. 11-12].

Стадиальность социально-исторического процесса как базовый методологический постулат прогрессистско-эволюционистской парадигмы, порождает ложные научные проблемы и массу противоречий, направляя социальные исследования в сторону от решения истинных проблем, с которыми сталкивается общество в процессе социальных изменений. «Ничто не иллюстрирует искажающего воздействия внеисторических моделей социального изменения лучше, чем дилеммы, порождаемые понятием стадий развития», — отмечает другой представитель «альтернативных» концепций социальных изменений И. Валлерстайн [1, с. 21]. Например, убежденность эволюционистов в реальности стадий социального прогресса, в эвристической непогрешимости их онтологизированных абстракций привела к обсуждению вопроса о том, можно ли какому-либо обществу перейти на более высокую ступень развития, минуя одну из стадий (к примеру в целях реализации странами «третьего» мира различных проектов ускоренного социально-экономического развития, направленных на то, чтобы «догнать» наиболее развитые общества). Однако если переход от одной стадии развития к другой рассматривается как незыблемый социальный закон, то указанные выше дискуссии вступают в явное противоречие с теоретико-методологической основой самого же социального эволюционизма, ставя под сомнение законосообразность и единство трансформации общества. Проще говоря, «если стадию можно миновать, значит, это не стадия». «Важнейшая проблема при сравнении “стадий” — определить те исторические единицы, синхронистическим описанием (или, если угодно, “идеальным типом”) которых являются “стадии”, — отмечает Валлерстайн. — И фундаментальная ошибка аисторической общественной науки (включая аисторические версии марксизма) состоит в овеществлении частей целостности в таких единицах и сравнение затем этих овеществленных структур». Следование подобным заблуждениям в изучении социальных изменений может привести (и на самом деле приводит) к тому, что «мы можем овеществить неверное прочтение истории Великобритании в систему универсальных “стадий”, как это сделал Ростоу [Rostow W.W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960. — *А.П.*]» [1, с. 22-23].

Историко-социологический подход ориентирован на объяснение специфики сложных структурных процессов, сформировавших совре-

менную мировую систему, как бы в истории социальных наук ее ни именовали. В последние десятилетия одним из наиболее актуальных вопросов является исследование процессов глобальных трансформаций и их влияния на разные современные общества. Историко-социологический подход представляет иной, более глубокий социально-исторический взгляд на истоки и генезис современной мировой системы, являющийся противоположностью поверхностным концепциям глобализации или глобального капитализма (получившим широкое распространение в том числе благодаря по-прежнему весьма влиятельной прогрессистско-эволюционистской парадигме в социальных науках). Поскольку концепции глобализации изначально характеризовались в основном идеологической направленностью и не предполагали объяснений истинных причин возникновения всех тех глобальных социальных, экономических, политических и культурных проблем, обострение которых в первое десятилетие XXI в. в разных обществах поставило под сомнение неизбежность, объективность и всеохватывающую позитивность процессов глобальной унификации, а также сделало необходимым наполнение понятия «современное общество» принципиально иным содержанием, отражающим идею множественности и равноценности существующих культурных и экономических порядков, то дальнейшее использование термина «глобализация» в целях построения социальных моделей, объясняющих современные трансформационные процессы, потребовало хоть какого-то научного, теоретико-методологического обоснования. Именно этим фактом можно объяснить постоянно возрастающее с 1990-х гг. число теоретических исследований, направленных на выявление «глобалистского» содержания в созданных ранее моделях общественной трансформации, а также на поверхностное обобщение результатов различных исследований социально-экономических и политических изменений, которые могли бы быть соотнесены с универсально-глобалистскими взглядами на трансформационные процессы в системе современных обществ. И этим же фактом можно объяснить непрекращающиеся попытки дополнить концепцию глобализации теориями капитализма, как наиболее подходящими внешне к основным постулатам концепции глобализации [подробнее см.: 4, с. 77-80].

Например, в рамках одного из направлений историко-социологических исследований миросистемного подхода, основы которого заложены в работах Ф. Броделя и И. Валлерстайна, предлагается

принципиально иное объяснение глобальных трансформационных процессов, ставящее под сомнение как их универсальность, так и их абсолютную, принципиальную новизну и, как следствие, важность и прогрессивность для всех современных обществ. Если отвлечься от популярных глобализаторских конструкций, то генезис современной мировой системы следует отнести на несколько столетий в прошлое. Именно тогда начали формироваться основные принципы, институты и структуры, которые теперь считаются «новыми» и «современными». Современная мировая система — специфический «мир-экономика» (термин Ф. Броделя), начав формирование в XVI в., подчеркивает И. Валлерстайн, «логикой своих внутренних потребностей и благодаря возможностям, порожденным его технологией, необходимо осуществлял в течение веков экспансию, пока к середине XIX в. не включил в себя весь мир, инкорпорировав в себя все исторические системы, существовавшие за пределами его первоначальных границ» [1, с. 13]. И процесс этой экспансии включает множество конфликтов и противоречий, не позволяя однозначно утверждать о всеохватывающей глобальной позитивности этих изменений.

Таким образом ключ к пониманию т. н. «современных» глобальных трансформационных социальных процессов и проблем лежит в исследовании глубинной, структурной социальной истории хозяйства, государства, культуры. И теоретико-методологические основы такого подробного анализа заложены именно в рамках исторической социологии.

Список литературы.

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина. Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: изд-во «Университетская книга», 2001. 416 с.
2. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 491 с.
3. Петров А. В. Экономическая социология и социальная история Фернана Броделя. СПб.: Астерион, 2004. 214 с.
4. Петров А. В. Социология капитализма в современных экономико-социологических исследованиях // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 4. С. 77-80.
5. Петров А. В. Социология, историческая наука и историческая социология: теоретико-методологические традиции взаимодействия / Проблемы теоретической социологии. Вып. 9. Межвуз. сб. / Отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: Скифия-Принт, 2012. С. 46-65.

6. Петров А. В. Историческая социология и социальная история хозяйства в экономико-социологических исследованиях // Общество. Среда. Развитие. 2013. №2. С. 113-117.

7. Сорокин П. А. Социокультурная динамика и эволюционизм / Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1994. С. 372-392.

8. Тилли Ч. Историческая социология // Социологические исследования. 2009. № 5. С. 95-101.

9. Abrams Ph. History, Sociology, Historical Sociology // Past and Present. 1980. Num. 87. P. 3-16.

10. Braudel F. Histoire et sciences sociales. La longue durée // Annales: Économies, sociétés, civilisations. 1958. № 4. P. 725-753.

11. Petrov A. V. Globalization as a Social Utopia: Towards the Modern Sociological Criticism of a Mythological Discourse // Journal of Literature and Art Studies. April 2017. Vol. 7. No. 4. P. 465-469. doi: 10.17265/2159-5836/2017.04.007

12. Tilly Ch. Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons. N. Y.: Russel Sage Fondation, 1984. 176 p.

13. Wallerstein I. Unthinking Social Science. The Limits of Nineteenth-Century Paradigmes. Cambridge: Polity Press, 1991. 286 p.

Н. С. Купорова
учащаяся 3 курса программы
бакалавриата по направлению
«Социология» СПбГУ,

А. В. Матвеева
учащаяся 3 курса программы
бакалавриата по направлению
«Социология» СПбГУ

Международные молодежные коммуникации в глобальном обществе: проблемы и перспективы

В настоящей статье в качестве коммуникаций рассмотрены крупнейшие международные молодежные организации и программы студенческой академической мобильности. Проанализированы деятельность программ, а также их преимущества и недостатки как для самих участников, так и для государства. Описаны факторы, привлекающие студентов участвовать в программах академической мобиль-

ности. Проанализированы их трудности и предложены меры по улучшению условий академической мобильности. Сделаны выводы о перспективах развития международных молодежных программ и программ академической мобильности студентов в России.

Ключевые слова: международные молодежные коммуникации, глобальное общество, интеграция молодежи, молодежная политика, академическая мобильность студентов, болонский процесс, высшее образование, программы культурного и студенческого обмена

In this article, the largest international youth organizations and student academic mobility programs are considered as communications. The activities of the programs, as well as their advantages and disadvantages both for the participants themselves and for the state, are analyzed. The factors that attract students to participate in academic mobility programs are described. Their difficulties are analyzed and measures to improve the conditions of academic mobility are proposed. Conclusions are drawn on the prospects for the development of international youth programs and academic mobility programs for students in Russia.

Key words: international youth communications, global society, youth integration, youth policy, academic mobility of students, the Bologna process, higher education, cultural and student exchange programs

В современном мире увеличивается тенденция развития интеграционных процессов, что приводит к расширению взаимосвязей различных стран, народов и их культур посредством культурных обменов и прямых контактов между государственными институтами, социальными группами, общественными движениями, с помощью научного сотрудничества, торговли, туризма. В условиях развития международных коммуникаций следует более внимательно и обстоятельно рассмотреть взаимодействия и взаимовлияния культур именно в молодежной среде, поскольку молодежь в современном мире достаточно динамична, и можно сказать, что она является главным субъектом формирования образа своей страны за рубежом. Поэтому молодежные коммуникации выступают важным фактором регуляции взаимоотношений между странами: налаживание международных коммуникаций в молодежной среде повышает уровень доверия между народами и является залогом налаживания экономических связей в будущем и, в конечном итоге, способствует экономическому процветанию территорий.

Для успешной деятельности и продуктивного взаимодействия индивид должен быть готовым к межкультурному общению и уметь работать в международной команде, чему активно способствует участие в программах международных молодежных культурных организаций, а также программах студенческой академической мобильности, являющейся сегодня неотъемлемым видом деятельности мировой образовательной системы.

Для начала рассмотрим и проанализируем деятельность крупнейших международных молодежных организаций.

АIESEC — это международная молодёжная некоммерческая неполитическая независимая организация, полностью управляемая молодежью в возрасте от 18 до 29 лет, имеющая целью раскрытие и развитие лидерского и профессионального потенциала молодёжи, в том числе установление контактов с крупными компаниями для внесения позитивного вклада в общество через организацию и реализацию социально значимых проектов. Организация была учреждена в 1949 году в Стокгольме. Впервые открытие АIESEC В СССР произошло в 1989 году.

АIESEC объединяет более 85 000 молодых людей в 126 странах мира и сотрудничает с более чем 2 400 университетами. Более 24 000 студентов ежегодно получают лидерский опыт в качестве руководителей проектов или отделений организации в городе/стране. По всему миру в международной программе стажировок АIESEC принимает участие около 23 000 студентов и недавних выпускников.

Ежегодно АIESEC проводит более 470 конференций Организация имеет более 4500 компаний-партнеров. Осуществляет и международный обмен студентами. АIESEC организует четыре вида стажировок молодых людей: *management* (маркетинг, финансы, аудит, проектный менеджмент, HR, PR и т.д.); *development* (волонтерская работа в социальной сфере, школах, университетах, общественных организациях); *technical* (IT, инженерия, компьютерные технологии); *educational* (образовательные тренинги, оптимизация учебного процесса, преподавание языков). Такая международная стажировка (АIESEC Global Talent)— это неплохая возможность получить опыт работы в одной из 126 стран мира.

Последний шаг в опыте АIESEC — направление в будущее, это подразумевает использование всех навыков, вдохновения и контактов, полученных в АIESEC для оказания положительного влияния на общество.

Таким образом, при помощи AIESEC сообществ, есть возможность наладить контакты с молодёжью и компаниями со всего мира, приобрести новый опыт в различных сферах и применить полученные навыки для улучшения общества [1].

Другой вариант получить опыт проживания и работы за границей для молодых людей – волонтерские проекты. Волонтерство очень популярно в Западной Европе и Америке. Активно набирает обороты и в России, странах СНГ и Азии.

Основная идея волонтерства — объединить людей из разных стран с общими интересами для распространения идей мира и национальной терпимости через межкультурный обмен.

Волонтерство включает в себя следующие составляющие:

- Межкультурный обмен. Принимающие организации всех стран мира преследуют цель познакомить всех желающих с местной культурой. Основной посыл международных волонтерских проектов - имея желание, не зависимо от уровня языка, люди, объединенные общей целью, могут сделать очень многое.

- Общение с иностранцами и, следовательно, изучение иностранного языка той страны, где проводится проект, а также обязательная практика английского языка.

- Путешествие. Стоит отметить, что это один из главных пунктов, почему люди выбирают международные волонтерские проекты.

- Новые друзья, новые впечатления.

- Идея сделать что-то на благо другой страны и народов.

- Профессиональный опыт. Труд в волонтерском проекте является обязательным условием и добровольной инициативой каждого. Тип занятости в проекте может быть разным — от организации мирового музыкального фестиваля и работы с детьми, животными до археологических исследований и реставрационных работ, экологических проектов. Волонтерские проекты бывают долгосрочными и краткосрочными, в зависимости от целей и длительности [2].

Для того, чтобы помочь желающим подобрать необходимый проект, в зависимости от предпочтений по странам и типу деятельности, на сегодняшний день в России существуют специальные агентства. Они подготавливают участников, помогают с регистрацией, устраивают тренинги, на которых рассказывают в целом о программе, информируют о необходимых действиях, решают практически все организационные вопросы, в том числе вопросы о проживании и питании – иными

словами, участникам не нужно ни о чем беспокоиться, все уже организовано. Волонтер при этом должен оплатить участие в проекте (членский взнос, приглашение); билеты, оформление визы и консульский сбор, медицинскую страховку.

Стоит отметить, что в настоящее время с помощью социальных сетей агентства программ могут вести не только внутриорганизационную, но и внешнюю коммуникацию, которая помогает привлекать новых членов движения, делает информацию о деятельности открытой и общедоступной.

Важную роль в содействии развитию международных контактов молодежи играют организации, предоставляющие услуги по студенческому обмену. Главными целями по-прежнему остаются межкультурный обмен и налаживание культурных связей разных стран. К наиболее известным международным организациям этого направления относятся: «Youth For Understanding», «International Exchange center», «Work and travel». Для участия в данных программах необходимо быть студентом очной формы обучения.

При всей целесообразности деятельности международных молодежных организаций необходимо признать, что провозглашаемые ими цели не всегда совпадают с политикой, проводимой руководством этих организаций. Во многом политика молодежной организации определяется другими организациями, осуществляющими финансирование их деятельности. Часто международные молодежные организации используются для целенаправленного содействия «утечки мозгов» в другие страны, а также для использования молодых людей в качестве дешевой или вовсе бесплатной (в случае волонтерства) рабочей силы.

Другие проблемы связаны с недостаточной вовлеченностью молодежи в процессы социальных и политических действий, что способствует размыванию российской самоидентификации молодежи. К моменту достижения возраста максимальной трудовой активности они не считают себя связанными со своей страной обязательствами по личному участию в решении ее проблем, не связывают эти проблемы с собой, часто ищут возможности для самореализации вне России, не имеют со своей страной социального контракта и не считают себя ей ничем обязанными. Это стимулирует отток конкурентоспособных молодых людей из России и серьезные потери человеческого капитала страны [3, с.134]. Потенциально молодые люди могут использовать и подобные международные программы, чтобы нелегально остаться в другой стране. По

последним данным, согласно «Левада-центру» из России в настоящее время хотели бы эмигрировать 53% граждан в возрасте от 18 до 24 лет. Этот показатель достиг максимума с 2009 года [4].

Хотя, ясное дело, что лишь малая доля выразивших такое мнение действительно в будущем эмигрируют. Тем не менее такая ситуация не несет никакого положительного эффекта для страны. Поэтому здесь очень важна роль молодежной политики, задачи которой в новых условиях носят масштабный и разнообразный характер. Они требуют как адекватного ресурсного обеспечения, так и повсеместного повышения квалификации работников, занятых работой с молодежью.

Однако эти утверждения не свидетельствуют о том, что наша страна не должна участвовать в международных молодежных организациях. Наоборот, необходимо продолжать укреплять свое влияние в этих организациях, разъясняя миролюбивую политику нашей страны, использовать международные молодежные организации как площадку для расширения личных коммуникаций с представителями молодежи из других стран, противодействуя распространению ложной информации о нашей стране, а также стимулировать российские бизнес-структуры к сотрудничеству с международными молодежными организациями [5].

В качестве международных молодежных проектов, проводимых на территории нашей страны и служащих для привлечения внимания иностранных государств, в том числе иностранной молодежи, стоит отметить Ежегодный Санкт-Петербургский Международный культурный форум. Впервые данный форум прошел 16 декабря 2012 года. Участниками выступают выдающиеся российские и зарубежные деятели культуры и образования, представители государственной власти, бизнесмены, главы национальных и международных организаций. Одна из целей - реализовать совместные проекты. На общественной площадке гости форума посещают интересные лекции, мастер-классы и встречи с известными артистами. А в рамках фестивальной программы для жителей и гостей проходят мировые премьеры спектаклей, концерты, выставки и другие мероприятия.

В глобальном аспекте Санкт-Петербургский международный культурный форум рассматривается Учредителями как один из ключевых элементов внешней и внутренней политики. Россия стремится олицетворять в глазах мирового сообщества позитивные и созидательные тенденции в политике, культуре и социальном развитии в противовес устремлениям к разрушению и хаосу [6].

Еще одним вектором направления международного культурного обмена среди молодежи служит Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Основными организаторами фестиваля являются Всемирная федерация демократической молодёжи (ВФДМ), национальные подготовительные комитеты в странах На территории Российской Федерации фестиваль проводился 3 раза (в Москве прошли 6-й фестиваль в 1957 году и 12-й фестиваль в 1985 году, 19-й фестиваль - в Сочи в 2017 году)

Среди целей данного мероприятия стоит отметить консолидацию молодежного мирового сообщества вокруг идеи справедливости, укрепление международных связей, а также развитие межнационального и межкультурного взаимодействия. Среди задач можно выделить создание сети дружественных иностранных молодежных организаций по всему миру, формирование сообщества проводников российских ценностей и интересов за рубежом, воссоздание Международного Союза студентов и принятие призыва молодежи к мировому сообществу [7].

С развитием глобализации стремительно растет обмен между странами в области науки и образования. Участие студентов в программах студенческой академической мобильности является сегодня неотъемлемым видом деятельности мировой образовательной системы.

Далее стоит рассмотреть, чем подобные программы привлекают молодое поколение обучающихся высших учебных заведений, а также проанализировать связанные с такими программами трудности и перспективы развития.

В соответствии с рекомендациями Болонской декларации, желательно, чтобы каждый студент проводил семестр в каком-нибудь другом вузе, предпочтительно зарубежном [9].

Основные цели академической мобильности сегодня – дать студенту возможность получить разностороннее европейское образование по выбранному направлению подготовки, обеспечить ему доступ в признанные центры знаний, расширить познания студента во всех областях европейской культуры, привить ему чувство гражданина Европы.

Академическая мобильность отличается от традиционных зарубежных стажировок, т.к. студенты, участвующие в подобных программах, от семестра до учебного года полноценно проходят курс, который им засчитывается по возвращении в домашний вуз.

В целом за последние годы наблюдается всплеск интереса к академической мобильности со стороны молодежи. Одной из наиболее известных программ международной студенческой мобильности явля-

ется европейская программа ERASMUS +, направленная на поддержку сотрудничества в области образования, профессионального обучения, молодежи и спорта на период с 2014 по 2020 гг.. Программа интегрировала такие ранее действовавшие программы как: The LifeLong learning Programme, The Youth in Action Programme, The Erasmus Mundus Programme, Alfa, Edulink, Tempus и др. По сравнению с предыдущими программами ЕС в сфере образования, география Erasmus + значительно расширилась. В «страны Программы» входят: страны-члены ЕС, Исландия, Лихтенштейн, Норвегия, Бывшая Югославия, Республика Македония, Турция, Сербия, а также «страны-партнеры», в список которых входит Россия [11].

По данным Национального офиса Erasmus+ в России, в 2017 году по стипендиям Erasmus Mundus более 2200 человек из России смогли пройти краткосрочное обучение или стажировку в вузах стран ЕС [11].

Для участия в программах академической мобильности студенты должны изначально понимать для чего они это делают и, какой будет результат.

Основными факторами, побуждающими студентов обучаться по программам академической мобильности являются:

- прохождение курса обучения в зарубежном вузе с определенным учебным планом, свободным характером посещаемости занятий или сочетанием обязательных предметов с заданным расписанием и предметов по выбору [8];

- повышение профессиональной компетентности через изучение зарубежного опыта профессиональной подготовки по профилю специальности, знакомство с новыми методиками преподавания, ориентированными на приобретение практических навыков;

- приобретение межкультурной компетентности, помогающей правильно оценивать поведенческие характеристики членов общества;

- путешествие по стране, знакомство с новой страной и культурой, приобретение этнографических навыков;

- развитие коммуникативности, новые знакомства со студентами из разных стран;

- возможность совершенствования иностранного языка в процессе обучения за рубежом;

- приобретение уверенности в себе и в своих силах

Академическая мобильность предоставляет такие возможности эффективного усвоения студентами новых профессиональных знаний и

умений и, таким образом, повышает конкурентоспособность выпускников на рынке труда. Реальный опыт работы и межкультурная компетенция являются важнейшими результатами, связанными с качеством образования за рубежом.

Участие в программах академической мобильности поддерживает атмосферу международного сотрудничества и даёт студентам возможность приобретения опыта поведения в мультикультурной среде.

Несмотря на признанные преимущества академической мобильности, организация самой мобильности связана с рядом проблем, связанных по большей степени с доступом к ней [10]. Например, финансовая ограниченность, бюрократическая волокита, недостаточный уровень социального обслуживания мобильных студентов, проблемы с зачётом полученных кредитов, отсутствие доступной понятной информации, недостаточный уровень знания иностранного языка преподавателями и студентами хронические заболевания студентов, социокультурная адаптация студентов.

Для расширения академической мобильности необходимо предпринять следующие шаги:

- Обеспечение качества, количества и доступности информации о мобильности. Информация должна охватывать следующие аспекты: неадминистративную информацию (оформление визы, вида на жительство), академическую информацию, информацию о благосостоянии студентов, информация о социальной жизни и культуре. Создание специальных сайтов о популярных программах академической мобильности, введение в университетах специальных форумов для обсуждения и обмена информацией, создание сопоставимой статистики по мобильности [8];

- Установление взаимодействия организаторов процесса мобильности (администраторов университетов, преподавателей);

- Языковая подготовка студентов еще до периода академической мобильности;

- Улучшение условий приема для участников мобильности: предоставления консультационных услуг, в том числе в режиме «online», социальная и культурная поддержка для приезжающих студентов, повышение качества условий проживания, развитие академического наставничества, решение ряда законодательных вопросов (налогообложение, разрешение на временную работу и т.п.), снимающих в РФ ряд преград, которых нет в абсолютном большинстве стран Европы;

- Устойчивое финансирование (со стороны европейского сообщества, правительств, местных властей, государственного и частного сектора), поиск новых финансовых источников (займы с льготными условиями, социальные фонды);

- Привлечение большего числа студентов к участию в программах академической мобильности, создание летних университетов для субъектов образовательного процесса, распространение информации по интернету [9];

- Создание и развитие национальной системы грантов, увеличение их числа и уровня на мобильность для студентов и преподавателей;

- Усиление мотиваций, признание дипломов, способствующим занятости на рынке труда в Европе, система зачетных единиц, помогающей университетам сравнивать содержание академических степеней, полученных в других вузах.

Программы студенческой академической мобильности ориентированы на воспитание нового поколения, подготовленного к жизни и работе в международном информационном сообществе, готового к передвижениям по миру с целью приобретения опыта.

Учитывая все приведенные аргументы, можно сделать вывод о том, что в условиях глобализации действительно важно учитывать и поддерживать деятельность международных молодежных организаций. Работа по налаживанию международных коммуникаций в молодежной среде должна быть организована и поддерживаема со стороны государства и вузов. Важно правильно организовывать молодежную политику страны и использовать международные молодежные организации как площадку для расширения личных коммуникаций с представителями молодежи из других стран.

Список использованных источников и литературы

1. AIESEC // Электронный ресурс. URL: <https://web.archive.org/web/20140310202305/http://www.aiesec.ru/contacts>

2. Сайт Travelworks.ru // Электронный ресурс. URL: <http://travelworks.ru/>

3. Доклад «Молодежь России 2000-2025: развитие человеческого капитала». Часть 1, с.134 // Электронный ресурс. URL: <https://fadm.gov.ru/documents/download/671/>

4. Знак // Интернет-газета, от 26 Ноября 2019 // Электронный ресурс. URL: https://www.znak.com/2019-11-26/53_molodyh_rossiyan_hotyat

[uehat zhit za granicu eto rekord za 10 let?utm_source=vk&utm_medium=social&utm_campaign=znak&utm_content=nocategory](http://uehat.zhit.za.ganicu.eto.rekord.za.10.let?utm_source=vk&utm_medium=social&utm_campaign=znak&utm_content=nocategory)

5. Научный журнал «Фундаментальные исследования» // Электронный ресурс. URL: <https://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41068>

6. Электронный ресурс: Сайт. Режим доступа: URL: <https://www.culture.ru/s/new.culturalforum/>

7. Электронный ресурс: Сайт. Режим доступа: URL: <http://youthrussia.ru/meropriyatiya-i-proekty/proekty/xix-vsemirnyj-festival-molodyozhi-i-studentov>

8. Белякин, А. М. Академическая мобильность и качество обучения студентов за рубежом [Текст] / А. М. Белякин // Казанский педагогический журнал. -2007.- №2. -С. 115-122.

9. Богословский, В. И., Писарева, С. А., Тряпицына, А. П. Академическая мобильность: реализация в Болонском процессе. URL: http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/252/64252/34949?p_page=4

10. Чистохвалов В.Н. Состояние, тенденции и проблемы академической мобильности в европейском пространстве высшего образования. - М., РУДН, 2008.

11. Электронный ресурс: Сайт. Режим доступа: URL: <http://erasmusplusinrussia.ru/index.php/ru/home-ru-ru>

О. П. Горьковая

учащаяся 1 курса магистратуры
по программе «Социология в России и Китае»,

М. С. Матвеев

учащийся 1 курса магистратуры
по программе «Социология»

Роль классиков в развитии социологии и изучении глобальных социальных процессов: теоретический анализ

Данная статья содержит в себе попытку рефлексии и анализа того, как классики и “отцы-основатели” социологии дают теоретический материал для анализа текущих глобальных социальных процессов, или, выражаясь словами П. Штомки «как теоретический канон, сфор-

мированный “бородатыми белыми мужчинами” дает эпистемологическую почву для изучения социального мира сегодня».

Ключевые слова: классики социологии, социологические парадигмы, глобальные социальные процессы

The article contains an attempt to reflect and analysis how the classics and “founding fathers” of sociology provide theoretical material for the analysis of current global social processes, or, as P. Sztompka said “a theoretical canon formed by “bearded white males” gives an epistemological ground for exploring the social world today”.

Key words: The classics, sociological paradigms, global social process

Влияние классики на последующее развитие как социологии в целом, так и ее отраслей, неопределимо. В данной статье будет предпринята попытка обосновать какое место занимает классика в становлении социологии как науки, в ее институционализации, и какую роль сыграла классика в формировании, в частности, экономической социологии.

Если говорить об институционализации социологии, то без основных трудов Конта, Вебера, Дюркгейма, Маркса, Спенсера и т.д., возможно, такой науки сейчас бы не существовало. Во-первых, труды данных классиков дали толчок к исследованию различных социальных процессов и явлений. Начали появляться последователи конкретных ученых, что привело к созданию отдельных школ социологии (например, немецкая (Зомбарт, Вебер, Зиммель), французская (Дюркгейм) школы), а также основных направлений в социологии, которые являются базисом данной науки. Это позитивизм (Конт, Милль), органицизм (Спенсер), психологическое направление (Тард, Лебон), понимающая социология (Вебер), марксизм (Маркс, Энгельс). Именно эти, первые, базовые направления в социологии подготовили почву для основных современных социологических направлений: структурного функционализма, феноменологической социологии, этнометодологии.

При рассмотрении трёх основных социологических парадигм: естественно-исторической, деятельностной и гуманитарно-личностной, можно усмотреть достаточно четкое влияние классиков. Естественно-историческая парадигма выражается в позитивистских теориях, марксизме, теории Дюркгейма о социальных фактах, которые рассматривают социальные явления и процессы как подвластные исключительно объективным законам. Напротив, представители деятельностной парадиг-

мы, последователи теории социального действия Вебера, рассматривают развитие общества за счет законов человеческой деятельности. То же можно сказать и об основных онтологических представлениях о социальной реальности: социологическом реализме и номинализме, которые основаны на классических теориях социологии. Социологический номинализм реализуется за счет методологического индивидуализма, рассматривает социальную действительность через отдельных индивидуумов, а социологический реализм характеризуется холистическими методами и существованием надиндивидуальных категорий, социальных явлений и процессов (опять таки можно проследить отсылки к теориям Вебера и Дюркгейма).¹

Таким образом, структура, базис науки социологии основан именно на классических социологических трудах, которые настолько влились и растворились в различных современных теориях и концепциях, что просто невозможно отделить, изолировать данные, можно сказать, фундаментальные теории от современных. Ведь без этого «скелета» многие труды последователей потеряют свою сущность. Именно поэтому так важно изучать историю социологии и её классиков. Ведь без понимания «алфавита» невозможно читать, писать и говорить на «языке» социологии. Потому что помимо великих теорий, классики сформировали целый понятийный аппарат, который используется социологами во всём мире и способствует включенности и эффективной коммуникации в научной среде. «Идеальные типы» Вебера, «солидарность» Дюркгейма, «отчуждение труда» Маркса имеют такое же большое значение в социологии как понятия материи, давления и импульса в физике. Даже если в настоящее время классике как таковой уделяется достаточно мало внимания, это не означает, что её роль и влияние на современную социологическую науку снижено или стало меньше.

Помимо определения места трудов классиков в социологии в целом, хотелось бы сказать несколько слов о влиянии классики на отдельные отрасли, а конкретно – на экономическую социологию.

Конечно, у экономической социологии помимо «общих» классиков как Вебер, Дюркгейм, Маркс, есть свои классики, идеи и труды которых

¹ Иванов, О.И. / Методология социологии. Учебно-методическое пособие. 2-е издание. Социологическое общество им.М.М.Ковалевского, 2003.

имеют достаточно большое значение для развития данной отрасли. Это, например, теория дарообмена Мосса, политэкономия Рикардо и Смита. Но, всё же, в данной работе рассматривается влияние исключительно «общих» классиков на развитие экономической социологии.

Во-первых, наличие различных подходов позволяет по-разному трактовать предмет экономической социологии, представляющей собой интеграцию социологического, экономического и исторического подходов к исследованию хозяйства, который представляет собой исследование экономических объектов социологическими методами. Так, например, с точки зрения понимающей социологии мы будем рассматривать экономическое действие как форму социального действия. Структурно-функциональный анализ позволяет выявить в экономическом поведении человека целый комплекс различных социальных ролей. Взаимосвязь и взаимозависимость производственных и социальных отношений можно увидеть через призму марксизма и т.д. То есть, используя различные социологические теории и методы, мы можем изучать те или иные экономические процессы, открывая новые грани поведения «акторов» в экономическом поле, тем самым давая жизнь и развитие такой крупной отрасли науки, как экономическая социология.

Во-вторых, наличие разных подходов к трактовке предмета экономической социологии позволяет многим социологам объединяться в целые школы для развития конкретных направлений экономической социологии (социология управления, социология труда, социология рынков, социология питания, социология финансов и т.д.) и школы с определенным подходом к рассмотрению экономической социологии. Например, рассмотрим две основные школы экономической социологии: ленинградская (санкт-петербургская) и московская школы. Ленинградской школе присущ холизм и социологический реализм. Здесь любое социально-экономическое действие существует в рамках конкретных институтов и исторических эпох. Экономика рассматривается не только в отношениях между людьми, но и в деятельности объективно существующих структур (например, рынков, производства). В то время как московская школа экономической социологии в лице Вадима Радава действует в рамках понимающей социологии и социологического номинализма, центральной категорией выделяя человеческое действие и поведение «актора» в экономике.¹

¹ Веселов Ю.В. Экономическая социология: История идей. // СПб.: Изд-

В-третьих, многие экономические социологи стараются придать своей науке большую статусность и первостепенность, говоря о том, что все классики социологии писали свои работы именно по экономической социологии. При углублении в классические теории действительно можно заметить, что среди работ преобладает тематика исследования и изучения хозяйства. Например, одна из работ Вебера так и называется: «Хозяйство и общество». Помимо этого, Вебер наравне с Зомбартом изучал феномен капитализма и формирования капиталистического духа при различных исторических и культурных обстоятельствах. Зиммель рассматривал деньги через социологическую призму в работе «Философия денег». Дюркгейм представил теорию общественного разделения труда с выделением категорий механической и органической солидарности. Маркс создал огромный труд о производственных и классовых отношениях.

Всё это говорит о том, что такие классики социологии, как Маркс, Вебер, Дюркгейм, Зомбарт, Зиммель оказывают влияние не только на социологию в целом. Благодаря их работам появилась отдельная отрасль социологии – экономическая социология, появилось множество подходов, школ, направлений к рассмотрению экономики с точки зрения социологии, что представляет собой несомненно огромный вклад в развитие социологической науки.

В конце рассуждений о роли классиков в развитии социологии, хотелось бы сделать небольшой акцент на возможностях исследования различных современных глобальных социальных процессов при использовании классических теорий.

Большинство современных теорий представляют собой исследование либо процессов, касающихся какой-либо отдельной страны, либо особых специфических явлений отдельных отраслей общественной жизни, что не позволяет использовать их при рассмотрении неких общих глобальных процессов. Напротив, классические теории представляют собой массивные труды, затрагивающие многие страны и всеобъемлющие социальные процессы и явления. Таким образом, классические работы мало того, что не теряют актуальности, но и получают новые трактовки, продолжения и адаптации под существующие реалии при взятии их в качестве теоретических моделей в исследовании глобальных социальных процессов.

Список литературы

1. Иванов, О.И. Методология социологии. Учебно-методическое пособие. 2-е издание. // Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2003.
2. Веселов Ю.В. Экономическая социология: История идей. // СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1995.
3. Giddens, A. Sociology. A brief but critical introduction. Second Edition. // Houndmills, Basingstoke and London: Macmillan Education, 1982. P. VII—VIII; 1—22, 1986
4. Smelser, N.J., Swedberg, R. The handbook of economic sociology —2nd ed // Princeton: Russell Sage Foundation, 1994.
5. Sztompka, P. Another Sociological Utopia. // Contemporary Sociology, 40(4), 388–396. <https://doi.org/10.1177/0094306111412512>, 2011

С. В. Виватенко

Санкт-Петербургский государственный
институт кино и телевидения,
кандидат исторических наук, доцент

Т. Е. Сиволап

Санкт-Петербургский государственный
институт кино и телевидения,
кандидат исторических наук, доцент

Экологический кризис и проблемы сохранения особо охраняемых природных территорий

В статье рассказывается о взаимоотношениях человека и природы. В последнее время название экологического кризиса становится всё более очевидным. Экологическая политика представляет собой систему политических, экономических, юридических и иных мер, принимаемых государством для управления экологической ситуацией и обеспечения рационального использования природных ресурсов на территории страны. Обеспечение экологической безопасности невозможно без соответствующего изменения сознания людей, системы ценностей общества в целом, понимания сути экологических проблем и ответственного участия каждого человека в их решении.

Ключевые слова: экологический кризис, экологическая безопасность, особо охраняемые природные территорий, заповедники, заказники, национальные парки

The article describes the relationship between man and nature. Recently, the maturing of the environmental crisis has become increasingly apparent. Ecological policy is a system of political, economic, legal and other measures undertaken by the state to manage the environmental situation and ensure the rational use of natural resources in the country. Ensuring environmental safety is impossible without a corresponding change in the consciousness of people, the value system of society as a whole, an understanding of the essence of environmental problems and the responsible participation of each person in solving them.

Key words: ecological crisis, environmental safety, specially protected natural territories, reserves, nature reserves, national parks

История взаимоотношений человека и природы – это история расширения масштаба и разнообразия воздействия человека на природу, усиление ее эксплуатации. Результаты человеческой деятельности относительно природы позволяют судить о нравственности человека, уровне его цивилизованности, а также о его социальной ответственности перед будущими поколениями. Воздействие человека на природу увеличивалось с течением времени.

В последнее время назревание экологического кризиса становится всё более очевидным. Современный глобальный экологический кризис может быть определен как нарушение равновесия в экологических системах и в отношениях человеческого общества с природой. Среди основных черт этого явления можно назвать следующие: нарушение экологического равновесия в процессе антропогенной деятельности, неспособность человеческого общества преломить тенденцию ухудшения состояния окружающей среды, усиливающегося противоречия между утвердившейся в истории цивилизации практикой потребительского отношения общества к окружающей среде и способностью биосферы поддерживать систему естественных процессов самовосстановления [1, С. 167].

Социально-правовая потребность в качественном углублении экологических знаний, практическом применении результатов экологических исследований сформировалась в условиях мирового кризиса

окружающей среды, вызванного антропогенными факторами и прежде всего человеческой деятельностью.

Экологическую политику можно трактовать как систему политических, экономических, юридических и иных мер, предпринимаемых государством для управления экологической ситуацией и обеспечения рационального использования природных ресурсов на территории страны.

Для разработки общей стратегии и тактики гармонизации отношений человека и природы необходима методология, позволявшая объединить усилия разных наук на единой концептуальной основе.

В основу новой методологии и мировоззренческих установок мировым сообществом была положена биосферно-ноосферная концепция, разработанная в 20-40-е гг. XX в. В.И.Вернадским, но не востребованная в то время ни наукой, ни практикой. В настоящее время в условиях надвигающегося глобального кризиса учение Вернадского обрело вторую жизнь. В её контексте разработана модель экоустойчивого развития мирового сообщества.

Первые шаги по координации усилий международного сообщества учёных в исследовании экологического кризиса восходят к началу 70-х гг. XX в. В частности, в 1972 г. в Стокгольме под эгидой ООН состоялась I Международная конференция по вопросам охраны окружающей среды, обозначившая сложившуюся ситуацию и наметившая перспективу исследований этих проблем.

Конференция была подготовлена американским микробиологом Рене Дубосом. Именно на ней Дубос впервые сформулировал экологический девиз «Думай глобально, действуй локально». В 1979 году Дубос предложил начать экологическое сознание дома. Он призвал создать мировой порядок, в котором «естественные и социальные единицы сохраняют или восстанавливают свою идентичность, но взаимодействуют друг с другом через богатую систему коммуникаций». В 1980-х годах Дубос придерживался мыслей о том, чтобы действовать локально, и считал, что проблемы, связанные с окружающей средой, должны решаться в их «уникальном физическом, климатическом и культурном контекстах» [2, С. 5]. Подход Дубоса к построению устойчивых и конструктивных отношений между людьми и Землей продолжает резонировать.

Следующими крупными событиями в области экологии стали разработка в 1980-х годах концепции биосферы и появление терминов «биологическое разнообразие» – или теперь чаще биоразнообразие. Эти

термины были разработаны во время Саммита Земли в Рио-де-Жанейро в 1992 году, когда концепция биосферы была признана крупными международными организациями, и риски, связанные с сокращением биоразнообразия, были публично признаны.

В 1983 г. при ООН была создана Комиссия по окружающей среде и развитию, которая стала координатором всех исследований в этой области. Мониторинговые исследования способствовали формированию совершенно новой методологии познания: возникло представление о природе и обществе как взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентах единого целого – биосферы Земли.

Практическое воплощение идей этой концепции привело к включению уникальных памятников природы в состав всемирного наследия с последующим их сохранением, интерпретацией, освоением и музеефикацией.

В настоящее время очень широко обсуждается вопрос сохранения культурного разнообразия, представленного совокупностью национальных культур, как гаранта полноценного существования и развития культуры современной цивилизации. ЮНЕСКО принят специальный документ, констатирующий необходимость сохранения наследия в его специфичности и многообразии. Такая потребность возникла на волне процессов глобализации [3, С. 75].

За счет природы человечество активно удовлетворяет свои многочисленные потребности, вольно или невольно нанося ей вред своей деятельностью. С целью ограничения негативного воздействия человека на природную среду законодательство предписывает определенные правила рационального пользования природными объектами. Исчезновение на планете многих уникальных ландшафтов привело к мысли о необходимости включения объектов природы в понятие «наследие» со всеми организационными мерами по их сохранению, освоению и использованию. Среди объектов, включенных ЮНЕСКО в список уникальных памятников, появились природные ландшафты.

Обеспечение экологической безопасности России, как условие выживания государства невозможно без соответствующего изменения сознания людей, системы ценностей общества в целом, понимания сути экологических проблем и ответственного участия каждого человека в их решении.

Экологические отношения сегодня регулируются на основе множества федеральных законов, ориентированных, как правило, на дости-

жение узких отраслевых задач охраны окружающей среды, природопользования и экологической безопасности. Положения экологического законодательства не подкреплены соответствующими положениями Административного, Водного, Градостроительного, Гражданского, Земельного, Лесного, Налогового и Уголовного Кодексов, и остаются нереализованными.

В условиях усиливающегося экологического кризиса широкое распространение получили процессы выведения из хозяйственного оборота и заповедания природных ландшафтов.

Природные объекты являются важнейшим средством сохранения биоразнообразия. Человечество накопило огромный опыт заповедного дела. Интенсивно развивается система природоохранных учреждений: заповедников, заказников, национальных парков, имеющих различный заповедный режим. Особо охраняемые природные территории и объекты созданы в разных странах и решают задачи охраны живой природы, экологического воспитания и научных исследований.

Одним из важных вопросов в настоящий момент является различное правовое регулирование режима особо охраняемых природных территорий (ООПТ) в зависимости от вида или категории территории, с соответствующим объемом ограничений деятельности на ней.

Федеральный закон от 14 марта 1995 года № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» определил, что особо охраняемые природные территории относятся к объектам общенационального достояния. Законом установлены категории особо охраняемых природных территорий, их задачи, особенности правовых режимов, меры охраны, запрет на изъятие земель государственных заповедников и национальных парков и др. Отношения, связанные с использованием природных ресурсов особо охраняемых природных территорий, регулируются также Земельным кодексом Российской Федерации, Лесным кодексом Российской Федерации, Водным кодексом Российской Федерации, Федеральным законом «О животном мире».

Практика природоохранной деятельности и объективные показатели состояния окружающей среды показывают, что административные методы в сфере управления окружающей средой оказываются недостаточно эффективными, а экономические рыночные регуляторы в законодательстве практически отсутствуют.

Формирование ответственного отношения граждан к среде обитания связано с ломкой потребительского стереотипа поведения, что

может быть обеспечено по мере повышения экологической культуры российского общества средствами экологического образования и просвещения. Это позволит принимать и осуществлять экологически грамотные управленческие решения.

Во многих странах мира проблема выживания становится всё более приоритетной. В России экономические, политические, социальные, межэтнические проблемы оттеснили экологические проблемы, хотя без решения экологических проблем невозможна экономическая, а значит, и социально-политическая стабильность государства. Экологическая безопасность является важнейшей составляющей государственной безопасности.

Экологическая доктрина Российской Федерации, в числе основных направлений государственной экологической политики рассматривает создание и развитие особо охраняемых территорий разного уровня и режима. Согласно статье 2 Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях» существуют следующие их виды: государственные природные заповедники, национальные и природные парки, государственные природные заказники, памятники природы, дендрологические парки и ботанические сады, лечебно-оздоровительные местности и курорты. При этом они могут быть федерального, регионального и муниципального значения. Каждая категория ООПТ имеет свой механизм удержания от разрушения и серьезного изменения природного комплекса или отдельных его структурных частей.

На федеральном уровне основной формой территориальной охраны природы, играющей важнейшую роль в сохранении и изучении естественного хода природных процессов и явлений, фауны и флоры, являются государственные природные заповедники, которые насчитывают уже почти вековую историю существования в России, поскольку первый общегосударственный заповедник – «Баргузинский», был создан на озере Байкал в 1917 году. Особый режим охраны заповедников характеризуется тем, что все имеющиеся на их территории природные ресурсы полностью изымаются из хозяйственного оборота, тогда как в национальных парках, природных заказниках и других категориях ООПТ допускается ограниченная хозяйственная деятельность.

Опасной тенденцией является стремление к постоянному увеличению количества ООПТ в стране и расширение границ уже созданных территорий. При планировании необходимо учитывать все возможные последствия кардинального изменения правового режима, особенно с

учетом того, что многие российские ООПТ занимают огромные пространства, нередко сопоставимые с площадью отдельных государств, а иногда и превышающие их размеры.

Актуальность указанных мер обуславливается отсутствием четкой системы учета особо охраняемых природных территорий.

В современной ситуации особое внимание требуется уделить взаимодействию органов власти федерального, регионального и местного уровней с целью упорядочивания процесса согласования решений об образовании новых региональных и местных ООПТ или изменении их границ, учитывая, что на территориях регионального и муниципального уровня находятся природные ресурсы общенационального значения.

Вместе с задачей по оптимизации количественного состава особо охраняемых природных территорий также следует рассматривать проблему приоритетных видов, или категорий, особо охраняемых природных территорий, в пользу которых должен быть сделан выбор.

Следует отметить, что наиболее распространенной формой установления охранительного режима природных территорий во многих странах является национальный парк.

Согласно статье 12 Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях» национальные парки являются природоохранными, эколого-просветительскими и научно-исследовательскими учреждениями, территории (акватории) которых включают в себя природные комплексы и объекты, имеющие особую экологическую, историческую и эстетическую ценность, и предназначены для использования в природоохранных, просветительских, научных и культурных целях и для регулируемого туризма. Закон предусматривает, что в границах национальных парков могут находиться земельные участки иных пользователей, а также собственников.

В национальных парках предусмотрено разграничение на функциональные зоны, в том числе заповедную, особо охраняемую с режимом строго регулируемого посещения, познавательного туризма, рекреационную, хозяйственного назначения с возможностью ведения допустимой хозяйственной деятельности. При этом закон строго запрещает осуществление здесь любой деятельности, которая может нанести ущерб природным комплексам и объектам растительного и животного мира.

В России национальные парки стали создаваться только с 1983 года, и сегодня они занимают небольшую долю среди других категорий

особо охраняемых природных территорий. На федеральном уровне функционирует лишь 40 национальных парков, тогда как государственных природных заповедников насчитывается более 100.

Анализ особенностей статуса национальных парков с учетом положительного зарубежного опыта позволяет сделать вывод о целесообразности распространения и в нашей стране такой формы охраны природных территорий, сочетающей высокий уровень защиты окружающей среды и широкое развитие экологического туризма, и увеличения их доли в общем количестве особо охраняемых территорий.

Важной задачей настоящего времени является реформирование нормативной правовой базы, регулирующей функционирование ООПТ на всех уровнях.

Базовый закон «Об особо охраняемых природных территориях» не учитывает всего спектра отношений в рамках правового статуса ООПТ и предусматривает обращение к другим нормам отраслевого законодательства, разрозненным подзаконным актам, значительное количество которых существенно затрудняет правоприменение.

В соответствии с Федеральным законом «Об особо охраняемых природных территориях» управление ООПТ относится к компетенции специально уполномоченных государственных органов власти. На сегодняшний день в структуре федеральных органов исполнительной власти не предусмотрено наличие специального органа, обеспечивающего комплексное регулирование и контроль за их функционированием и реализующего весь спектр необходимых полномочий.

Разными странами накоплена многолетняя практика успешного управления особо охраняемыми территориями единым специализированным органом, являющимся аналогом российских федеральных служб и агентств [4, С. 87].

Учитывая, что собственные средства природных заповедников и национальных парков составляют в среднем менее 40 % от объема финансового обеспечения их деятельности, одной из приоритетных задач, стоящих в настоящее время перед государством, является увеличение бюджетного финансирования до уровня, обеспечивающего их полноценную деятельность, привлечение средств субъектов Российской Федерации к финансированию федеральных территорий, выделение средств на модернизацию системы ООПТ с целью последующего рационального использования их ресурсов, а также планирование расходов на реструктуризацию территорий и создание новых объектов охраны.

Важным является активное использование внутренних ресурсов заповедных территорий, связанных с созданием туристической инфраструктуры, привлечением граждан к культурно-познавательному освоению территорий, ориентацией на инвестиционные экологические проекты. По мнению В. Г. Степаницкого, «познавательный, не развлекательный, тщательно регламентированный туризм в заповедниках... только поднимет рейтинг нашего заповедного дела, повысит социальную значимость заповедников, будет способствовать росту их авторитета в глазах населения и государственных институтов, чего у заповедников так не хватает» [5, С.127].

Общей задачей, требующей скоординированных действий, является повышение эффективности деятельности ООПТ, уточнение гарантий существующих сегодня охраняемых территорий и создание новых в приоритетных экологических регионах – там, где это действительно обусловлено задачами сохранения уникальных природных объектов и не принесит ущерба сложившимся правоотношениям.

Необходима разработка комплекса законодательных, социально-экономических, теоретических и методологических основ создания и функционирования ООПТ, управления их системой, а также поддержка существующих особо охраняемых территорий, привлечение местного населения к их работе. При этом следует учитывать, что основной целью подобных мероприятий должна быть гармонизация задач охраны природы с соблюдением интересов регионов и всей страны в целом.

Принимаемые государством меры должны быть направлены на обеспечение условий гармоничного совмещения интересов экономического и социального развития с интересами сохранения устойчивых экосистем, с благоприятной средой обитания. Экстенсивный путь развития особо охраняемых территорий неприемлем. Необходимо пересмотреть подход к правовому регулированию статуса ООПТ [6, С. 156]. Отдельного внимания требует вопрос о реформировании системы управления особо охраняемыми территориями и создании специализированного органа исполнительной власти, осуществляющего администрирование данной сферы в полном объеме.

В настоящее время возникает потребность в целом ряде экологических законов. Необходимы новые рыночные механизмы реализации экологического законодательства: это система экологического страхования рисков и ответственности по возмещению вреда окружающей

среде, платежи за негативное воздействие на окружающую среду и ряд других экономических инструментов.

Таким образом, нормативная правовая база Российской Федерации в сфере охраны окружающей среды в целом характеризуется: недостаточностью рычагов для защиты общественных и государственных экологических интересов; наличием внутренних противоречий, пробелов в праве, разночтений; отсутствием норм, способствующих развитию рыночных механизмов природопользования и охраны окружающей среды; наличием межотраслевых противоречий; отсутствием комплексного подхода в правовом регулировании экологических отношений.

Объекты природного наследия оказались в последние десятилетия в числе основных жертв «экологической агрессии», распространенных ныне способов ведения хозяйства и присущего современному человечеству образа жизни в целом. В результате многие ценные памятники были полностью или частично утрачены или находятся под значительным риском утраты.

Список литературы.

1. Сотникова С. И. Музеология. – М.: ДРОФА, 2010.
2. Revkin A. A Despairing Optimist // The New York Times. 19 April, 2018.
3. Перо Ж. Музеи и глобализация, вызов XXI в. // Музей и общество. – Красноярск, 2007.
4. Александров А. А. Международное сотрудничество в сфере культурного наследия. – М.: Проспект, 2009.
5. Данилов-Данильян В. И., Залиханов М. Ч., Лосев К. С. Экологическая безопасность. Общие принципы и российский аспект – М.: Изд-во МНЭПУ, 2009. – 336 с.
6. Полякова М.А. Охрана культурного наследия России. – М.: ДРОФА, 2005.

Дун Чжожань
учащаяся аспирантуры по направлению
«Социологические науки» СПбГУ
Цуй Янань
учащаяся аспирантуры по направлению
«Социологические науки» СПбГУ

Миграция из Китая в Россию: проблемы и перспективы

Статья посвящена изучению интеграции мигрантов из Китая в российское общество, а также особенности китайской миграции, ее проблемы и перспективы. Трудовая миграция из Китая в Россию влияет на социально-экономическое развитие обеих стран. Исследование было проведено на основе анализ теоретических источников по проблемам интеграции, статистические данные и данные ранее проведенных исследований по китайской миграции.

Ключевые слова: миграция из Китая, трудовая миграция, социальная адаптация, интеграция.

The article is devoted to the study of the integration of Chinese migrants into Russian society, as well as the characteristics of Chinese migration, its problems and prospects. Labor migration from China to Russia affects the socio-economic development of both countries. This research is based on analysis of related fusion issues, previous Chinese migration research data and theoretical sources of data.

Key words: migration from China, labor migration, social adaptation, integration.

Миграция – один из важнейших современных глобальных социальных процессов.¹ Экономические и культурные обмены между странами увеличиваются, а общее число мигрантов в мире достигло беспре-

¹ Петров А. В. Социально-экономические аспекты внешней и внутренней миграции в России / Демографические изменения и семейная политика в России и Китае: Сборник статей [Электронный ресурс] / Под ред. Н. Г. Скворцова, А. В. Петрова, Сюй Сянмэй, Чжоу Хунъюнь. СПб.: Астерион, 2015. С. 61-65.

цедентного количества. Взаимоотношения России и Китая на протяжении всей истории занимали и занимают важнейшее место в китайской внешней политике.¹ Наши государства имеют общую историю и давние традиции дружбы. В последние годы к этому добавилась общность задач, возникших в ходе реформ, проводимых в обеих странах.²

С давних времен, Китай является одним из самых близких партнерских отношений России. После распада Советского Союза, и появления Российской Федерации в качестве независимого государства, изменения в экономике, её либерализация, всё больше привлекают граждан КНР, которые приезжают в Россию для работы. Со временем некоторые из этих людей остаются в России и получают вид на жительство. Миграция играет очень важную роль в развитии китайско-российских отношений. Ряд исследователей вообще считают, что миграция в целом ослабляет последствия демографического кризиса в России и избавляет её от нехватки рабочей силы. Но в то же время приток большого количества мигрантов порождает ряд социальных и социально-психологических проблем.

Согласно статистике, сегодня в России официально проживает около 2 миллионов китайцев. Это число можно сравнить с населением целого мегаполиса. Пограничники утверждают, что за последние два года 500 000 китайских граждан незаконно пересекли российскую границу. Об этом нет точной информации, но общеизвестно: поток китайцев в Россию с каждым годом увеличивается.³ Численность китайцев на российской территории оценивают по-разному. Сейчас в Китае данные

¹ Лазарева А. А., Петров А. В. Межкультурные коммуникации и современная миграционная политика России и Китая / Культурная экономика и экономизация культуры в системе современных обществ — Cultural Economy and the Economization of Culture in the System of Modern Societies (Сборник статей) / Под ред. Н. Г. Скворцова, А. В. Петрова, Ванг Жие, Динг Гоуки. СПб.: Астерион, 2018. С. 283-285.

² Гэ Цзяньсян. Краткая история миграции в Китай. Народное издательство Фуцзянь, 2003. 34с.

³ Численность и миграция населения Российской Федерации // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс] — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (дата обращения: 10.12.19)

статистики о китайских мигрантах в России отсутствуют, особенно данные по конкретным категориям (полу, возрасту, состоянию семей и т.д.). По этой причине исследование ведётся на основе данных статистики России.

Статистика включает в себя данные региональных структур Федеральной миграционной службы (ФМС), Федеральной пограничной службы (ФПС) и местных паспортно-визовых служб (ПВС), а также данные местных экспертно-аналитических центров численности китайцев, проживающих в общежитиях, гостиницах и жилых домах и т.д.

Экспертные оценки численности китайских мигрантов на территории современной России существенно различаются, но в своем большинстве находятся в пределах 200 - 400 тыс. человек. За последние пять лет (2013 - 2018) количество въездов китайских граждан в РФ с различными целями составило свыше 1 млн. человек в среднем за год. Согласно данным Росстата, в течение 2015 - 2018 гг. поставлено на миграционный учет: В 2015 — 1,012,678 китайцев приезжают в год в Россию, в 2016 году —1,288,519, в 2017 году —1,457,385, в 2018 году — 1,807,001 китайцев приезжают в РФ. Данные официальной статистики свидетельствуют, что с начала XXI века и последующего роста экономики России ведущей тенденцией стало увеличение миграционного потока.¹

Годы	2015	2016	2017	2018
Поставлено на миграционный учет	1,012,678	1,288,519	1,457,385	1,807,001

Таблица. Поставлено на миграционный учет 2015-2018 гг.

Разница между культурой мигрантов и культурой местного населения приводит к накоплению противоречий между ними, к конкуренции с местной рабочей силой, вызывая рост недовольства местных жителей. Тем более, если речь идет о нелегальной миграции, также оказыва-

¹Численность и миграция населения Российской Федерации // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс] — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (дата обращения: 10.12.19)

ющей неблагоприятное воздействие на местную экономику и рынок труда.

Поэтому одной из важнейших проблем, которые изучают социологи, является проблема социальной адаптации и интеграции мигрантов. Поскольку это очень важно для регулирования миграционных процессов и реализации эффективной миграционной политики в разных странах. Интеграция - объединение в целое каких-либо частей, процесс взаимного приспособления и объединения частей и целого в последние годы этот термин стал применяться при характеристике процесса адаптации мигрантов в российском социуме. По-видимому, в структуре адаптации мигрантов к новой среде (социально-демографической, социокультурной и природно-географической) для мигрантов добавился и такой элемент как «вживание» в новый социум: правовое, этническое, профессиональное и др.¹

В разные исторические периоды китайские мигранты осуществляли разную социальную и экономическую деятельность в России. После 1991 года Российская Федерация, как независимая страна, встретила новую волну китайских граждан. Как показывает недавняя история, это явление не было кратко временным эпизодом, оно имеет определенные традиции. За более чем 20 лет китайская миграция в Россию привлекла достаточное внимание со стороны центральных и местных политических институтов России, российских и зарубежных СМИ и международного политического общества. Китайская миграция стала многогранным явлением. Учитывая, что Россия и Китай имеют общую границу в 4200 километров, можно предположить, что поток китайский мигрантов в Россию не будет уменьшаться. В это связи проблемы китайской миграции необходимо обсуждать на всех уровнях власти, а также учитывать положение мигрантов из Китая в России, и особенности китайской миграции на фоне в контексте международной миграции в России.

Экономическое сотрудничество между Россией и Китаем имеет большое значение для развития двух стран. В последние годы, в связи с быстрым развитием российской экономики, привлечение иностранных трудовых ресурсов стало важным движущим фактором экономически России.

¹ Юдина Т. Н. Миграция: словарь основных терминов. Москва. Издательство РГСУ, 2007.

За последние 10 лет отношение россиян к китайцам претерпело существенные изменения: оно сначала было дружелюбным, но по мере увеличения числа китайских мигрантов среди местного населения стали появляться беспокойство и недовольство, однако сейчас мы можем говорить о начале процесса активизации взаимного интереса и взаимного признания. Китайские мигранты постепенно стали признаваться местными властями и сообществом. Стратегическое партнерство между Китаем и Россией заложило основу для экономического обмена между двумя странами, развитие социальных и экономических связей в полной мере удовлетворяют обе страны, россияне в целом позитивно относятся к китайской рабочей силе.¹

Как и всякое социальное явление, миграция имеет свои плюсы и минусы.² Миграция снижает давление на рынок труда принимающей страны, сокращая безработицу. Трудовые мигранты, заботясь о благополучии своих семей, пересылают значительную часть заработанных денег на родину. Миграция дает возможность использовать образовательный потенциал квалифицированных иностранных работников без затрат на их подготовку. Привлечение неквалифицированной рабочей силы из-за рубежа создает для местных квалифицированных кадров возможность заниматься более интеллектуальным трудом, что важно для становления «экономики знаний».³

Список литературы.

1. Гэ Цзяньсян. Краткая история миграции в Китае. Пекин, Народное издательство Фуцзянь, 2003. 34 с.

2. Лазарева А. А., Петров А. В. Межкультурные коммуникации и современная миграционная политика России и Китая / Культурная экономика и экономизация культуры в системе современных обществ — Cultural Economy and the Economization of Culture in the System of Modern Societies (Сборник статей) / Под ред. Н. Г. Скворцова, А. В. Петрова, Ванг Жие, Динг Гоуки. СПб.: Астерион, 2018. С. 283-285.

¹ Юй Сяокин. Причины российского демографического кризиса и всесторонняя оценка миграции рабочей силы Китая, 2013. 8-9с.

² Baynova M. S., Evstratova T. A., Petrov A. V., Sulyagina Yu. O., Zhaoxia Ye. Modern Social Problems of Labor Migration in Russia // Espacios. 2017. T. 38. № 46. С. 7.

³ Петров А. В. О некоторых перспективных направлениях современной экономической социологии // Общество. Среда. Развитие. – 2016, №3. – С. 63-66.

3. Петров А. В. Социально-экономические аспекты внешней и внутренней миграции в России / Демографические изменения и семейная политика в России и Китае: Сборник статей [Электронный ресурс] / Под ред. Н. Г. Скворцова, А. В. Петрова, Сюй Сянмэй, Чжоу Хунъюнь. СПб.: Астерион, 2015. С. 61-65.

4. Петров А. В. О некоторых перспективных направлениях современной экономической социологии // Общество. Среда. Развитие. – 2016, №3. – С. 63-66.

5. Численность и миграция населения Российской Федерации // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс] – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (дата обращения: 10.12.19)

6. Юдина Т. Н. Миграция: словарь основных терминов. Москва. Издательство РГСУ, 2007.

7. Юй Сяокин. Причины российского демографического кризиса и всесторонняя оценка миграции рабочей силы Китая. Пекин, 2013. С. 8-9.

8. Baynova M. S., Evstratova T. A., Petrov A. V., Sulyagina Yu. O., Zhaoxia Ye. Modern Social Problems of Labor Migration in Russia // Espacios. 2017. T. 38. № 46. С. 7.

Инь Шаша

учащаяся аспирантуры по направлению
«Социологические науки» СПбГУ

**Демографические аспекты развития
современной китайской деревни
(на примере изменения взглядов
на планирование семьи)**

В статье рассматриваются современные проблемы демографического развития китайской деревни на примере изменения взглядов деревенских жителей на планирование семьи.

Ключевые слова: китайская деревня, планирование семьи, демография, социология деревни

The article discusses the current problems of the demographic development of the Chinese village by the example of changing the views of village residents on family planning.

Key words: Chinese village, family planning, demography, rural sociology

Демографические проблемы развития деревни в условиях быстрого экономического развития и урбанизации Китая всегда находились в центре внимания социологов и демографов Китая [1, с. 33-38]. Они включают в себя ряд важных вопросов, таких как: миграция из деревни в города, проблема «оставленных детей», самоубийства пожилых людей и др. Несмотря на многообразие их проявлений, сущность заключается в том, что в контексте сложных процессов современного глобального экономического развития, уникальность экономического и культурного контекста деревни делает демографическую проблему централизован- ным проявлением различных противоречий и изменений [3].

Изменения в глобальной экономике и изменение образа жизни огромного числа людей во всем мире привели не только к серьезным демографическим последствиям [4, с. 336-340], таким как миграция большого количества избыточной рабочей силы из деревень в города, но и к изменению взглядов на планирование семьи у сельского населения. Особенно у молодых людей в деревне сложилось другое представление о планировании семьи, чем у предшествующих поколений. (Конечно, они отличаются и от представлений о планировании семьи у горожан).

Изменения в представлениях о планировании семьи молодых сельских жителей стали предметом исследований современных китайских социологов и демографов. Основной метод социологического исследования — интервью с жителями определенной сельской местности в конкретной провинции. Хотя сельские районы в разных провинциях Китая сильно различаются, и само понятие «деревня» уже дифференцировано, в целом изменения проявляются в следующих моментах:

1. В количественном выражении молодые родители считают двух детей наиболее предпочтительной ситуаций. Они не хотят иметь только одного ребенка или больше двух детей. Причина в том, что почти никто из сельских жителей не вырос как единственный ребенок в семье, поэтому пока ещё считается, что единственный ребенок может вырасти одиноким. И в современном китайском обществе рост расходов на воспитание приводит к тому, что они не будут рожать много детей как их предшественники.

2. Что касается гендерных предпочтений, то многие пары все еще предпочитают рождение мальчиков. Хотя они, в принципе, не против рождения и девочек тоже. Социальные предпочтения, проявляющиеся в стремлении к рождению мальчиков, не означают в современном Китае, что обязательно надо рожать именно мальчиков. Но если первый ребенок – девочка, семьи, в основном, ориентируются на рождение второго ребенка. Если первым родился сын, то семьи хотят, чтобы вторым ребенком была бы всё же дочь. Если же они могут заранее узнать, что второй ребенок также будет сыном, то есть большая вероятность, что они выберут аборт. Есть семьи, у которых уже есть две девочки и такие семьи предпочитают прекратить рождение детей. Причина ещё и в том, что в большинстве сельских районов умерла традиционная идея о том, что неспособность семей родить сына — это позор. Еще одна важная причина заключается в том, что в контексте процесса современной урбанизации Китая почти все молодые люди хотят переселиться в города. Это стало основным требованием для девушек при выборе жениха. И деньги на приобретение недвижимости в городе (квартиры) в основном поступают именно от мужчин. Для обычных сельских семей подобные социальные ожидания – это очень большое экономическое давление. Таким образом, сформировалось представление о том, что рождение сына означает увеличение финансового бремени для семьи, а рождение дочери, напротив, может облегчить сельской семье жизнь [2].

Резюмируя сказанное выше, можно сказать, что идеальный тип семьи у молодых людей в современной деревне Китая — 1 сын + 1 дочь. Причины выбора подобных предпочтений сложны и разнообразны. В целом рост детородного возраста и переход к нуклеарной семье свойственны почти всем современным «глобализированным» обществам. С этой точки зрения, можно отметить общие тенденции развития деревни Китая как неотъемлемой части формирования современного глобального индустриального общества. Раньше люди просто по традиции считали, что «чем больше детей, тем счастливее жизнь». А теперь сельские жители более рационально подходят к вопросам планирования семьи, в соответствии с их экономическими возможностями. По сравнению с прошлым веком, они также стараются обеспечить хорошие условия воспитания и образования для детей. Однако, помимо общих тенденций, подобных влиянию современного глобального сообщества и его культурных традиций, нельзя игнорировать уникальные исторические, культурные и экономические условия деревни Китая. Например, в деревне

Китай никогда не будет бездетных семей с обоими работающими супругами. Первоочередной задачей создания семьи в китайской деревне всё же остается рождение детей. Следует также отметить существенное повышение социального статуса женщин в китайской деревне. Теперь основное финансовое бремя формирования семьи несет на себе именно мужчина. И иногда это даже выходит за рамки его платежеспособности. В то же время мы обнаружим еще одно противоречие: с одной стороны, демонстрационный эффект городского образа жизни и возможности интернета приводят к тому, что разница в уровне потребления между городом и деревней размывается. Однако, с другой стороны, неравномерное развитие города и деревни в Китае, а также недостаток экономического, культурного и социального капиталов сельского населения делает переход от статуса крестьян к статусу настоящих горожан очень трудным. И многие сельские жители зачастую идут по простому пути – покупают недвижимость в городах, тем самым стремясь зависеть свой статус [5].

На примере изменения взглядов на планирование семьи можно заметить, что социально-демографические изменения в современной деревне Китая – это обратная сторона стремительного экономического роста Китая последних 30 лет. Любой вопрос, связанный с демографическими процессами, является продуктом быстрого экономического развития, распространения рациональности и образа жизни индустриального общества, взаимодействующих и переплетающихся факторов в контексте конкретных культурных традиций.

Список литературы.

1. Е Чжаося, Петров А. В. Экономическая социология в Китае // Общество. Среда. Развитие. – 2017, №1. – С. 33-38.
2. Дэн Хуйминь. Анализ восприятия вопросов планирования семьи современными молодыми фермерами (на основе социологического исследования деревни Х в южном Хэбэ) // Журнал Шаньси сельскохозяйственного университета (издание социальных наук) Том 13 (выпуск 7). (邓会敏. 当代青年农民的生育观探析——基于河北省临漳县 H 村的走访调查—山西农业大学学报 (社会科学版) 第 13 卷 (第 7 期))
3. Петров А. В. «Глобализация» экономики: социальные и экономические аспекты. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. – 198 с.
4. Петров А. В. Экономическая глобализация и проблемы развития производства сельскохозяйственной продукции / Социальные проблемы российского села и аграрных отношений. Материалы междуна-

родной научной конференции – седьмые Санкт-Петербургские социологические чтения / Под ред. М.А. Арефьева, И.В. Солонько. – СПб.: Изд-во СПбГАУ, 2015. – С. 336-340.

5. Янь Цисун. Взгляды на планирование семьи молодых людей в деревне с точки зрения теории социального обмена // Современное исследование молодежи. – 2006, № 7. – С. 53-56 (颜其松. 社会交换视角下的农村青年生育观 –当代青年研究, 2006年第7期, 53-56页)

Л. Н. Абдаллах
учащаяся 3 курса бакалавриата
по направлению «Востоковедение
и африканистика» СПбГУ

Трудовая миграция как форма вынужденной социальной мобильности

В настоящее время трудовая миграция является одной из самых распространенных форм социальной мобильности. В отличие от прочих форм социальной мобильности для российской действительности свойственна трудовая миграция коренных народов Центральной Азии. В данной работе рассмотрены общие тенденции, причины и последствия миграционных процессов данного региона.

Ключевые слова: социальная мобильность, трудовая миграция, взаимоотношения стран, экономические выгоды.

Currently, labor migration is one of the most common forms of social mobility. Unlike other forms of social mobility, the Russian reality is characterized by labor migration of the indigenous peoples of Central Asia. This paper discusses the General trends, causes and consequences of migration processes in the region.

Key words: social mobility, labor migration, relations between countries, economic benefits.

Введение. В современном мире социальная трудовая миграция является одной из основных форм социальной мобильности. К данной форме социальной мобильности относятся изменения вертикального и горизонтального социального статуса [1]. В современных условиях трудовая мобильность является, с одной стороны, необходимой, а с

другой – вынужденной формой для экономического развития. В своей сущности, трудовая мобильность есть результат капиталистического устройства современного общества с его формами рыночных отношений, и, как следствие, неравномерным распределением благ [2].

Актуальность данной темы определяется проблемами постоянно увеличивающегося количества трудовых мигрантов из Центральной Азии в Российскую Федерацию. Тема миграции стоит на повестке дня и нуждается в широком обсуждении со стороны обоих правительств – стран-доноров и принимающей стороны. Изучение миграции, в том числе трудовой, остается актуальной, т.к. происходит постепенное изменение социально-этнической составляющей населения Центральной Азии и России. В России образуется большое количество этнических диаспор народов Центральной Азии. Эти процессы ведут к неоднозначным, противоречивым последствиям, которые требуют глубокого изучения с целью прогнозирования будущих геополитических тенденций и изменений на территории бывшего Советского Союза.

Основная часть. Методологическая основа работы заключается в обобщении и анализе информации по заданной тематике, сборе статистических данных. Миграционный коридор между странами Центральной Азии и Российской Федерации появился после развала Советского Союза, однако с течением времени характер миграционного потока претерпел определённые изменения. Так, например, в 1990-х годах наблюдалась волна вынужденной миграции населения в Россию из стран с неустойчивой политической ситуацией, экономическими кризисами, гражданскими беспорядками [5]. Тогда значительная доля переселенцев приходилась на русскоговорящее население, которое, по факту, возвращалось на свою историческую родину.

В настоящий момент основную часть миграционного потока составляет трудовая миграция. Основные причины заключаются в сложном экономическом положении стран Центральной Азии, значительной разнице между уровнем жизни и благосостояния данного региона и других стран [3], неопределенные векторы и перспективы дальнейшего развития экономики региона, а также низкий уровень заработной платы [6].

В Россию направляются до 85% трудовых мигрантов из Таджикистана [5], до 60 % трудовых мигрантов из Кыргызстана, около 70% внешних трудовых мигрантов из Узбекистана [6]. В то время как в странах Центральной Азии наблюдается аграрное перенаселение, в России,

в результате демографического кризиса, уменьшается население. Начиная с 2006 года, в России происходит ежегодное сокращение трудоспособного населения примерно на 1 млн. человек [7]. Наблюдается неравномерность расселения мигрантов по России. Наибольшая концентрация трудовых мигрантов из государств Центральной Азии находится на юге страны, а также в столичных регионах, а районы России, испытывающие крайнюю нехватку рабочей силы – Сибирь и Урал остаются неактуальными для мигрантов [8].

Мигранты из стран данного региона обеспечивают Россию трудовыми ресурсами для разных сфер экономики. В бывших республиках Центральной Азии снижение экономической активности после развала Советского Союза в совокупности с ростом населения привело к безработице [3]. В 1990-2010-е годы уменьшение численности населения в России способствовало увеличению потребности в трудовых кадрах. Отсутствия необходимого трудового ресурса, а также растущий уровень безработицы в Центральной Азии привели к усилению трудовой миграции. Можно сказать, что трудовая миграция из стран Центральной Азии в Россию является взаимовыгодной с точки зрения демографического вопроса и развития экономики.

Позитивное воздействие миграции из Центральной Азии проявляется в компенсировании дефицита рабочей силы в тех отраслях, где не требуются профессиональная квалификация и специальные знания. Это, в свою очередь, способствует росту данных отраслей, препятствует банкротству предприятий, позволяет привлекать больше инвестиций, например, в строительство. Трудовые мигранты концентрируются в таких сферах, как строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, торговля, транспорт, сфера обслуживания. В отраслях, занятых по большей мере мигрантами, наблюдается тенденция уменьшения уровня зарплат. Негативные последствия для стран-доноров заключаются в ослаблении собственной экономики и постепенной потере значительной части трудоспособного населения, а также в отрицательном влиянии на демографическую ситуацию в странах Центральной Азии – наблюдается постоянный отток до половины мужского населения Таджикистана и около трети мужского населения Кыргызстана.

Заключение. В заключении стоит еще раз подчеркнуть, что трудовая миграция из Центральной Азии в Россию выгодна как принимающей стороне, так и странам происхождения мигрантов, однако она могла бы приносить обеим сторонам еще большую пользу при условии

решения проблем, связанных с ее регулированием. Безвизовый режим и географическая близость рассматриваемых стран провоцируют краткосрочную, «круговую» миграцию, которая часто носит сезонный характер. Требуются правовые нормы, стимулирующие законное временное трудоустройство, в том числе предусматривающие упрощенный порядок въезда и выезда из страны.

Сотрудничество между правительствами данных стран в решении миграционных и иных проблем находится в стадии развития, однако для изучения возможностей создания новых механизмов сотрудничества в обеспечении мобильности трудовых ресурсов и налаживании миграционных процессов необходим диалог с участием, в том числе международных организаций. Такими механизмами, в частности, могли бы стать рабочие группы по разработке законов, публичные слушания, мониторинг исполнения законов, а также миссии по оценке программ и проектов. Для эффективного управления процессами миграции необходимо дальнейшее международное сотрудничество между министерствами, правительственными ведомствами, экспертами, неправительственными и международными организациями, включая Международную организацию по миграции, Международную организацию труда и ОБСЕ.

Список литературы:

1. Гонашвили А.С. Социальная стратификация российского общества // Общество: социология, психология, педагогика № 1. 2015. С. 13-16.
2. Капитализм в России: в поисках новых институциональных оснований: коллективная монография / Ю.В. Веселов, Р.В. Карапетян, Е.В. Капусткина, А.В. Петров, М.В. Синютин, А.А. Смелова; под. ред. М.В. Синютина; СПбГУ, ф-т социологии. – СПб.: «Реноме», 2-13 – 168 с.
3. Колосницына М. Г., Суворова И. К. Международная трудовая миграция: теоретические основы и политика регулирования // Экономический журнал ВШЭ – 2005. Т. 9. № 4. 543–565 с.
4. Межгосударственный статистический комитет СНГ. Среднемесячная номинальная заработная плата // URL: <http://www.cisstat.com/rus/macro/zp-2.pdf> (дата обращения 29.11.2019).
5. Мониторинг показателей качества жизни населения в странах содружества независимых государств 2012-2015 // URL: http://www.cisstat.com/rus/Monitoring_of_lq_2012_2015.pdf (дата обращения 29.11.2019).

6. Олимова С., Боск И. Трудовая миграция из Таджикистана // Душанбе: MOM. – 2003, – 145 с.

7. Садовская Е., Олимова С. Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и Пакистане: Аналитический обзор. Европейская Комиссия, Международная организация по миграции // Алматы: Европейская комиссия, MOM. – 2005. – 146 с.

8. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 году // URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_107/Main.htm (дата обращения 29.11.2019).

А. А. Федоркова

учащаяся 4 курса программы

бакалавриата по направлению «Социология» СПбГУ,

Т. А. Федоркова

учащаяся 4 курса программы

бакалавриата по направлению «Социология» СПбГУ

Новые формы предпринимательства в информационной экономике

Целью статьи является анализ новых форм ведения предпринимательской активности в условиях становления и развития информационной экономики. В рамках констатации предпосылок к изменению форм предпринимательской деятельности в статье обозначены основные тренды современной экономики. Подчеркнуто, что информационная цифровая экономика характеризуется ростом доли знаний, инноваций, ростом доли, доминирующей над сферой производства, сферы услуг. Отмечено, что в условиях цифровой экономики увеличивается число торговых и сервисных предпринимательских структур, которые уходят в виртуальные миры, и при этом решают социальные задачи в рамках виртуального предпринимательства и совместного потребления.

Ключевые слова: информационная экономика, цифровая экономика, шеринговая экономика, социальное предпринимательство, сервисная экономика.

The article outlines the main trends of the modern economy. The author emphasized that the digital information economy is characterized by an increase in the share of knowledge, innovation, an increase in the share that

dominates the production and services sectors. The article notes that in the digital economy, the number of trading and service entrepreneurial structures that go into virtual worlds is increasing, and at the same time they solve social problems within the framework of virtual entrepreneurship and joint consumption.

Key words: information economy, digital economy, sharing economy, social entrepreneurship, service economy.

Ведущие развитые страны мира убедительно демонстрируют успехи по созданию и развитию комплексов, производящих цифровое оборудование и предоставляющих широкий ассортимент информационных услуг, что прямо и косвенно влияет на развитие экономики, фундаментальной и прикладной науки, образования и общества в целом. Данные предпосылки позволяют говорить об активизации процесса формирования цифровой информационной экономики, характеризуемой также новыми типами и направлениями предпринимательства.

Существуют различные подходы к определению понятий «информационная экономика» и «цифровая экономика», в рамках которых данные этапы экономического развития рассматриваются и с позиций синонимичности (информационная экономика и цифровая экономика - понятия равнозначные), и с позиций комплиментарности (цифровая экономика включает в себя информационную экономику, поскольку базируется на информации и больших данных), и с позиций эволюционирования (так, согласно НИУ ВШЭ, информационная экономика представляет собой становление нового сектора экономики: деятельность, связанную с производством товаров и услуг в сфере ИКТ, контента и СМИ, при этом в дальнейшем информационная экономика трансформируется в информационное общество (стадия вовлечения в коммуникационную систему всех агентов экономики) и непосредственно цифровую экономику, в рамках которой информация становится основополагающим фактором производства¹). Мы полагаем, что все эти подходы могут считаться верными и обоснованными, однако в рамках данной статьи предлагаем анализировать понятия цифровизации и информатизации непосредственно в контексте комплиментарности и даже синонимичности. Безусловную значимость вопроса комплексной цифровизации

¹ Суслов А.Б. Цифровая экономика: что и как измерять? URL: <https://www.gks.ru/publish/conf0918/suslov.pdf>

ции и информатизации России подчеркивает и Президент РФ Путин В.В., констатирующий, что цифровая экономика является новой «основой для развития системы государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы, общества», а её формирование — «это вопрос национальной безопасности и независимости России, конкурентности отечественных компаний, позиций страны на мировой арене на долгосрочную перспективу, по сути на десятилетия вперёд».¹

Оценивая нормативно-правовую базу построения информационной цифровой экономики в России, отметим, что еще в декабре 2016 года Президент России подписал указ по созданию правовых, технических, организационных и финансовых условий для развития цифровой экономики в Российской Федерации.² В июле 2017 года Председателем Правительства РФ была утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации».³ Цифровая экономика, в том виде, в котором она представлена в Программе, складывается из трех тесно взаимосвязанных уровней: рынки и отрасли экономики, где осуществляется взаимодействие конкретных бизнеса и потребителей; платформы и технологии, где формируются компетенции для развития рынков и отраслей экономики; среда, которая создает условия для развития платформ и технологий и эффективного взаимодействия субъектов рынков и отраслей экономики. Важным документом, доказывающим комплиментарность рассматриваемых в данной статье понятий, также является «Стратегия развития информационного общества до 2030 г.», в которой цифровая экономика определяется как повышение эффективности современной экономики в основном за счет автоматизации всех процессов и технологий обработки данных.⁴

¹ Президент России. Заседание Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54983>

² Указ Президента РФ от 01.12.2016 N 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»

³ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы»

⁴ Распоряжение Правительства РФ №1632-р от 28 июля 2017 г. «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»»

Одной из сфер или элементов цифровизации и современной информационной экономики является экономика совместного потребления (sharing economy, шеринговая экономика, collaborative economy, peer economy, collaborative consumption), генерирующая новые формы предпринимательской активности. Экономику совместного потребления в большей степени необходимо относить к городским феноменам: возникновении модели связано с высокой стоимостью собственности в крупных городах, а большинство крупнейших компаний, использующих развитие технологий для активизации модели совместного потребления были созданы в больших городах и для больших городов.¹ В своем проявлении шеринговая экономика связана с использованием интернет-платформ и сервисов, которые соединяют тех, кто владеет ресурсом с теми, кто в нем нуждается.² Использование платформ позволяет привлечь наибольшее число масс, при этом сократив эксплуатационные расходы по продвижению и предоставлению данных услуг. Пользователи различных сервисов (Uber, Airbnb, Lyft, Locomo и др.) передают в экономический оборот свои избыточные активы, перераспределяют их и получают доход. В качестве ярчайшего примера экономики совместного потребления можно привести совместные поездки на автомобиле — карпулинг (carpooling) и райдшеринг (ridesharing), изначально создававшиеся как механизмы компенсации издержек для водителя, но затем трансформировавшиеся в коммерческом направлении, а также в направлении каршеринга (carsharing) — упрощенной формы краткосрочной аренды автомобилей. Данные процессы меняют существующую экономику потребления, снижают неразумное использование ресурсов и создают новое городское сообщество, которое не считает владение собственностью — достойной целью экономики своего времени.

Системообразующими аспектами экономики совместного потребления можно признать:

- равенство всех участников процесса, сервиса, платформы и т.д.;

¹ Садовская А.Г. Основные аспекты функционирования шеринговой экономики // Вестник современных исследований. 2018. № 9.4 (24). С. 252

² Ревенко Н.С. Новые контуры цифровизации за рубежом и в России: экономика совместного потребления // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11. № 2. С. 103

- ответственность – все участники процесса, сервиса, платформы и т.д. принимают на себя одинаковую меру ответственности;
- выгода – все действия участников процесса, сервиса, платформы и т.д. направлены на получения максимальной взаимной выгоды;
- безопасность – деятельность осуществляемая или принимаемая участниками процесса, сервиса, платформы и т.д. должна быть не только взаимовыгодной, но и взаимобезопасной;
- осведомленность – участники процесса, сервиса, платформы и т.д. в полной мере осведомлены о взаимном сотрудничестве;
- гласность – максимальная информационная открытость сотрудничества;
- полезность – кроме присущей взаимной выгоды, действия участников должны также преследовать цель пользы для общества в целом, и социума в частности.¹

Кроме всего выше перечисленного, подчеркнем, что в глобальной оценке экономики «совместного потребления» также выделяют драйвинг. Драйвинг подразумевает под собой движение экономики вперед, изменение ее структуры и адаптация ее к новым реалиям, а не застывание на имеющихся позициях. В тоже время, драйвинг шеринговой экономики предполагает ее плавное, «безболезненное» внедрение и вытеснение существующей модели экономики. Однако, за счет такого драйвинга, данная модель экономических отношений и предпринимательства малоконтролируема со стороны государства, и поэтому представляет угрозу для действующих бизнес-моделей, реализуемых в соответствии с традиционными правилами.²

Также следует указать, что новая информационная экономика являет собой преимущественно сервисную экономику: в развитых странах именно сервисная экономика приобретает все большую значимость, увеличивается объем производства услуг и доходы от них.

¹ Попова И.В., Хусейнова А.А. «Уберизация» российской экономики: цель, недостатки, преимущества, перспективы // Молодой исследователь Дона. 2017. № 4 (7). С. 166

² Комарова И.П., Новикова Е.С., Устюжанина Е.В. Экономика взаимности: хорошо забытое новое // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2017. № 5 (95). С. 6

Сервисная экономика, по классификации Всемирной торговой организации (World Trade Organization), включает более 150 различных видов услуг, в том числе деловые услуги, услуги связи, финансовые услуги, образовательные услуги, туристские и связанные с ними услуги, транспортные услуги, услуги по организации досуга, культурных и спортивных мероприятий и другие. Исходя из этого, можно говорить о том, что сфера сервиса в настоящее время является преобладающим видом экономической деятельности. Цифровая экономика предполагает цифровизацию всех бизнес-процессов, связанных с созданием, продвижением, реализацией товаров и услуг. Ключевым фактором производства становятся данные в цифровой форме, которые приобретают характер основных активов компаний и играют первостепенную роль во всей экономической деятельности. Особое значение приобретает информационная среда сервисного бизнеса, обеспечивающая доступ к информации о деятельности экономических систем в режиме реального времени в интегральной глобальной сети. Цифровая инфраструктура включает комплекс технологий, обеспечивающих вычислительные, телекоммуникационные, сетевые потребности работающих на цифровой основе компаний.

Сфера сервиса в полной мере ориентирована на активное внедрение цифровых технологий, многие бизнес-процессы в сервисной экономике уже перестроены в соответствии с новой парадигмой развития цифровой экономики, включая услуги связи, банковские услуги, туристские услуги и др. Технологии машинного зрения, так называемая лицевая биометрия, применяются для идентификации личности и используются в системах безопасности на транспорте, при проведении массовых мероприятий и т.п. В сфере сервиса, в частности в гостиничном и ресторанном бизнесе, лицевую биометрию используют для показа таргетированной рекламы, ориентированной на конкретного гостя. Смысл целевой рекламы состоит в том, что при появлении нового гостя происходит его распознавание по ряду признаков, например, по полу, возрасту, присутствию рядом детей и т.п., и в зависимости от этого ему демонстрируется соответствующая ситуация рекламы. За счет этого повышается эффективность рекламного воздействия. Интернет вещей позволяет через специальные датчики обеспечить контроль и удаленное управление в реальном времени многими приборами (вещами). По этой технологии реализуется концепция умного дома, которая получила широкое использование в гостиничной индустрии.

Одной из сфер с наиболее активным внедрением информационных технологий являются туристские услуги. Для того чтобы сформировать привлекательность туристской дестинации и обеспечить поток туристов, необходимо создать хорошее информационное сопровождение, в котором бы содержалась вся необходимая для путешественника информация. Опрос цифровых путешественников России, проведенный компанией Travelport в ноябре 2017 г., показал, что цифровые технологии крайне важны для туристов как при выборе направления путешествия, так и во время него. При планировании путешествия 80% российских туристов изучают видео и фотографии, размещенные в социальных сетях и касающиеся выбранной дестинации, 86% во время путешествия считают главным наличие мобильной связи, 73% туристов считают, что электронные посадочные талоны и билеты значительно упрощают путешествие, 75% туристов оставляют свои отзывы на обзорных сайтах, 37% туристов необходим консьерж-сервис в смартфоне во время поездки, 69% хотят получать максимально возможный объем информации о дестинации, в которую они приехали, в среднем в путешествии туристы используют 17 различных мобильных приложений.¹ Маркетинг в социальных сетях SMM (Social Media Marketing) получил широкое распространение в сервисе и туризме. Обмен контентом, мнениями, опытом и актуальными медиа-данными, поиск людей со схожими интересами и получение информации о туристских достопримечательностях привели к созданию и развитию тематических групп и сообществ компаний и брендов. Кроме того, имеется возможность вовлекать аудиторию и формировать лояльность к бренду при помощи сообществ в социальных сетях, а официальные страницы компании предоставляют удобную среду для общения с потребителями и хорошо работают для формирования лояльности клиентов. Использование мобильных сервисов стало важнейшим трендом в последние годы. Это связано с широким распространением как самих мобильных устройств, так и сервисов для них. Число активных пользователей мобильных устройств к 2020 г. превысит 6,1 млрд человек.² Мобильные устройства и приложения к ним применяются в различных сферах бизнеса, в том числе и в сфере услуг и ту-

¹ Морозов М.А., Морозова Н.С. Развитие цифровой сервисной экономики и ее влияние на рынок труда // Сервис+. 2018. №1. С. 105

² Морозов М.А., Морозова Н.С. Развитие цифровой сервисной экономики и ее влияние на рынок труда // Сервис+. 2018. №1. С. 107

ризма. Растет число скачиваний, областей использования, а также изменяются требования к функционалу мобильных приложений. Для многих сервисных компаний наличие собственного мобильного приложения стало нормой. Собственное мобильное приложение предприятия сервиса создает индивидуальный подход к клиенту за счет персонализации доставляемой ему информации, например, информации о новых услугах, скидках, программах лояльности и др.

Мобильные приложения имеют особое распространение в сфере туризма и гостиничного бизнеса для обеспечения коммуникации с клиентами. Они обеспечивают поиск и покупку турпродукта, авиабилета, пользование навигационными и банковскими сервисами, услугами по бронированию и т.д. Можно выделить несколько групп бизнеса путем предоставления мобильных сервисов для путешественников: картографические сервисы, геоинформационные системы, путеводители и аудиогиды, справочные каталоги с отзывами и советами, бронирование авиабилетов, бронирование отелей, бронирование железнодорожных билетов, прокат автомобилей и такси, справочная информация по предприятиям питания, справочная информация о погоде, учет финансов, программы-переводчики, интернет-мессенджеры, организаторы поездок.

Другим важным направлением трансформации форм предпринимательской активности нам представляется социальное предпринимательство. В современных рыночных условиях, как мы полагаем, информатизация не замыкается лишь непосредственно на технологической сфере и решениях, но выводит экономическую активность на новый ментальный уровень, в большей степени гуманизируя ее. В подобной среде для бизнеса особенно важно найти свои стратегические позиции и определить перспективы отношений с обществом и клиентами, чтобы сохранить свою конкурентоустойчивость и принести пользу стране. В этой связи особое значение имеет именно социальная ориентированность предпринимательства, сущность которой заключена в укреплении связей с обществом и решении определенных социальных задач. Для России проблема формирования социального бизнеса остра и насущна по причине большой доли бедных в структуре населения (около 30%), нерешенности вопроса по формированию среднего класса, важности для экономики развития малого и среднего бизнеса, повышения устойчивости общества в условиях гибридных, информационных, торговых и санкционных войн, для решения задач по повышению уровня и качества жизни населения. Выбирая в своей деятельности главное

направление, связанное с поддержкой обделенных или бедных слоев населения, бизнес имеет возможность не только быть прибыльным, но и существенно расширять рынок, использовать скрытые ресурсы, а также привлекать новых потребителей, формировать новые сегменты и связи.

Для понимания сущности, важности и ценности социального предпринимательства обратимся к понятиям, которые сформулировали ведущие ученые. Прежде всего, исследователи подчеркивают многообразие преимуществ при организации, особую миссию и ресурсное наполнение социального бизнеса, нацеленность на решение социальных задач в стране, инновационность, оптимальное использование разнообразных ресурсов и достижение социально-экономической эффективности. У истоков концептуального наполнения социального предпринимательства стоял Грегори Диз, директор Центра развития социального предпринимательства Университета Дюка (США), по мнению которого социальное предпринимательство «соединяет в себе страсть к социальной миссии со свойственной бизнесу дисциплиной, инновацией и решительностью».

Как отмечают Александров Д.Г. и Королева Т.И., при определении социального предпринимательства важно подчеркнуть деятельность некоммерческих организаций, находящихся в поиске альтернативных стратегий ресурсного обеспечения, а также особую форму социальной ответственности предприятий коммерческого сектора, выбирающих стратегию межсекторного взаимодействия и корпоративного гражданства.¹ По сути для бизнеса социальная ориентация становится катализатором социальных перемен и разрешения острых социальных проблем. В общем виде социальное предпринимательство понимается как источник экономического, социального, экологического богатства, стратегически выверенная и во многом перспективная деятельность. Эксперты оценивают социальное предпринимательство как сложное многоуровневое понятие, оценка и развитие которого предполагает комплексный, интегрированный подход, позволяющий по-новому использовать маркетинг и менеджмент в управлении отношениями и связями внутри фирмы и во внешней среде.

В научных работах социальное предпринимательство описывается с трех сторон и базируется на трех платформах. Первая платфор-

¹ Александров Д.Г., Королева Т.И. Социальное предпринимательство в современном мире // Экономика. Налоги. Право. 2014. №14. С.46

ма, вызывающая к жизни социальный бизнес, связана с расслоением общества, с несправедливостью в распределении доходов, с рискованной позиционированием определенных, имущественно ограниченных групп, исключенных из социума, отличающихся высокой степенью маргинализации, массой накопленных обид и страданий. Эта часть общества не имеет финансовых средств или политических рычагов для достижения социального блага путем трансформации. Вторая платформа – это создание и обоснование возможности развития внутри несправедливого, но устойчивого равновесия богатых и бедных. В этом случае возможно производство социального блага, услуг и комфорта с помощью и на базе вдохновения, творческой смекалки, прямого действия и смелости предпринимателя. Третья платформа социального предпринимательства задает вектор новому равновесию, раскрывающему потенциал или облегчающему страдания целевой группы. Итогом развития становится создание стабильной экосистемы вокруг нового равновесия, повышение устойчивости, открытости и гармоничности системы.¹

При характеристике социального предпринимательства целесообразно отметить преобладание социальной миссии над коммерческой составляющей, то есть предпринимательство осуществляется с целью ликвидации конкретной, острой социальной проблемы, или же существенного снижения ее остроты. Исследователь подчеркивает наличие несправедливого равновесия, его устранение и создание новой равновесной среды. При этом уточняется, что для общества экономическая прибыль не служит главным критерием определения эффективности предпринимательской деятельности, а важна социально-экономическая стабильность и защищенность целевой группы. Социальная предпринимательская деятельность осуществляется за счет устойчивого коммерческого эффекта, при этом именно самокупаемость и конкурентоспособность являются обязательными атрибутами бизнеса. Конечно, в социальной программе развития могут быть задействованы гранты, государственное финансирование и пожертвования, но рост доходов связан, прежде всего, с коммерческой и социальной деятельностью. Во многом принципиальное отличие социального предпринимательства от других некоммерческих организаций связано с

¹ Благов Ю.Е., Арай Ю.Н. Социальное предпринимательство: проблемы типологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Выпуск 3. С. 111

взаимной выгодой, тесными контактами и оптимизацией издержек по альтернативным решениям социально-политических задач. Имеются определения социального предпринимательства через бизнес-модель по смягчению, разрешению социальных проблем и увеличению социального блага. Кроме того важно понимать не только сущность, но и отличия социального предпринимательства от бизнеса с корпоративным социальным типом ответственности (КСО), который для разрешения проблем социальной природы использует только часть прибыли, тогда как социальный бизнес направляет всю прибыль на социальные нужды.¹

При решении общественно значимых задач и для развития социальной направленности бизнеса необходимо исследовать ситуации, когда государство в качестве посредника решает проблему обеспечения товарами граждан с низкой платежеспособностью. По группе социально значимых товаров, на которые имеется постоянный спрос, государство формирует отношения с бизнесом на конкурсной основе, предлагая государственный заказ и сдерживая цены. Из опыта развитых стран следует вывод о том, что эффективность труда и рациональность использования ресурсов в социальных предприятиях значительно выше при государственном заказе и государственной программе.

Выбор социальной направленности бизнеса является свободным волеизъявлением, при этом все социальные предприниматели отличаются общими чертами и качествами. В связи с тем, что это неравнодушные, смелые, активные люди, они понимают и могут сами сделать многое для общества, изменить жизнь к лучшему. Для предпринимателей с социальным настроем важна непоколебимая вера в справедливость и ценность человека, страстное желание перемен, целеустремленность и самостоятельность. Такие активные действия ведут к практическому воплощению инноваций, к расширению влияния, контроля и самореализации, к отслеживанию своего влияния на позитивные преобразования в обществе. При этом сам бизнес создает социальные ценности и формирует социальную культуру.

Еще одно отличие связано с инновационной направленностью, новаторством, с оптимальным использованием социальных, экономических и инновационных ресурсов для развития системы отношений, что

¹ Ветрова Е.А., Бородина М.И. Социальное предпринимательство как фактор развития общества // Социально-экономические явления и процессы. 2016. №12. Т.11. С.19

в очередной раз подчеркивает актуальность анализа данной формы предпринимательства в рамках нашей темы. Подчеркнем, что в условиях особого спроса на инновации, при цифровой (информационной) трансформации экономики новые разработки и решения позволяют предложить качественно новый социальный продукт или качественно новую модель взаимодействия с потребителем. Значительным преимуществом становится адаптивность к факторам и условиям, гибкость и способность быстро реагировать на ситуационные позиции, рискованные проблемы в малых социальных группах. Выработанная практика социальных контактов позволяет вести мониторинг, отслеживать изменения, держать руку на пульсе, что не всегда удается сделать государственным организациям.¹

Дорофеев в общем виде определяет социальное предпринимательство как новый способ социально-экономической деятельности, в своей основе содержащий решение конкретных значимых социальных проблем за счет новаторского подхода и достижения коммерческой самоокупаемости предприятия. Во главу угла такого предприятия ставится задача сглаживания и смягчения социальных проблем инновационным методом, выработанным в ходе изобретательской работы при комплексном использовании скрытых социальных и экономических ресурсов. При этом цель заключена в создании самовоспроизводящегося и саморегулирующегося механизма, способного к устойчивому воспроизводству отношений и конкуренции в сфере социальных товаров, услуг и благ.

В России есть открытые ниши для социальных предпринимателей, но для эффективного взаимодействия с обществом социальному бизнесу необходима информационная поддержка, правовая и налоговая защита. Интенсивное развитие и цифровое наполнение коммуникаций, массовая популяризация социального предпринимательства ведут к стимулированию заинтересованности обществ и побуждению к активным действиям и связям с бизнесом при решении социальных проблем. В перечне таких задач можно выделить формирования социально принятой репутации, позитивного имиджа и общественной востребованности социального предпринимателя, корректное законодательное регулирование социальной предпринимательской деятельности, ресурсное

¹ Жохова В.В. Социальное предпринимательство: сущность и понятие // Известия ДВФУ. 2015. №1. С.90

обеспечение и государственная поддержка. Развивать социальное предпринимательство можно на основе стимулирования потребительского спроса населения на продукцию социальных предпринимателей.¹

Таблица 1. — Признаки и модели социального предпринимательства

Модели и типы социального предпринимательства	Признаки	Факторы социального предпринимательства
Традиционные некоммерческие предприятия и компании	Социальное воздействие, развитие социальной культуры и ценностей	Миссия создания и поддержания социальной ценности, блага для общества
Некоммерческие социально ориентированные предпринимательские структуры	Социальная защита и поддержка различных слоев населения	Выявление и использование новых возможностей для реализации избранной миссии
Гибридные формирования с социальной направленностью и защитой	Территориальная, многоотраслевая и социальная направленность	Осуществление непрерывного процесса инноваций, адаптации и обучения;
Коммерческие социально-ориентированные предприятия	Инновационная активность, адаптированность к информационной экономике	Решительность действий без ресурсного ограничения
	Масштабность, бенчмаркинг	Высокая ответственность предпринимателя за результаты своей деятельности перед обществом и клиентами
	Финансовая устойчивость и социальная эффективность	

¹ Макаревич А., Самсонова Т. Сущность и специфика социального предпринимательства в России // Российское предпринимательство. 2012. №24 (222). С. 55

Следует отметить, что по объективным причинам к социальному бизнесу в России можно отнести только 1% предприятий и компаний. Организация социального предпринимательства в основном идет в сферах по оказанию услуг, где нет возможности решить социальные вопросы в рамках государственной поддержки. Среди основных видов деятельности выделяются благотворительные продажи, которые осуществляют магазины, перечисляя выручку напрямую в благотворительный фонд. Такие акции проводят магазины «БлагоБутик», «Спасибо», галерея искусства «Белая лошадь». Отслеживанием проблемных групп населения, решением вопросов по трудоустройству матерей с детьми до трех лет, инвалидов и лиц, находящихся в тяжелой жизненной ситуации, занимаются специалисты в магазине «Наивно? Очень!». Здесь на работу по оформлению сувенирной продукции принимаются люди с психическими расстройствами, а в ресторан «В темноте» принимают на работу исключительно незрячих людей.

Актуальным стало предоставление услуг уникальной направленности, как это делает служба такси «Инватакси», реализующая транспортные услуги специализированно для инвалидов. При решении задач социальной и территориальной направленности для местного социума бизнес реализует услуги, как в музее «Коломенская пастила», где размещены экспонаты продукции с исчезающими рецептами и особого вкуса. Такая деятельность позволяет по-новому взглянуть на историческое развитие местности и формировать городской бренд вокруг пастилы. Имеются достижения социального порядка при доставке экологически чистой продукции LavkaLavka, выстраивающей деятельность для поддержки сельских товаропроизводителей, проживающих в Подмосковье.

В соответствии с остротой социальных проблем субъекты социального предпринимательства организуют, управляют и продвигают деятельность на основе воздействия на общество. Понимая всю важность бизнес-влияния, предприниматели стараются смягчить социальные проблемы, создавая лучшие условия для незащищенных граждан. Инновационно активное и финансово устойчивое социальное предприятие самостоятельно решает вопросы инвестирования, расширенного воспроизводства, оказания услуг в социальной сфере, исходя их полученных доходов. При этом перспективы развития социального предпринимательства широки по масштабу и по возможности передавать полученные опыт и навыки предприятиям, рынкам и другим странам.

В соответствии с мнением экспертов, категория социального предпринимательства значительно расширяет возможности для повышения экономической эффективности, так как вводит в оборот те ресурсы, которые по количеству, качеству и структуре ранее не использовались. Такой подход связан не только с неиспользуемыми материальными ресурсами, производственными отходами, вторсырьем, но и вовлечением в общественные процессы отдельных социальных стратифицированных групп и этнических диаспор, социально ограниченных и запрещенных групп. Подчеркивая эти качества социального предпринимательства, можно вычленил интересный подход к социальному предпринимательству, когда бедных оценивают не как бремя или жертву, а как потребителей и предпринимателей. С этой важной позиции для бизнеса и для бедных слоев населения открывается большая перспектива деятельности, общения и взаимодействия. Для того чтобы подобное положение дел стало возможным, масштабным компаниям необходимо тесно сотрудничать с государственными организациями, региональной и местной властью, общественными институтами и гражданскими обществами.

При выявлении позитивного опыта развития социального предпринимательства можно отметить деятельность организаций Южной Кореи, где продвижение социально направленного бизнеса стало приоритетной задачей государственной важности. В стране все социальные предприниматели обязательно проходят сертификацию, позволяющую получить существенное преимущество в конкурентной борьбе с обычными коммерсантами, предпринимателями. Заслуживают внимания достижения и опыт социального бизнеса в Великобритании, где в 2012 году по инициативе Национальной ассоциации социальных предприятий был принят Акт об общественных услугах и социальной ценности — Public Services (Social Value) Act 2012. На основе этого акта повышается монетизация социальной ценности и обозначается трансформация, переход социальной ценности в экономический показатель. Организация поддержки развития малых социальных предприятий в Великобритании в основном возложена на Лондонское агентство развития (LDA), которое содействует социальным предприятиям в предоставлении производственных и офисных площадей, оказывает финансовую помощь в зависимости от нужд различных городских зон. В процессе партнерства участвуют различные инфраструктурные, торговые и смежные организации, специализирующиеся на поддержке социальных предприятий и

участвующие в реализации городских программ закупки товаров и услуг, производимых в секторе малых социальных предприятий.

Итак, информационная цифровая экономика влияет на все сферы жизни человека, приводит к трансформации в его поведении. Цифровую экономику характеризует то, что важнейшим ресурсом в сфере производства, распределения, обмена и потребления является цифровая информация. Информация, генерирующая новые знания, становится основным активом, ценность которого возрастает, ввиду чего меняются сами формы ведения предпринимательской активности.

Одной из сфер или элементов современной информационной экономики является экономика совместного потребления. Экономическая модель совместного потребления основана на коллективном использовании товаров и услуг, аренде и обмене вместо владения. Экономика совместного потребления открывает новые пути развития городского пространства и социума, имеет большой потенциал сокращения транзакционных издержек и отходов в сравнении с традиционной экономикой владения, создавая более совершенную, умную рабочую и жизненную среду. В качестве ярчайшего примера экономики совместного потребления можно привести совместные поездки на автомобиле — карпулинг (carpooling) и райдшеринг (ridesharing), изначально создававшиеся как механизмы компенсации издержек для водителя, но затем трансформировавшиеся в коммерческом направлении, а также в направлении каршеринга (carsharing) — упрощенной формы краткосрочной аренды автомобилей. Также мы подчеркнули, что новая информационная экономика являет собой преимущественно сервисную экономику, нацеленную на оказание услуг и базирующуюся на современных технологиях, включая искусственный интеллект, роботизацию, технологию работы с большими данными, блокчейн и др. Другим важным направлением трансформации форм предпринимательской активности в современных экономических условиях нам представляется социальное предпринимательство. Социальное предпринимательство в России является актуальной, инновационно открытой деятельностью по решению острых общественных задач и перспективной целью развития бизнеса в интересах большинства населения. Постановка новых прорывных задач экономики, инновационный тип развития и цифровая трансформация актуализируют новые идеи, концепции, ресурсы и технологии, которые в социальном бизнесе создают рабочие места, объекты социальной инфраструктуры для повышения занятости и вовлечен-

ности в предпринимательскую среду слабо защищенных слоев общества для повышения уровня справедливости и гарантирования прав и свобод человека.

Список литературы.

1. Указ Президента РФ от 01.12.2016 N 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»

2. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы»

3. Распоряжение Правительства РФ №1632-р от 28 июля 2017 г. «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»»

4. Александров Д.Г., Королева Т.И. Социальное предпринимательство в современном мире // Экономика. Налоги. Право. 2014. №14. С.45-55.

5. Благов Ю.Е., Арай Ю.Н. Социальное предпринимательство: проблемы типологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Выпуск 3. С. 109–114.

6. Ветрова Е.А., Бородина М.И. Социальное предпринимательство как фактор развития общества // Социально-экономические явления и процессы. 2016. №12. Т.11. С.18-22.

7. Жохова В.В. Социальное предпринимательство: сущность и понятие // Известия ДВФУ. 2015. №1. С.85-97.

8. Комарова И.П., Новикова Е.С., Устюжанина Е.В. Экономика взаимности: хорошо забытое новое // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2017. № 5 (95). С. 3-11.

9. Макаревич А., Самсонова Т. Сущность и специфика социального предпринимательства в России // Российское предпринимательство. 2012. №24 (222). С. 52-56.

10. Морозов М.А., Морозова Н.С. Развитие цифровой сервисной экономики и ее влияние на рынок труда // Сервис +. 2018. №1. С. 100-107.

11. Подвойский Г.Л. Роль новых технологий в экономике XXI века // Мир новой экономики. 2016. № 4. С. 6-15.

12. Попова И.В., Хусейнова А.А. "Уберизация" российской экономики: цель, недостатки, преимущества, перспективы // Молодой исследователь Дона. 2017. № 4 (7). С. 165-169.

13. Ревенко Н.С. Новые контуры цифровизации за рубежом и в России: экономика совместного потребления // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11. № 2. С. 103-110.

14. Садовская А.Г. Основные аспекты функционирования шеринговой экономики // Вестник современных исследований. 2018. № 9.4 (24). С. 252-254.

15. Суслов А.Б. Цифровая экономика: что и как измерять? URL: [vhttps://www.gks.ru/publish/conf0918/suslov.pdf](https://www.gks.ru/publish/conf0918/suslov.pdf)

16. Президент России. Заседание Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54983>

Н. В. Козловский

учащийся 3 курса программы
бакалавриата по направлению «Социология» СПбГУ

Корпоративная социальная ответственность в России

В статье рассматривается феномен КСО в России. Дается несколько подходов к определению данного явления, анализируются предпосылки и причины создания института корпоративной социальной ответственности в России. Также в статье представлены основные результаты и векторы развития концепции КСО в российских реалиях и описаны проблемы, касающиеся реализации системы КСО на российских предприятиях, и предполагаемые пути их решения

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, КСО, проблемы и тенденции КСО, пути решения

The article considers the CSR phenomenon in Russia. Several approaches to the definition of this phenomenon are given, the prerequisites and reasons for creating the institution of corporate social responsibility in Russia are analyzed. The article also presents the main results and vectors of the development of the CSR concept in Russian realities and describes the problems related to the implementation of the CSR system at Russian enterprises, and suggested ways to solve them

Key words: corporate social responsibility, CSR, problems and trends of CSR, solutions

Корпоративная социальная ответственность – феномен для России и для всего мира сравнительно новый и актуальный.

В современном обществе все чаще встает вопрос, какие цели преследует компания и, что еще более важно, как именно она собирается их достичь.

На данный момент не существует единой трактовки корпоративной социальной ответственности. Согласно классическому определению Еврокомиссии корпоративная социальная ответственность (КСО)¹ – это добровольное участие компании в улучшении жизни общества и экологической обстановки в стране и в мире.

В России данное явление трактуется как в узком, так и в широком смысле². В узком смысле КСО – это совокупность экономических, социальных и экологических обязательств предприятия, установленных нормативными актами и общественно принятыми правилами. Среди основных обязательств можно выделить следующее:

- Своевременная выплата заработной платы работникам
- Соблюдение налогового законодательства
- Обеспечение техники безопасности и здоровья работников на предприятии
- Соблюдение правил по охране окружающей среды

С точки зрения данного подхода, корпоративная социальная ответственность выступает в качестве механизма регулирования социально-трудовых отношений.

В широком смысле корпоративная социальная ответственность – эта инициатива и вклад бизнеса в решение тех или иных эколого-социально-экономических проблем, которые выходят за рамки деятельности компании. По мимо усовершенствования условий социально-трудовых отношений, предприятия добровольно участвуют в повышении условий жизни в целом.

Несмотря на наличие тех или иных определений КСО, на данный момент единого понимания социальной корпоративной ответственности среди российских компаний нет, это связано, прежде всего, с тем, что

¹ The Challenges of Corporate Social Responsibility Towards Constructive Partnership. – Brussels, 2000.

² Киварина М.В. Корпоративная социальная ответственность. Экономический журнал. 2011. - С. 116-117

внедрение концепции КСО на российских предприятиях находится на этапе становления.

Теперь поговорим об основных предпосылках и причинах принятия и популяризации концепции КСО в России и в мире. Для начала важно отметить, что история возникновения КСО показывает, что внедрение данной концепции происходило не столько добровольно, сколько под давлением разных сторон общества – СМИ, потребители, органы власти, НКО и т.д.¹

Первая причина зарождения институтов корпоративной социальной ответственности – повышенные требования к компаниям со стороны общественных организаций. Начало становления КСО идет с зарождения экологических движений, самое крупное из которых «Гринпис». С развитием экологического мышления общественность все чаще стала обращать внимания на вредную и опасную для окружающей среды деятельность компаний. Основным источником давления общественных организаций являются СМИ, через которых возможно негативной повлиять на репутацию предприятий, что, в свою очередь, крайне невыгодно для представителей бизнеса.

Вторая причина – деятельность профсоюзов рабочих, которые отстаивают права рабочих на справедливые, комфортные условия труда. Отсюда и объяснение, почему одна из основных задач КСО – создание благоприятной обстановки для работников во время их трудового процесса.

Третья причина – государственное регулирование деятельности предприятий. Государство влияет на компании через трудовой кодекс, разные нормативные акты, а также может требовать предоставления отчета о соблюдении правил трудовых отношений.

Таковы три основные причины становления института корпоративной социальной ответственности как в России, так и в мире. Все они, скорее говорят о том, почему бизнесу не выгодно следовать концепции КСО.

Однако существует ряд причин, почему компаниям выгодно развивать систему КСО у себя на предприятиях. Среди основных преимуществ внедрения КСО являются²:

¹ Кочетова В.С. Корпоративная социальная ответственность в России: основные тенденции и перспективы развития. Бизнес. Общество. Власть. 2011 №6. - С. 92-94

² Крылов А.С. Корпоративная социальная ответственность в банковской сфере: тенденции и перспективы. Управленческие науки. 2014 №4. - С. 39.

- Рост прибыли
- Создание положительной репутации у предприятия
- Усовершенствование качества обслуживания клиентов
- Увеличения количества и разнообразия предоставляемых услуг и товаров
- Увеличение шансов на привлечение высококвалифицированных специалистов.

Таким образом, мы видим, что причин и предпосылок распространения институтов корпоративной социальной ответственности как среди российских, так и зарубежных компаний много и все они значимы. Исходя из вышенаписанного, можно с уверенностью предположить, что переход к концепции КСО в недалёком будущем – процесс неизбежный для предприятий, которые так или иначе планируют оставаться конкурентоспособными на рынке труда.

На данный момент в России предприятий, которые развивают концепцию КСО, около 100¹. У всех предприятий, использующих концепцию КСО, можно выделить следующие характеристики:

- Относятся к крупным компаниям
- Участвуют в международной деятельности.

Вторая характеристика не случайна, т.к. западные партнеры российских крупных компаний уделяют особенное внимание наличию системы КСО на предприятиях.

Лидеры в сфере корпоративной социальной ответственности – компании химической, нефтегазовой, металлургической и энергетической отрасли.

Среди основных организаций, работающих в сфере становления института КСО, можно выделить организации «Ассоциация менеджеров» и «Социальная хартия российского бизнеса».

В России ежегодно проходит конкурс «Лидеры корпоративной благотворительности»². Данный конкурс позволяет провести оценку

¹ Авилова М. Г. Корпоративная социальная ответственность в России: тенденции, проблемы, решения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». [Электронный ресурс]– URL: <http://e-koncept.ru/2016/56712.htm>. (Дата обращения: 20.12.2019)

² Форум Доноров. Лидеры корпоративной благотворительности [Электронный ресурс] – URL: <https://www.donorsforum.ru/projects/lkb/> (Дата

уровня развития корпоративной благотворительности среди российских предприятий. В 2018 году компании-участники потратили более 57 млрд. рублей, лидерами в данной области стали ПАО «Норильский никель», ПАО «Газпром нефть» и «Сахалин Энерджи». Среди основных направлений деятельности на первом месте вышли: экология, образование, поддержка социально незащищенных слоев населения.

В целом, несмотря на малый процент предприятия с КСО, развитие института корпоративной социальной ответственности идет достаточно быстро. Российские компании опираются на международный опыт, однако наша система КСО имеет свои собственные черты:

- Особый акцент на необходимость формирования гражданского общества
- Особый акцент на необходимость развития человеческого капитала
- Нацеленность на создание качественной продукции для потребителя

Несмотря на наличие положительных тенденций в сфере КСО, существенная часть бизнеса России соблюдают лишь базовые правила КСО, которые прописаны в законодательстве.

Основными проблемами недостаточных темпов внедрения КСО на российских предприятиях является следующее¹:

- Как уже было сказано выше, неясность в трактовке КСО среди представителей бизнеса
- «Корпоративный эгоизм» компаний, не понимающих и не пытающихся разобраться в преимуществах развития модели КСО
- Недостаток специалистов в области реализации КСО на предприятиях
- Отсутствие серьезного давления на предприятия со стороны общественности
- Недостаточная, а порой вредящая политика государства в сфере внедрения КСО в компаниях

обращения: 20.12.2019)

¹Авилова М. Г. Корпоративная социальная ответственность в России: тенденции, проблемы, решения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». [Электронный ресурс]– URL: <http://e-koncept.ru/2016/56712.htm>. (Дата обращения: 20.12.2019)

- Недостаточная популяризация и освещение компаний своих достижений в области КСО, связанная со спецификой русской культуры
- Отсутствие системности в действиях компаний по реализации основ КСО
- Большая территория, низкая плотность населения
- Сосредоточение капитала в отдаленных регионах России (Западная Сибирь, Дальний Восток)

На данный момент можно выделить несколько направлений работы по решению сложившихся проблем в сфере внедрения КСО в России.

Первое направление – работа с бизнес сообществом, разъяснение всех выгод от института КСО в России.

Второе направление – разработка системного подхода развития системы КСО в России, которое будет иметь свои отличительные черты и которое в качестве основы может выбрать стандарт ISO:26000 «Руководство по корпоративной социальной ответственности». Первыми шагами в этом направлении могут стать¹:

- Активное взаимодействие со всеми заинтересованными сторонами – СМИ, общественные организации, стейкхолдеры
- Обеспечение прозрачности отчетности и ее расширение
- Развитие новых форм КСО – волонтерство, в том числе, со стороны отдельных сотрудников компании
- Создание новых рабочих мест

Следующее направление – улучшение работы государства в области развития КСО. Власть должна гарантировать права на собственность, независимую и объективную судебную систему, расставить приоритеты политики КСО и в то же время ужесточить законодательство при нарушении трудовых отношений и правил предоставления отчетности².

¹ Кочетова В.С. Корпоративная социальная ответственность в России: основные тенденции и перспективы развития. Бизнес. Общество. Власть. 2011 №6. С. 103-104

² Киварина М.В. Корпоративная социальная ответственность. Экономический журнал. 2011. С. 121

Четвертое направление – популяризации концепции КСО в России. Самим компаниям необходимо больше освещать свою деятельность в области КСО, совместно с заинтересованными сторонами надо создавать рейтинги предприятий с наиболее развитой системой КСО, а также создать благоприятные условия для обмена опытом о принципах реализации концепции КСО как внутри страны, так и с зарубежными партнерами.

Наконец, в российских ВУЗах необходимо разработать программы обучения по подготовке специалистов по социальной корпоративной ответственности и инструментах ее применения.

Таким образом, как уже было сказано, институт СКО в России находится на этапе становления, его будущее во много зависит от степени развития институтов правового государства и гражданского общества. Концепция социальной корпоративной ответственности перспективна и открывает много возможностей для бизнеса, власти и общественных организаций. Опираясь на зарубежный опыт, Россия должна строить свою собственную систему СКО. Несмотря на возможные трудности, система СКО должна быть имплементирована в российский бизнес, это необходимо для поддержания конкурентоспособности российских компаний на международном рынке труда и улучшения условий жизни в стране.

Список литературы

1. Авилова М. Г. Корпоративная социальная ответственность в России: тенденции, проблемы, решения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 34. – С. 1–5. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/56712.htm>. (Дата обращения: 20.12.2019)
2. Киварина М.В. Корпоративная социальная ответственность. Экономический журнал. 2011. С. 116-121
3. Кочетова В.С. Корпоративная социальная ответственность в России: основные тенденции и перспективы развития. Бизнес. Общество. Власть. 2011 №6. С. 92-106
4. Крылов А.С. Корпоративная социальная ответственность в банковской сфере: тенденции и перспективы. Управленческие науки. 2014 №4. С. 38-45
5. Форум Доноров. Лидеры корпоративной благотворительности [Электронный ресурс] – URL: <https://www.donorsforum.ru/projects/lkb/> (Дата обращения: 20.12.2019)
6. The Challenges of Corporate Social Responsibility Towards Constructive Partnership. – Brussels, 2000.

М. В. Борискина
учащаяся 2 курса магистратуры
по программе «Социология» СПбГУ

Глобальные тенденции в сфере управления персоналом

В данной статье рассматриваются различные тенденции управления персоналом в глобальной перспективе. Описываются новые технологии управления человеческими ресурсами, а также анализируется их влияние на трудовой процесс в организации.

Ключевые слова: управление персоналом, технологии, человеческие ресурсы, глобализация.

This article discusses the various trends in personnel management in a global perspective. New technologies for managing human resources are described, and their influence on the labor process in the organization is analyzed.

Key words: personnel management, technology, human resources, globalization.

Управление человеческими ресурсами исторически рассматривалось как несколько изолированная задача конкретной организации. Однако с ростом глобализации и распространением цифровых технологий мир становится более взаимосвязанным. В результате глобальные тенденции влияют на управление человеческими ресурсами в организациях различных масштабов.

Одной из новых тенденций в области глобального управления человеческими ресурсами является система постоянного обучения¹. Это включает в себя различные виды обучения и программы дополнительного образования, которые организация предлагает своим сотрудникам, в том числе возможность посещать конференции и сетевые мероприятия, а также семинары, тренинги в рамках трудового процесса. Цель этих программ состоит в том, чтобы стимулировать сотрудников расширять имеющийся набор навыков (например, изучая новый язык) или компетенций (способность понимать, как ведется бизнес в другой стране).

Следующая тенденция это глобальный рекрутинг. Лучшими кандидатами на рабочие места в компании могут быть не обязательно лю-

¹ Тугускина Г. «Оценка стоимости человеческого капитала предприятий». - Журнал «Кадровик. Кадровый менеджмент», №11, 2009г.

ди, живущие в данной стране. Такой способ рекрутинга заменяет традиционную модель¹. Он сосредоточен на том, чтобы получить лучшего кандидата в доступной позиции, независимо от того, где живет человек.

Еще одна глобальная тенденция - увеличение вовлеченности сотрудников. Вовлеченность - это уровень эмоциональной связи и приверженности сотрудника своей организации. Когда сотрудники чувствуют, что их ценят, преданность и энтузиазм по отношению к своей работе, коллегам, растет. Что, в свою очередь, повышает производительность. Как показывают исследования², компании терпят убытки, когда вовлеченность сотрудников понижается. Около 80% опрошенных сотрудников HR утверждают, что использование HR-технологий для повышения вовлеченности улучшает отношение сотрудников к компании. 57% сотрудников отдела кадров полностью согласны с тем, что инициативы по вовлечению сотрудников помогут их компании сохранить продуктивность. Большинство опрошенных сотрудников считают, что вовлеченность сотрудников важна для корпоративной культуры. Существует множество вариантов повышения вовлеченности сотрудников. Сотрудники отдела кадров могут использовать специальное программное обеспечение для привлечения сотрудников, а также для получения и отслеживания обратной связи. Эти инструменты также позволяют HR извлекать идеи из отзывов сотрудников, которые могут быть полезны для повышения эффективности труда³.

Последняя тенденция, касающаяся управления человеческими ресурсами, относится к социальной сфере. В то время как федеральные законы в Соединенных Штатах предписывают строгое количество отпусков и отпусков по болезни, многие европейские страны имеют гораздо менее строгие правила и предоставляют своим сотрудникам гораздо больше времени для отпуска и выходных по семейным обстоятельствам, чем традиционные американские компании. В результате

¹ Кибанов А.Я. Управление персоналом организации: Учебник. – 4-е издание, доп. и перераб. – М., 2010.

² [Электронный ресурс], дата обращения 15.11.2019: <https://www.tlnt.com/show-me-the-money-the-bottom-line-impact-of-employee-engagement/>

³ "Human Resource Management (HRM) - Definition and Concept". [Электронный ресурс], дата обращения 15.11.2019: www.managementstudyguide.com.

некоторые транснациональные компании принимают эту прогрессивную кадровую политику в отношении льгот и компенсаций, в результате предлагаются такие условия, как отпуск по уходу за ребенком, расширенный отпуск и гибкий график работы для всех своих сотрудников, включая тех, кто базируется в Соединенных Штатах¹.

Таким образом, данные тенденции отражают изменения, которые происходят в различных сферах общественной жизни. Меняются не только производственные факторы и технологии, но и система управления человеческими ресурсами, которой должно уделяться все больше и больше внимания.

Список литературы

1. "Human Resource Management (HRM) - Definition and Concept". [Электронный ресурс], дата обращения 15.11.2019: www.managementstudyguide.com.

2. Maugans, Chris. "21St Century Human Resources: Employee Advocate, Business Partner, Or Both?." Cornell HR Review (2015): 1-4. Business Source Complete. Web. 25 Sept. 2015.

3. Show Me the Money: The Bottom Line Impact of Employee Engagement. [Электронный ресурс], дата обращения 15.11.2019: <https://www.tlnt.com/show-me-the-money-the-bottom-line-impact-of-employee-engagement/>

4. Кибанов А.Я. Управление персоналом организации: Учебник. – 4-е издание, доп. и перераб. – М., 2010.

5. Тугускина Г. «Оценка стоимости человеческого капитала предприятий». - Журнал «Кадровик. Кадровый менеджмент», №11, 2009.

¹ Maugans, Chris. "21St Century Human Resources: Employee Advocate, Business Partner, Or Both?." Cornell HR Review (2015): 1-4. Business Source Complete. Web. 25 Sept. 2015.

Хань Юйди
учащаяся 1 курса магистратуры
по программе «Социология в России и Китае» СПбГУ,
Лю Ичэнь
учащаяся 1 курса магистратуры
по программе «Социология в России и Китае» СПбГУ

Глобальные проблемы бедности и особенности развития семейной жизни: социологический анализ

*В статье рассматриваются глобальные проблемы бедности в
связи с социально-демографическими процессами.*

Ключевые слова: проблемы бедности, демография, семья

*The article discusses global problems of poverty in connection with
socio-demographic processes.*

Keywords: poverty problems, demography, family

Глобальные проблемы бедности

Как отмечает Петров А. В.: «из всех проблем, связанных с глобальными трансформационными процессами в современной системе мирохозяйственных отношений, самой дискуссионной остается проблема бедности, которая конкретизируется в современных исследованиях неравенства в распределении мирового дохода и его социальных последствий для разных стран и регионов. Именно в дискуссиях по этой проблеме наиболее ярко проявляется крайняя поляризация мнений политиков и ученых о последствиях «глобализации» экономики» [3, с. 86]. И с этим мнением вполне можно согласиться.

Социологи, изучающие глобальные проблемы бедности, обычно выделяют национально-государственный и международный уровни бедности (а вернее, их изучения).

Под национально-государственным уровнем бедности, как правило, понимают долю населения в том или ином государстве, которая проживает ниже официально установленной государством черты бедности. В большинстве стран мира, и в том числе в России, под национальной чертой бедности понимается доход ниже прожиточного минимума, то есть ниже стоимости так называемой «потребительской корзины». Правда, здесь есть существенное отличие: в государствах ОСЭР, напри-

мер, используется другой критерий – 40-50% от среднего дохода работающих граждан. Понятно, что такой критерий национального уровня бедности существенным образом повышает критерии отнесения граждан к социальной группе бедных.

Российские исследователи Молчан А. С., Байкенич В. Е., Болгарская А. Д. также обращают внимание на данные по вопросам изучения бедности Всемирного банка. По оценкам Всемирного банка, 40-48% населения мира можно отнести к бедным людям, а 16-19% — к сверхбедным. При этом считается, что с 1980-х гг. по начало 20 в. количество людей, живущих в чрезвычайной бедности, сократилось примерно на 200 млн. И эксперты относят это к заслугам руководства КНР. При этом эксперты отмечают, что с начала 1990-х гг. проявляется тенденция к сокращению количества сверхбедных в Индии. В то же время в странах Африки южнее Сахары на протяжении последних 20 лет, наоборот, наблюдался постоянный рост количества сверхбедных жителей [2, с. 3].

Эксперты подчеркивают, что распределение беднейшего населения мира по регионам за период с 1980 г. и по сей день не изменилось. Две трети бедных жителей мира по-прежнему проживает в Восточной и Южной Азии и одна четверть — в Африке к югу от Сахары. Большая часть бедного населения сосредоточена в сельских регионах развивающихся государств. Вообще в сельских регионах многих стран наблюдается застойная бедность.

Застойная бедность является на данный момент одной из основных глобальных проблем, поскольку большинство развивающихся стран не имеют экономических возможностей для реализации различных программ снижения уровня бедности (за исключением, к примеру, Китая, где такие программы удалось успешно реализовать уже к началу 2000-х годов). Для решения глобальных проблем бедности нужна поддержка со стороны мирового сообщества, точнее, тех государств, у которых есть финансово-экономические возможности помочь развивающимся государствам решить их проблемы бедности. И проблеме бедности уделяется все большее внимание со стороны международной общественности. В 2000 г. главы правительств 180 государств мира подписали так называемую Декларацию тысячелетия, определив восемь ключевых задач мирового развития на период до 2015 г. и призвав международные экономические организации сориентировать свои программы помощи на их достижение [3, с. 90]. Но вот цели этой декларации, связанные с реше-

нием проблем бедности, так и не были достигнуты в большинстве развивающихся стран. Что создает предпосылки для дальнейшей работы международных организаций и мирового сообщества, направленной на решение проблем глобальной бедности [4, с. 79-85].

Особенности развития семейной жизни

На фоне сохраняющейся застойной бедности эксперты отмечают такие долговременные социально-демографические тренды, как снижение брачности, увеличение числа разводов и старение населения ряда стран мира. При этом женщины всё в меньшей степени ориентированы на заключение брачных союзов и рождение детей, поскольку считают это помехой карьере. Образование – основное условие для накопления главного ресурса современной глобальной экономики, человеческого капитала [6, с. 63-66]. Понятно, что бедность оказывает существенное влияние на возможности семей во многих странах предоставлять образование детям. А в современной глобальной социальной системе, где непрерывное образование становится не просто требованием для трудоустройства, а условием эффективной адаптации на рынке труда, создание возможностей для его получения детьми становится главной приоритетной задачей для большинства семей во всем мире [5, с. 72-76]. Бедность приводит и к разукрупнению семьи, разрывая связь между поколениями. Увеличивается число однодетных семей. Поскольку решение проблем застойной бедности зачастую перекладывается на плечи самих людей, то во многих странах бедные граждане, особенно проживающие в сельских регионах, вынуждены тратить больше времени на работу, чем на семью, при этом, зачастую, оставляя детей на попечение старших родителей, что не может не сказываться на качестве воспитания и проблемах социализации детей [1, с. 50-54].

Таким образом, современная семья в современных глобальных социальных условиях переживает сложный период перехода от традиционной модели семейной организации к современной, урбанистической. А это означает, что у всё большего числа людей в мире исчезает возможность опереться на семью в различных трудных жизненных ситуациях. И одиночество становится оборотной стороной сохраняющейся в мире застойной бедности.

Список литературы.

1. Инь Шаша. Дети деревенских мигрантов в Китае: исследование проблем социализации // Общество: социология, психология, педагогика. – 2019, № 2. – С. 50-54.

2. Молчан А. С., Байкенич В. Е., Болгарская А. Д. Влияние бедности и малообеспеченное граждан на экономическую безопасность государства [Электронный ресурс] // Концепт. – 2015, № 02 (февраль). – URL: <http://e-koncept.ru/2015/15027.htm>.

3. Петров А. В. «Глобализация» экономики: социальные и экономические аспекты. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. – 198 с.

4. Петров А. В. Экономическая глобализация и геосоциальная дифференциация: проблемы бедности // Общество. Среда. Развитие. – 2009, №2. – С. 79-85.

5. Петров А. В. Организационная культура и развитие системы непрерывного обучения в современных компаниях // Общество. Среда. Развитие. – 2014, №3. – С. 72-76.

6. Петров А. В. О некоторых перспективных направлениях современной экономической социологии // Общество. Среда. Развитие. – 2016, №3. – С. 63-66.

А. О. Гроссман
учащаяся аспирантуры по направлению
«Социологические науки» СПбГУ

Характеристика современного социологического дискурса относительно феномена криптовалюты

В статье рассматриваются основные аспекты определения криптовалют в современной социологии денег. Анализируются различные теоретические подходы к определению социально-экономической сущности криптовалют.

Ключевые слова: криптовалюты, социология денег, глобальная финансовая система.

The article discusses the main aspects of the definition of cryptocurrencies in the modern sociology of money. Various theoretical approaches to determining the socio-economic nature of cryptocurrencies are analyzed.

Key words: cryptocurrencies, sociology of money, global financial system.

Информационная капиталистическая экономика предоставляет потребителю большое количество финансовых и инвестиционных альтернатив [1, с. 83]. Одной из них является криптовалюта. Криптовалюта – это пиринговая платежная система, основанная на методах криптографического шифрования, в которой информация о транзакциях находится в открытом доступе [2, с. 64]. Первая подобная система – биткоин – возникла на основе открытых публикаций Сатоши Накамото (псевдоним разработчика или группы разработчиков), предложившего обоснование и алгоритм для ее функционирования.

Накамото обосновывал актуальность биткоина его сравнительными преимуществами для отдельного индивида, по сравнению с альтернативными платежными системами. Так, биткоин исключал из транзакции посредническую роль государства и официальных банковских институтов (равно как и необходимость априорного доверия к ним). Транзакции в данной системе имели необратимый характер (что исключало проблему двойного расходования), а механизм криптографического подтверждения (технология блокчейн) подтверждал их надежность. Более того, криптовалютный кошелек не привязывался к личности пользователя, что обеспечивало ее неприкосновенность [8].

Следует отметить, что любая современная криптовалюта, основана на принципах, изложенных выше: анонимность пользователя, открытый характер транзакций, блокчейн, отсутствие посреднической роли государства и официальных банковских институтов. Текущее обилие разновидностей криптовалют – следствие успешной капитализации феномена, конкурентной рыночной борьбы за привлечение пользователей путем совершенствования основополагающих характеристик системы (большая степень приватности пользователя, большая скорость производства новых коинов и пр.). Именно факт общности основополагающих принципов позволяет говорить о криптовалюте, как об однородном явлении. Более того, исторически сложилось, что в социологических исследованиях, биткоин практически всегда фигурирует, как синоним криптовалюты, в целом. Данное обстоятельство связано с тем, что общие заключения о биткоине приложимы к феномену, в целом, и наоборот.

История социологических исследований криптовалюты носит непродолжительный характер. Данная статья ставит целью охарактеризовать социологический нарратив по поводу криптовалюты и описать последние тенденции в нем.

С семиотической точки зрения криптовалюта рассматривается в коллективной работе Б. Морера, Т. Нелмза и Л. Шварц [7]. Биткоин определяется, как электронная денежная система, которая использует децентрализованный нетворкинг для осуществления невозвратных платежей [7, р. 261]. Будучи альтернативой прочим валютным и платежным системам, которые ограничивают личную свободу человека, криптовалюта решает проблему приватности пользователя через сочетание межличностного доверия и криптографических протоколов [7, р. 266].

Данный феномен объясняется через призму понятия «практический материализм» (за основу берется рассуждение Дж. Инхэма о «практическом материализме», где ученый описывает деньги, как следствие натурализации социальных отношений кредита; по аналогии – нематериальность информации, которая составляет биткоин, материализуется в процессе майнинга). Проводится параллель между экономикой биткоина и экономикой золотого стандарта. Как когда-то деньги были обеспечены драгоценными металлами, так теперь биткоин имеет практическое выражение в виде конкретного программного обеспечения, которое обеспечивает его возникновение и существование. Также, как и во времена золотого стандарта, деньги исчислимы и являются не только валютой, но и товаром [7, р. 276].

Помимо этого, авторы предлагают рассматривать биткоин не только в качестве средства обмена, но и в качестве инвестиции спекулятивного характера, части инвестиционного портфеля [7, р. 69].

С другой стороны, новым аспектом является приватизация идентичности пользователя биткоина [7, р. 71]. Также авторы рассматривают и мнение, согласно которому в утопическом/дистопийном ключе биткоин – это новая эволюционная ступень денег [7, р. 72].

В совокупности, сочетание пользователей и программного обеспечения, вписанное в реалии современной рыночной экономики, порождает своеобразный регулятивный аппарат, который постоянно валидирует транзакции в определенной сети, участники которой уверены в безопасности системы, в целом. Необходимость доверять правительству сходит на нет, на смену ей приходит доверие к основополагающему алгоритму [7, р. 73].

В работе «Do libertarians dream of electric coins? The material embeddedness of Bitcoin» Х. Карлстром характеризует биткоин, как децентрализованную анонимную электронную (виртуальную) валюту [6, р. 23]. Виртуальная валюта по Карлстрему – это валюта, обладающая

следующими характеристиками: денежный запас управляется алгоритмически (при помощи программного обеспечения), а не институционально (при помощи централизованных банковских систем); отсутствует единый авторитет, определяющий аутентичность денег - это происходит через верификацию каждой транзакции участниками сети; электронные кошельки напрямую не привязаны к личности владельцев [6, р. 25].

Карлстром рассматривает криптовалюту, как воплощение политических взглядов группы рыночных анархистов-криптографов. С точки зрения своей идеологии и практики, биткоин бросает вызов традиционным экономическим институтам и представляет интересный кейс для экономической социологии. Карлстром задается вопросом о способах налогообложения криптовалюты, и влиянии данного феномена на институты кредита, общественного мнения и валютного контроля.

Исследователь отмечает резкий скачок биткоина от доказательной концепции к стремительной капитализации, говорит о сложности финансового и законодательного регулирования [6, р. 28].

Карлстром видит в развитии криптовалюты удивительную возможность для социальных исследований денег и рынков – практически, эксперимент в режиме реального времени, попытку радикально изменить институты и социальные практики, стоящие за современной рыночной экономикой, дестабилизировать универсально признанную государственную монополию на производство и верификацию валюты. Биткоин, представляется порождением либертарианской идеологии, особенно в ключе программных обещаний освобождения от официальной политики [6, pp. 35-36].

У.Бьберг в работе «How is Bitcoin Money?» определяет биткоин как пиринговую электронную платежную систему, которая оперирует, как независимая валюта [3, р. 53]. Опираясь на онтологическую триаду Славоя Жижека (реальное – символическое - воображаемое) [3, р. 55], исследователь проводит разделение между тремя идеальными типологиями денег (деньги, как товар; фиатные деньги; кредитные деньги) и анализирует криптовалюту путем сравнения с каждым из идеальных типов [3, р. 64]. В результате, с точки зрения Бьберга, биткоин предстает как товарные деньги без золотого эквивалента; фиатные деньги без государства; и кредитные деньги без долга [3, р. 71]. Автор отмечает, что биткоин представляет собой идеологический вызов конвенциональным формам денег и обнажает формы эксплуатации, риска и насилия, внутренне присущие существующей системе кредитных денег, авторитарных государством [3, р. 72].

Статья Н. Додда «The Social Life of Bitcoin» оспаривает идею о том, что биткоин – это такой тип денег, которому удалось исключить элемент доверия из системы отношений по поводу себя [4, р. 36]. Данная идея базируется на восприятии биткоина, как «вещи», стоящей над социальным процессом, и относящего отношения по поводу биткоина к разряду естественных процессов [4, р. 43]. Додд отмечает, что имидж биткоина, как полностью механизированной валюты, не вполне оправдан, так как, на практике, криптовалюта породила вокруг себя процветающую социальную структуру [4, р. 47]. Более того, данная структура необходима для самого существования биткоина. Помимо этого, общество, возникшее по поводу биткоина, характеризуется асимметрией распределения богатства и власти, что сближает ее с мейнстримом социо-экономической жизни [4, р. 55].

Дж. Харви и И. Бланко-Ийодо в работе 2019 года «Why Cryptocurrencies Want Privacy: A Review of Political Motivations and Branding Expressed in “Privacy Coin” Whitepapers» несколько меняют социологический дискурс по поводу криптовалюты тем, что вводят понятие «private coins» (далее, приватные валюты) [5, р. 1].

Авторы определяют приватные валюты, как валюты, разработанные для анонимности и приватности пользователей [5, р. 2].

Далее отмечается, что криптовалюта типично ассоциируется с направлением философской мысли, стремящимся уменьшить или вовсе уничтожить влияние правительств и центральных банков на денежные отношения (анархизм, киберпанк, хиппи, хакеры). С другой стороны, дискурс приватности пользователей может объединять сторонников, принадлежащих и к другим идеологическим полям [5, р. 5].

Традиция приравнивать сторонников криптовалюты к либертарианцам берет начало с программной статьи С. Накамото, однако, на текущий день, данный троп уже не носит универсальный характер, так как те криптовалюты, которые успешно капитализированы, часто становятся брендами и даже позиционируются в дружественном ключе, относительно господствующих политических групп [5, р. 7].

Так, идентификация политических измерений криптовалюты бросает вызов идее о том, что электронная валюта находится вне политического влияния, и открывает дискуссию о данном феномене в контексте политического брендинга (в том смысле, что политическая идеология оказывает влияние на экономические решения) [5, р. 10].

Анонимность – ключевая тема для пользователей криптовалюты. Несмотря на то, что личность пользователя не привязана к электронному кошельку, транзакции по аккаунту находятся в публичном доступе. Данное обстоятельство, а также файлы cookies и контекстная реклама, создают возможности идентифицировать пользователя через анализ его метаданных [5, p. 11].

Каждая новая криптовалюта в рамках своей «белой книги» обещает более высокую степень приватности по сравнению с альтернативами. Сам факт приватности имеет как отрицательную (Даркнет, нелегальная торговля оружием и наркотиками, терроризм, трафик сексуальных услуг), так и положительную (новый способ дарения, поощрения, донации) стороны [5, p. 12]. Более того, речь о введении приватных валют ведется на государственном уровне. Например, Маршалловы острова анонсировали выпуск собственной электронной валюты на 2019 год [5, p. 13]. Таким образом, криптовалюта используется не только противниками господствующих денежных систем, но и правительствами и национальными банками, против которых феномен был направлен изначально [5, p. 14].

В заключение, следует отметить, что непродолжительный социологический дискурс по поводу криптовалюты долгое время отталкивался от программных положений «белой книги» Сатоши Накамото. В частности, не подвергалась сомнению идея об антагонистическом характере криптовалюты и официальных правительственных и банковских институтов. Идеология биткоина считалась априори либертарианской, направленной на исключение институционального доверия из процесса денежного обмена.

Однако, в последнее время данная идея подвергается трансформации. Отмечается, что криптовалюта напрямую зависит от социальной экосистемы, признающей и обеспечивающей ее существование (таким образом, проблема доверия возвращается в дискурс).

Криптовалюта определяется как приватные деньги, основанные на идее обеспечения анонимности пользователя. Круг акторов, заинтересованных в поддержании системы приватных денег расширяется, включая национальные правительства и центральные банки, которые стремятся адаптировать ключевые преимущества криптовалюты (надежность, анонимность, криптографическое подтверждение интеракций, блокчейн) в форме государственных приватных валют.

Список литературы.

1. Гроссман А. О. Биткойн: «параллакс-взгляд» / Антикоррупционная политика, социальное государство и социальная ответственность бизнеса в России и Китае. СПб.: Астерион, 2018. – С. 76-84.
2. Гроссман А. О., Петров А. В. Криптовалюты как социальное явление // Общество. Среда. Развитие. – 2017, №4. – С. 62-66.
3. Vjerg, O. How is Bitcoin Money? - Theory, Culture & Society 33 – 2016. – pp. 53–72.
4. Dodd, N. The Social Life of Bitcoin. - Theory, Culture & Society 35 (3) – 2018. – pp. 35–56.
5. Harvey, J., Blanco-Illodo I. Why Cryptocurrencies Want Privacy: A Review of Political Motivations and Branding Expressed in “Privacy Coin” Whitepapers. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.academia.edu/40184688/Why_Cryptocurrencies_Want_Privacy_A_Review_of_Political_Motivations_and_Branding_Expressed_in_Privacy_Coin_Whitepapers, свободный – Загл. с экрана.
6. Karlstrøm, H. Do Libertarians Dream of Electric Coins? The Material Embeddedness of Bitcoin. - Journal of Social Theory 15: 1 – 2014. – pp. 23–36.
7. Maurer, B., Nelms, C., & Swartz, L. When perhaps the real problem is money itself!: The practical materiality of Bitcoin. - Social Semiotics 23(2) – 2013. – pp. 261–277.
8. Nakamoto, S. Bitcoin: A peer-to-peer electronic cash system. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf>, свободный – Загл. с экрана.

К. Р. Айсина

учащаяся 1 курса магистратуры
по программе «Социология в России и Китае» СПбГУ,

С. И. Рысенкова

учащаяся 1 курса магистратуры
по программе «Социология в России и Китае» СПбГУ

Стратегии построения карьеры молодёжью

Статья посвящена сущности понятия карьеры и карьерных стратегий, рассмотрению их характеристик, а также основных видов и принципов. В современном обществе построение карьерной страте-

гии считается одним из важнейших пунктов обеспечения устойчивого карьерного роста.

Ключевые слова: карьера, карьерная стратегия, структура карьеры, карьерная личность.

This article deals with the meaning of career and career strategy, with their characteristics, basic types and principles. In modern society, building a career strategy is one of the most important things for ensuring sustainable career growth.

Key words: career, career strategy, career structure, career personality.

Выбор карьеры является актуальной проблемой для каждого человека в определенный период его жизни. Современная социокультурная ситуация, для которой характерны глубочайшие изменения в скорости информационных процессов, и увеличение информационной емкости научных открытий, событий социальной и обыденной жизни предъявляет особые требования к построению карьеры. Ещё в детстве человек мечтает занять значимую позицию мире. Как правило, к сожалению, многие люди со временем меняют свое представление о будущей карьере или просто испытывают разочарование в своем выборе. Для того чтобы стать успешным и найти свою область деятельности, нужно действовать по плану и составить стратегию построения карьеры.

Идеи, связанные с карьерой, начали входить в обиход ещё с древних времен. В средневековье карьера относилась только к привилегированным личностям, для буржуазной карьеры было характерно расширение общественного разделения труда. Данное направление развития и изменялось на протяжении всего существования и происходило это также по причине изменений во внешних условиях. Сегодня мы знаем достаточно большое количество исследователей в этой области, которые подробно изучали карьеру и ее стратегию.

Так, например, А.Я. Кибанов, К. Макдэниелс, Д. Сьюпер, А.К. Маркова и Д. Холл рассматривают карьеру как поступательное продвижение человека по трудовой лестнице, которая характеризуется: сменой профессиональной деятельности и различных видов деятельности в свободное время; последовательностью выполняемых работ на протяжении всей жизни; а также последовательностью исполняемых ролей, от выбора профессии до овладения ею, где характер роли имеет

отношение к предшествующей и последующей роли, отражая социальную мобильность человека.¹

С другой точки зрения, такие авторы как Ф.Р. Филиппова и Л.И. Щербо под карьерой подразумевают успешное продвижение по ступеням профессиональной, административной, социальной, производственной иерархии с целью достижения желаемого статуса, уровня и качества жизни. При этом Н.С. Пряжников отмечает и негативные стороны такого продвижения – это карьеризм.²

С психологической точки зрения карьеру рассматривают Д. Сьюпер, А.Я. Кибанов, раскрывая её как серию исполняемых личностью ролей, выбор и успех которых осуществляется благодаря индивидуально осознанным суждениям человека о трудовом будущем. И.Д. Ладанов отмечает, что человек сам оценивает степень успешности своей карьеры на основе самовыражения и удовлетворения трудовой деятельностью.³

Исходя из определений карьеры, карьерной стратегией является комплексное понятие, включающее систему представлений о целях и средствах карьерного достижения в процессе социального и профессионального выбора, а также метод продвижения и организации деятельности, обеспечивающий оптимальное использование движущих механизмов и ослабляющий факторы сдерживания и сопротивления. Это своеобразный жизненный план действий по развитию личностных и профессиональных навыков индивида для успешного построения карьеры, в понятии карьерной стратегии отражается степень активности и жизненная позиция личности, зависящая от зрелости и самобытности характера.⁴

¹ Грабивчук В.Я. Построение карьеры в современном российском обществе/ Хлабыстова Н.В., Грабивчук А.Я./ / Научные труды КУБГТУ №9. 2017 С.159

² Пряжников Н.С.Методы ориентировки в психологических «пространствах» самоопределения // Национальный психологический журнал. 2017. № 3 (27). С. 144—150.

³ Кибанов А.Я. Управление персоналом. Теория и практика. Организация, нормирование и регламентация труда персонала. Учебно – практическое пособие. Москва. 2017 С64.

⁴ Рябкова Л.А. Модернизация ценностей в стратегиях карьерного роста // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 2. С. 82-88

Существует ряд принципов карьерной стратегии, благодаря которым поставленная цель будет достигнута.

- **Принцип непрерывности.** Он заключается в том, что ни одна из достигнутых целей в карьере не может являться окончательной и быть поводом для остановки. Продвижение в карьере может прерываться или замедляться, для лояльного прохождения трудностей при таком принципе стоит создать ресурсный резерв, который включает дополнительные знания, укрепление социальных связей.

- **Принцип осмысленности.** Такой принцип рассматривает каждое карьерное действие как целесообразное. Осуществляемая деятельность должна быть социально продуктивной, знание общих целей и особенностей движения обеспечивает оптимальность выбора карьерного маршрута.

- **Принцип соразмерности.** В данном случае подразумевается, командное продвижение, которое является наиболее надежным, а скорость индивидуального продвижения должна быть соразмерной с общим движением в группе лидеров.

- **Принцип маневренности.** Стратегически карьерный маневр предполагает под собой смягчение столкновения и неудачи за счет компромисса, а также так называемый «пропуск вперед» конкурента на опасном участке и выжидательное следование за ним, еще одним плюсом данного принципа является «обход препятствия» без какого-либо существенного изменения маршрута. Обращаясь к данному принципу, стоит отметить, что при построении карьеры прямолинейность движений не всегда приводит к положительным результатам.

- **Принцип экономичности.** В любой деятельности выигрышным способом является тот, в котором наибольший результат получается при наименьших затратах ресурсов. Карьерный путь сам по себе долгое явление, поэтому здесь человек умеет распределять свои силы и соотносить реальные возможности с устремлениями, для повышения производительности, происходит повышение мастерства, с помощью объединения усилий, повышения заинтересованности.

- **Принцип заметности.** Для удачного построения карьеры в данном случае следует говорить о себе: если результатом можно гордиться, его необходимо презентовать и пользоваться для этого любым удобным случаем.¹

¹ Науменко Е.А. Планирование карьеры/учебное пособие/ Тюмень:

Современным молодым людям приходится планировать свою карьеру в обстановке постоянно меняющихся условий рынка труда и экономики. Новые технологии, относительная мобильность, цифровизация и открытость информации приводят к возникновению новых видов занятости и форм работы. Сегодня, появляется много новых возможностей выбора своего пути благодаря тому, что расширяется сфера удаленной работы. Есть возможность работать в разных местах, попробовать себя в разных профессиях, стало легче выходить на международный рынок труда. Согласно исследованию VCG и Сбербанка «Россия-2025: от кадров к талантам», проведенного в 2017 году, прогнозируется, что до 50% всех существующих сейчас профессий могут исчезнуть в ближайшее десятилетие из-за цифровизации, а 19% всех рабочих мест могут быть заменены роботами.¹

Несмотря на это, стоит отметить, что существующий ряд новых позитивных тенденций в сфере занятости предоставляет молодым людям гораздо больше возможностей, чем это было раньше. Но, к сожалению, адаптироваться в условиях неопределенности получается лишь у людей, имеющих хорошее образование, которые живут в больших городах и имеют стартовые возможности. Согласно отчету всемирной организации труда, с 2014 года безработица среди молодежи во всем мире неуклонно растет, и уже в 2017 году она составляла более 13%, прогнозируется, что эта тенденция будет продолжаться. По данным исследования HeadHunter в первом квартале 2019 года, спрос на молодых специалистов в Москве и МО составил 24%, в Приволжском федеральном округе – 18%, а в остальных регионах он еще ниже.²

Данный феномен происходит из-за того, что система образования не успевает адаптироваться к запросам рынка и мировых трендов и дает устаревшие знания. Наши образовательные учреждения ориентированы на предоставление студентам знаний, а не практических навыков. Согласно исследованию VCG и Сбербанка 91% работодателей отмечают нехватку практических знаний у выпускников, отсюда, каждый четвертый выпускник идет работать на должности, не требующие его уровня

Издательство Тюменского государственного университета, 2015 С.12

¹ Исследование VCG и Сбербанка «Россия-2025: от кадров к талантам» – проблемы трудоустройства на российском рынке труда, 2017

² hh.индекс – уровень конкуренции среди молодых специалистов в России в I квартале 2019 года. <https://hh.ru/article/24511>

образования. При этом для успеха на рынке труда от молодых людей требуются не только опыт и профессиональные знания, но и надпрофессиональные навыки, такие как презентации, работа в команде, коммуникации и др.

В 2019 году было проведено исследование БФ «КАФ» при поддержке Citi Foundation (АО КБ «Ситибанк») «Молодежь на старте карьеры», из которого можно увидеть представление современной молодежи о рынке труда.

Российская молодежь довольно рано начинает поиск работы: большинство молодых людей в возрасте от 15 до 25 лет (87%) имеют опыт самостоятельного поиска работы. Более половины молодежи (60%) имеет опыт работы. Эти цифры становятся выше для старших возрастных групп в возрасте от 21–25 лет (78%) из них уже работают. При этом работа и условия труда далеко не всегда соответствуют их ожиданиям. Для них важны условия работы: белая зарплата, социальный пакет, перспективы роста, но не имеет значение место, где можно реализовывать свой потенциал, будь это крупная известная компания, государственная структура или в свой бизнес.

Ожидания от работы: молодые люди возлагают большие надежды на получение опыта у первого работодателя, при этом требования к компенсациям на первом месте работы относительно низкие. Большинство молодых людей рассчитывают, что на первом месте работы им будут предоставлены возможности обучения (56%) и получения собственного опыта (57%). Меньше половины молодых людей (40%) рассчитывают на хорошую зарплату, социальный пакет, работу в перспективной отрасли или на перспективу карьерного роста. На работу по профессии рассчитывают только 43% молодых людей. В реальности первая работа частично удовлетворяет требования молодежи. Совсем незначительное число молодых людей (18%) отметили, что устроены в крупную компанию или в перспективную отрасль (17%) с возможностью роста заработной платы (23%), и меньше трети (31%) отметили, что компания обучает сотрудников. В целом молодым людям удается трудоустроиться в организацию без опыта работы (49%), однако только 50% работающих молодых людей отметили, что работодатель их оформил согласно законодательству и платит «белую» зарплату. Найти первую работу по профессии получается у 39% молодых людей. Гораздо более высокие ожидания молодые люди демонстрируют в отношении следующего постоянного места работы, но они тоже не соответ-

ствуют реальности.

Рисунок 1. Распределение ответов на вопросы: 1) «Отметьте, какие из следующих характеристик наилучшим образом описывают Ваше ИДЕАЛЬНОЕ первое место работы!» (N = 1000); 2) «Отметьте, какие из следующих характеристики наилучшим образом описывают Ваше первое место работы!» (N = 110)

Даже на постоянном месте работы официальное оформление и «белую» зарплату получают лишь 57% молодых людей, по профессии работают лишь 45%, считают свою зарплату хорошей 42%, только 35% работают в крупной компании. Несмотря на развитие цифровых технологий и новых форм занятости, только 18% молодых людей отметили, что имеют возможность выбирать график работы. Лишь 10% могут работать удаленно через Интернет, при этом хотели бы иметь такую возможность около половины молодых людей (45%). Большинство молодых людей хотели бы открыть свое дело (72%), но пока всего 10% реализовывают это желание.

Рисунок 2. Распределение ответов на вопросы: 1) «Отметьте, какие из следующих характеристик наилучшим образом описывают Ваше ИДЕАЛЬНОЕ постоянное место работы». (N = 1000); 2) «Отметьте, какие из следующих характеристик наилучшим образом описывают Ваше постоянное место работы». (N = 239)

Важнейшей потребностью молодежи при построении карьеры является обретение ментора (наставника). В ответах на вопрос, чего молодые люди хотели бы достичь в работе, карьере в целом, на первом месте – именно потребность в наставнике. Следующие по важности цели карьеры – достичь лидерской роли и исследовать новую профессиональную сферу.¹

¹ исследование БФ «КАФ» при поддержке Citi Foundation (АО КБ «Ситибанк») «Молодежь на старте карьеры», Москва, 2019.

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос: «Что бы Вы хотели достичь в Вашей работе, карьере в целом?» (N = 1000)

Таким образом, построение стратегии карьеры в современном мире является необходимым навыком, оно помогает молодым людям на начальном этапе определиться с будущей профессией, добиваться быстрого карьерного роста и успеха, а в долгосрочной перспективе позволяет использовать сильные стороны, нивелировать слабые стороны. Тем самым, способствует эффективному распределению человеческих ресурсов и повышает производительность труда.

Список литературы.

1. Грабивчук В.Я. Построение карьеры в современном российском обществе / Хлабыстова Н.В., Грабивчук А.Я. // Научные труды КУБГТУ №9. 2017 С.159
2. Исследование БФ «КАФ» при поддержке Citi Foundation (АО КБ «Ситибанк») «Молодежь на старте карьеры» [Электронный ресурс] // – М., 2019. URL: http://www.cafrussia.ru/page/issledovanie_molodyozh_na_starte_kareri (дата обращения: 01.12.2019).
3. Исследование ВСГ и Сбербанка «Россия-2025: «от кадров к талантам» – проблемы трудоустройства на российском рынке труда [Электронный ресурс] // 2017. <http://marketing-course.ru/russia-2025-sberbank-bcg/> (дата обращения: 01.12.2019)
4. Кибанов, А.Я. Управление персоналом: теория и практика. Кадровая политика и стратегия управления персоналом [Электронный ресурс]

ресурс] : учеб.-практ. пособие / Л.В. Ивановская, ред.: А.Я. Кибанов, А.Я. Кибанов. — М. : Проспект, 2014. — 60 с.

5. Науменко Е.А. Планирование карьеры. Хрестоматия. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2016. 220 с.

6. Пряжников Н.С. Методы ориентировки в психологических «пространствах» самоопределения // Национальный психологический журнал. 2017. № 3 (27). С. 144—150.

7. Рябкова Л.А. Модернизация ценностей в стратегиях карьерного роста. Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 2. С. 82-88.

8. НИ.индекс – уровень конкуренции среди молодых специалистов в России в I квартале 2019 года. [Электронный ресурс] // URL: <https://hh.ru/article/24511> (дата обращения: 05.12.2019)

Е. М. Лукина

учащаяся 4 курса программы бакалавриата
по направлению «Социология» СПбГУ

Инклюзивное образование в России и за рубежом

В статье рассмотрено понятие «инклюзивное образование», краткая история его возникновения. Раскрыты модели отношения к инвалидам и их категории с точки зрения ограничений жизнедеятельности. Перечислены основные проблемы, возникающие при внедрении инклюзивного образования в России и мире, приведены примеры. Сделан вывод о необходимости тесного взаимодействия лиц с ограниченными возможностями здоровья, их представителей, образовательных учреждений и органов государственной власти для обеспечения социализации лиц с ОВЗ и получения ими качественного образования и профессиональных компетенций.

Ключевые слова: инклюзия, инклюзивное образование, включенное образование, инвалид, ограниченные возможности здоровья (ОВЗ), социализация, доступная среда.

The concept of “inclusive education”, a brief history of its occurrence is considered. Disclosed are models of attitudes towards people with disabilities and their categories in terms of disability. The main problems that arise during the implementation of inclusive education in Russia and the world are

listed, examples are given. It is concluded that there is a need for close interaction between people with disabilities, their representatives, educational institutions and public authorities in order to ensure the socialization of people with disabilities and to receive high-quality education and professional competencies.

Key words: inclusion, inclusive education, people with disabilities, disabled people, people with special needs, socialization, available urban environment.

В современном обществе в условиях глобализации и интеграции практически невозможно автономное существование государства. Создание универсальных торговых, финансовых, правовых, образовательных и других норм и стандартов между странами способствует развитию международных взаимоотношений. Одним из таких направлений становится создание системы инклюзивного образования, история которого берет своё начало в середине XX века. В это время появились международные нормативные правовые акты, такие как Всеобщая декларация прав человека (ООН, 1948 г.), Декларация о правах инвалидов (ООН, 1948 г.), Конвенция ООН о правах инвалидов (2006 г.) и другие, которые заложили основы прав и свобод людей, имеющих особенности здоровья наравне с другими. Россия подписала Конвенцию о правах инвалидов в 2008 году, а ратифицировала — в 2012.

Следует отметить, что отношение общества к инвалидам на протяжении истории развития человечества было неоднозначным. На основании идей Вольфенбургера (Wolfensburger) и Н.Н. Малофеева выделяют следующие модели¹:

- «Большой человек» — инвалиды — больные люди, объекты лечения и ухода, исключены из образовательного процесса.
- «Недочеловек» — инвалиды — неполноценные люди, существует необходимость ограничения их от окружающих людей.
- «Угроза обществу» — инвалиды — угроза, могут быть источником заболеваний, «наслать порчу», нанести материальный и мораль-

¹ См.: Амиридзе С. П. Обзор зарубежного опыта в области инклюзивного образования // Научные исследования в образовании. 2012. №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-zarubezhnogo-opyta-v-oblasti-inklyuzivnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 17.12.2019).

ный ущерб. Помещение инвалидов в закрытые учреждения, обучение отсутствовало или было минимальным.

– «Объект жалости» — инвалиды — «маленькие дети», которые не взрослеют, их надо защитить от «плохого» окружающего мира, обособить от него, создать условия для комфортного существования. Помощь в образовании и развитии не рассматривается.

– «Объект обременительной благотворительности» — содержание инвалидов представляется тяжким бременем, которое пытаются уменьшить через сокращение объемов оказываемой помощи. Основное: неприятие и отторжение инвалидов.

– «Развитие» — появилась в связи с принятием упомянутых выше международных нормативных правовых актов. Предполагает наличие у инвалидов способностей к образованию и развитию. Инвалиды имеют те же права и свободы, что и другие члены общества: на жизнь, на образование, на труд, на то, чтоб быть такими же, как все. Следствием этой модели является инклюзивная модель, в результате которой происходит переход к признанию инвалидов в качестве лиц, обладающих правами, а не людей с проблемами, которые надо решать.

Согласно п. 27 статьи 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» инклюзивное образование представляет собой «обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей»¹. Инклюзивное образование подразумевает «совместное обучение (воспитание), включая организацию совместных учебных занятий, досуга, различных видов дополнительного образования лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и лиц, не имеющих таких ограничений»².

¹ Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ // Консультант Плюс: справ. – правовая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 17.12.2019).

² Ахметова Д. З., Нигматов З. Г., Челнокова Т. А., Юсупова Г. В. и др. Педагогика и психология инклюзивного образования: учебное пособие // Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права. 2014. – Режим

доступа:

В зарубежных странах в последние годы прослеживается тенденция отказа от термина «инвалиды» (или «disabled people») в пользу термина «people with special needs» — люди с особыми потребностями¹. Перестроение системы российского законодательства в соответствии с этим может занять длительное время, поэтому встречаются термины и «лица с особыми возможностями здоровья», и «инвалиды».

С учетом ограничений жизнедеятельности принято выделять пять основных категорий инвалидов, каждая из которых требует создания особых условий инклюзивного образования²:

1. Инвалиды, передвигающиеся на креслах-колясках;
2. Инвалиды с нарушениями опорно-двигательного аппарата;
3. Инвалиды с нарушениями зрения;
4. Инвалиды с нарушениями слуха;
5. Инвалиды с нарушениями умственного развития.

При внедрении инклюзии в систему высшего образования России возникает немало проблем, среди которых: низкий уровень доступности ВУЗов для инвалидов; отсутствие индивидуальных учебных планов, дистанционных программ обучения; отсутствие у педагогов знаний и навыков в работе с лицами с ОВЗ; особенности взаимодействия лиц с ОВЗ с другими студентами и обществом в целом. Рассмотрим каждую из проблем более подробно.

1. Низкий уровень доступности высших учебных заведений.

Доступность образовательных учреждений является одной из составляющих доступной городской среды, которая, согласно Конвенции ООН о правах инвалидов, предполагает наличие возможности у инвалидов и других МГН иметь равный с другими гражданами доступ к объектам

<http://www.bibliorossica.com/book.html?currBookId=14884> (дата обращения: 18.12.2019).

¹ Цзиньлин Ван, Супрун В. И. Высшее образование для инвалидов и проблемы инклюзивного образования в Китае // Известия ВГПУ. 2019. №6 (139). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysshee-obrazovanie-dlya-invalidov-i-problemy-inklyuzivnogo-obrazovaniya-v-kitae> (дата обращения: 18.12.2019).

² Приказ Минтруда России от 25.12.2012 № 627 // Консультант Плюс: справ. – правовая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150687/ (дата обращения: 18.12.2019).

физического пространства, услугам, транспорту, информации и связи¹. Зачастую представители руководства высших учебных заведений ошибочно полагают, что доступность учреждения ограничивается установкой пандусов, аппарелей и кнопок вызова персонала. Эти меры, безусловно, позволяют обеспечить доступ лиц с ОВЗ в учреждение, однако, в основном предназначены для инвалидов, передвигающихся на креслах-колясках. В то же время наличие доступа в здание еще не означает свободного перемещения по нему. Так, следует упомянуть существования таких барьеров, как лестницы, отсутствие заниженных дверных проемов, отсутствие в аудиториях первых парт, к которым можно подъехать на кресле-коляске, неадаптированные санузлы и др. Важным аспектом доступности высших учебных заведений выступает информационная составляющая, начиная с доступности информации об обучении лиц с ОВЗ на сайте учреждения и возможности просмотра этих материалов с увеличенным шрифтом, заканчивая учебной литературой, техническими средствами, имеющими крупный шрифт и шрифт Брайля, а также, аудиоматериалы.

Одним из наиболее активных высших учебных заведений в области продвижения инклюзивного образования в России является Челябинский государственный университет, на базе которого имеются пандусы, лифты, подъемники, оборудованные места в первых рядах аудиторий, места общего пользования, для студентов с нарушениями зрения — тифло-техническая учебная аудитория, для имеющих нарушения слуха — сурдологическая учебная аудитория². Уральский государственный педагогический университет создал условия для студентов со слабым зрением — равномерное освещение, пособия с увеличенным шрифтом. Московский городской психолого-педагогический университет подготовил для слабовидящих студентов аудио-учебники³.

¹ Конвенция ООН о правах инвалидов от 13.12.2006 // Уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ombudsmanspb.ru/files/files/OON_02_site.pdf (дата обращения: 25.11.19).

² Цзиньлин В., Супрун В. И. Высшее образование для инвалидов и проблемы инклюзивного образования в Китае // Известия ВГПУ. 2019. №6 (139). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysshee-obrazovanie-dlya-invalidov-i-problemy-inklyuzivnogo-obrazovaniya-v-kitae> (дата обращения: 17.12.2019).

³ Голуб Е. В., Сапрыкин И. С. Инклюзивное образование в высших

Следует сказать, что большинство российских учебных заведений расположены в исторических зданиях, которые можно частично адаптировать, если это не противоречит правилам противопожарной безопасности и другим нормам. При невозможности обеспечения физической доступности высшего учебного заведения на первый план выходит аспект информационной доступности, который выражается в формировании индивидуальных учебных планов и дистанционном обучении.

2. Отсутствие индивидуальных учебных планов, дистанционных программ обучения

В крупных российских университетах и ряде школ есть возможность дистанционного обучения и составления индивидуального плана занятий, однако в большинстве учебных заведений подобная практика слабо распространена. Положительный опыт внедрения индивидуальных учебных планов имеют США. Так, образовательные учреждения еще на этапе планирования своей деятельности учитывает ожидаемые потребности всех учеников с их индивидуальными потребностями, разрабатывая Индивидуальный план образования (ИП). Разработка ИП осуществляется по критериям реалистичности, уровня достижения, возможности оценки, активности. Также, инвалиду предоставляют выбор относительно места обучения — это может быть обучение совместно с другими учащимися; частично с другими учащимися, частично с специальным классе/группе для учащихся с ОВЗ; в специальном классе/группе. Вне зависимости от выбранного места инвалиду оказывается поддержка со стороны специалистов учебного заведения и коррекционных педагогов.

3. Отсутствие у педагогов знаний и навыков работы с лицами с ОВЗ

Несмотря на то, что большинство педагогов согласны с тем, что обучение лиц с ОВЗ должно проходить совместно с другими обучающимися, они отмечают неспособность и непонимание работы в такой инклюзивной среде. Михайлова В. П. к числу наиболее актуальных относит проблемы адаптации требований для студентов с ОВЗ, взаимоотношения внутри инклюзивной группы, индивидуальную работу со

учебных заведениях России: проблемы и решения // Поволжский педагогический вестник. 2015. №4 (9). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/inklyuzivnoe-obrazovanie-v-vysshih-uchebnyh-zavedeniyah-rossii-problemy-i-resheniya> (дата обращения: 19.12.2019).

студентами с ОВЗ, организацию психолого-педагогического сопровождения обучающихся с ОВЗ¹.

Как отмечает Пономарева М. А., в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Инклюзивное профессиональное образование», проходившей в Челябинске в ноябре 2014 года, были предложены следующие механизмы решения кадровой проблемы: введение госзадания на подготовку и переподготовку преподавателей и специализированного персонала для инклюзивного профессионального образования; определение в каждом федеральном округе базовых образовательных организаций для подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров для инклюзивного профессионального образования; разработка системы мотивирования персонала образовательных организаций в аспекте работы с инвалидами и лицами с ОВЗ, в том числе в контексте эффективного контракта; разработка учебно-методического обеспечения подготовки и переподготовки кадров².

4. Особенности взаимодействия лиц с ОВЗ с другими студентами и обществом в целом

Согласно исследованию Горбань М. И.³, отношение россиян к инклюзивному школьному образованию не зависит от пола, наличия детей и размера семьи. Наиболее значимым является уровень образования, соответственно, чем он выше, тем больше вероятность положи-

¹ Михайлова В. П. Проблемы и вызовы высшего инклюзивного образования – взгляд преподавателя // Инклюзивное образование: методология, практика, технологии: Материалы международной научно-практической конференции (20 – 22 июня 2011, Москва) / Моск. гор. психол.-пед. Ун-т; Редкол.: С. В. Алехина и др. – М.: МГППУ, 2011. – С. 187–189.

² Пономарева М. А. Проблемы реализации инклюзивного подхода в образовательных организациях высшего образования // Вестник науки и образования. 2015. №7 (9). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-inklyuzivnogo-podhoda-v-obrazovatelnyh-organizatsiyah-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 18.12.2019).

³ Горбань М. И. Как в России воспринимают идею инклюзивного образования // Прикладная эконометрика. 2012. №2 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-v-rossii-vospriimayut-ideyu-inklyuzivnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 18.12.2019).

тельного ответа на вопрос о совместном обучении. Важное значение имеет региональный фактор, так, в Петербурге поддержка инклюзивного образования выше, чем в других городах регионов.

Что касается взаимодействия лиц с ОВЗ с другими учащимися, нельзя сказать, что сейчас в нашей стране сформирована толерантная атмосфера по отношению к инвалидам среди учащихся. Шевелева Д. Е. отмечает, что педагогические подходы в этой сфере ограничиваются циклами занятий «Разные возможности — равные права» и «Уроки доброты», которые были разработаны на базе Региональной общественной организацией инвалидов «Перспектива» (РООИ «Перспектива»). Цикл «Уроки доброты» был составлен на основе программы занятий по пониманию инвалидности, проводимых в школах Калифорнии организацией KIDS (Keys to Introducing Disability to Society Project). На подобных занятиях учащиеся знакомят с принципами помощи людям с ОВЗ, проведением досуга и участия в спортивных мероприятиях, будущих профессиях. В то же время зарубежные педагоги говорят о том, что процесс адаптации учащихся друг к другу и толерантности небыстрый, только при наличии устойчивых контактов на протяжении длительного времени можно фиксировать успехи¹.

Таким образом, создание системы инклюзивного образования в России является важной задачей для обеспечения социализации лиц с ОВЗ и получения ими качественного образования и профессиональных компетенций. Реализация шагов для выполнения данной задачи должна происходить в тесном взаимодействии лиц с ОВЗ и их представителей, образовательных учреждений в лице представителей администрации, педагогов и учащихся и органов государственной власти.

Список литературы.

1. Амиридзе С. П. Обзор зарубежного опыта в области инклюзивного образования // Научные исследования в образовании. 2012. №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-zarubezhnogo-opyta-v-oblasti-inklyuzivnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 17.12.2019).

¹ Шевелева Д. Е. Особенности организации инклюзивного образования в России и за рубежом (компаративистское исследование) // Проблемы современного образования. 2014. №5. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-inklyuzivnogo-obrazovaniya-v-rossii-i-za-rubezhom-komparativistskoe-issledovanie> (дата обращения: 17.12.2019).

2. Ахметова Д. З., Нигматов З. Г., Челнокова Т. А., Юсупова Г. В. и др. Педагогика и психология инклюзивного образования: учебное пособие // Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права. 2014. – Режим доступа: <http://www.bibliorossica.com/book.html?currBookId=14884> (дата обращения: 18.12.2019).

3. Голуб Е. В., Сапрыкин И. С. Инклюзивное образование в высших учебных заведениях России: проблемы и решения // Поволжский педагогический вестник. 2015. №4 (9). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/inklyuzivnoe-obrazovanie-v-vysshih-uchebnyh-zavedeniyah-rossii-problemy-i-resheniya> (дата обращения: 19.12.2019).

4. Горбань М. И. Как в России воспринимают идею инклюзивного образования // Прикладная эконометрика. 2012. №2 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-v-rossii-vospriimayut-ideyu-inklyuzivnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 18.12.2019).

5. Конвенция ООН о правах инвалидов от 13.12.2006 // Уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ombudsmanspb.ru/files/OON_02_site.pdf (дата обращения: 25.11.19).

6. Михайлова В. П. Проблемы и вызовы высшего инклюзивного образования – взгляд преподавателя // Инклюзивное образование: методология, практика, технологии: Материалы международной научно-практической конференции (20 – 22 июня 2011, Москва) / Моск. гор. психол.-пед. Ун-т; Редкол.: С. В. Алехина и др. – М.: МГППУ, 2011. – С. 187–189.

7. Пономарева М. А. Проблемы реализации инклюзивного подхода в образовательных организациях высшего образования // Вестник науки и образования. 2015. №7 (9). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-inklyuzivnogo-podhoda-v-obrazovatelnyh-organizatsiyah-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 18.12.2019).

8. Приказ Минтруда России от 25.12.2012 № 627 // Консультант Плюс: справ. – правовая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150687/ (дата обращения: 18.12.2019).

9. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ // Консультант Плюс: справ. – правовая

система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 17.12.2019).

10. Цзиньлин Ван, Супрун В. И. Высшее образование для инвалидов и проблемы инклюзивного образования в Китае // Известия ВГПУ. 2019. №6 (139). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysshee-obrazovanie-dlya-invalidov-i-problemy-inklyuzivnogo-obrazovaniya-v-kitae> (дата обращения: 18.12.2019).

11. Шевелева Д. Е. Особенности организации инклюзивного образования в России и за рубежом (компаративистское исследование) // Проблемы современного образования. 2014. №5. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-inklyuzivnogo-obrazovaniya-v-rossii-i-za-rubezhom-komparativistskoe-issledovanie> (дата обращения: 17.12.2019).

М. Р. Осипова

учащаяся аспирантуры по направлению
«Социологические науки» СПбГУ

Трансформация образа жизни на стыке европеизации и локализации: опыт молодых россиян в Испании

В статье представлены особенности формирования европейского образа жизни в условиях проживания в Испании. Описаны сферы, в которых проявляется европейский образ жизни и его особенности. По результатам эмпирического исследования выделены уровни формирования европейского образа жизни в Испании. Работа выполнена в рамках гранта № 17-33-00063 («Механизмы воспроизводства и флексибилизации индивидуальной жизненной колеи: российская молодежь в контексте "жесткой" и "текучей" современности»).

Ключевые слова: образ жизни, европеизация, локализация, миграция, мобильность.

The article describes features of European way of life formation based on case of Russians in Spain. The article provides several spheres which present European way of life and its peculiarities. The author highlights levels of European way of life formation in Spain. The work is supported by the grant № 17-33-00063.

Key words: way of life, Europeanisation, localization, migration, mobility.

Современное российское общество претерпевает изменения социального, культурного и политического характера. В условиях глобализационных процессов определить степень влияния тех или иных факторов на формирование образа жизни представляется сложной задачей. Сегодня образ жизни россиян включает в себя элементы русских традиций, религиозных учений и международных тенденций. Особым образом стоит выделить европейский аспект образа жизни россиян, выражающийся сейчас в участии в Болонском процессе, ратификации ряда европейских договоров, обязательном изучении английского языка в школах и университетах, моде на европейские товары и бренды, туристических предпочтениях европейских стран, участии в европейских культурных и спортивных соревнованиях, и в целом - географическом положении страны.

Поиск национальной идентичности вызывал дискуссии о путях развития России на протяжении многих веков. Европейский образ жизни начал формироваться в России с XVIII века, благодаря реформам Петра I, когда в Российской Империи трансформировались абсолютно все сферы жизнедеятельности: изменились архитектурные стили, политические институты, искусство, наука. В XIX в. вопрос о развитии России по европейскому пути или возрождении национальной самобытности отразился в спорах славянофилов и западников. В 1990-е с распадом Советского Союза россияне вновь оказались перед выбором.

Одним из путей решения данной проблемы является изучение процесса конструирования идентичности российской молодежи, в частности, тех, кто уезжает в европейские страны для учебы в рамках программ академической мобильности или на заработки. Одной из наиболее привлекательных европейских стран для отдыха, сезонной, постоянной и образовательной миграции является Испания. Россияне, приезжающие в Испанию, попадают в общество, формирующиеся под воздействием европеизации наднационального уровня, институционализации ЕС. В тоже время, Испания является государством с одним из наиболее высоких показателей децентрализации, что способствует усилению локализации и продвижения собственной этнической культуры. Данные процессы могут вытеснять друг друга, также, как и дополнять, поэтому изучение состояния данных процессов становится возможным

с помощью анализа ежедневных практик людей. С точки зрения поворота к повседневности Штомпки (Sztompka 2008)¹, европеизация повседневности приобретает форму европейского образа жизни. В повседневной жизни становятся наблюдаемыми такие абстрактные процессы как формирование образа и стиля жизни. Европеизация образа жизни россиян в Испании носит особый характер, так как представляет уникальное пространство возможностей выбора стратегий поведения в его рамках. Столкновение интересов политических институтов ЕС и испанских реалий проявляется в различных сферах социальной и культурной жизни.

В ходе эмпирического исследования были выявлены и проанализированы несколько стилей европеизации образа жизни россиян, прибывших в Испанию для учебы или на ПМЖ.

Трансформация образа жизни в Испании происходит на стыке институциональной европеизации «сверху-вниз» и активной локализации, усиливающейся регионализации и приверженности национальным традициям. Данные условия создают различные социальные ситуации, требующих от приезжих россиян самоидентификации и выбора модели поведения. В этой связи ситуационный анализ является наиболее оптимальным методом исследования, так как определяет социальную ситуацию как фактор, влияющий на выбранную модель поведения больше, чем личностные ценности, нормы, характер и предпочтения. Он позволяет изучить проблему более подробно, описав различные аспекты жизнедеятельности людей и выявив их реакции на сложившуюся обстановку. В таком случае единицей анализа является ситуация, которая интерпретируется как совокупность внешних элементов действительности.

Также, стоит выделить теорию фреймов И. Гофмана, подчеркивающую ограниченность субъектности индивида в определении социальной ситуации. Гофман отмечает, что ценности и нормы индивида, заключенные в фрейм, продолжают существовать после участия в ситуации². Таким образом, индивид стремится связать прежний опыт с новыми знаниями, определить модель поведения, характерную для чело-

¹ Sztompka, P. (2008). The Focus on Everyday Life: A New Turn in Sociology. *European Review*, 16(1), 23-37

² Гофман И. (2004) Анализ фреймов: эссе по организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН; Ин-т Фонда «Общественное мнение»,.

века с подобным положением в похожей ситуации. Человеку свойственно стремление сохранить свою идентичность и применить для определения ситуации собственный накопленный опыт.

Отсюда вытекает проблема концептуализации понятий образ жизни и стиль жизни, отражающих субъективный и объективный аспекты. Образ жизни формируется внешними объективными структурами, рассматривая Европу в данном контексте как пространство возможностей: единая Шенгенская зона, позволяющая свободно перемещаться внутри ряда стран Европы; Болонский процесс, создающий единое образовательное пространство; единая валюта Евро, обеспечивающая свободную циркуляцию товаров, услуг и работников в Евроне; высокая плотность населения и размер территории государств-участников ЕС, свободное владение английским языком гражданами разных стран Европы.

Категория «стиль жизни» развивалась в зарубежной социологии с XX века. Одним из первых его использовал Т. Веблен в работе «Теория праздного класса», в которой описал особенности стиля жизни высшего, «праздного» класса, а также ввел понятия демонстративного потребления и демонстративной праздности, обозначающих стремление представителей праздного класса идентифицировать себя со своей социальной группой¹. Т. Парсонс отметил определяющее символическое значение предметов определенного уровня для конкретного статуса². Концепция стиля жизни стала основой маркетинговых исследований в США 1930-х гг., когда изучение вкусов, ценностей и потребительских практик людей являлось основанием для маркетинговых стратегий продвижения товара на рынке. Значительный вклад в изучения понятия «стиль жизни» внес французский социолог П. Бурдьё, связывающий стиль жизни и практики потребления социальных групп³. По его мнению, различным классам, обладающим различными объемами капиталов, присуща своя особенная структура потребительских практик, выражающихся в различиях в доли доходов и расходов на питание, культуру и внешность.

¹ Веблен, Т. (1984) Теория праздного класса / Т. Веблен. – М. : Прогресс.

² Parsons T. (1982) Action, Symbols, and Cybernetic Control. Structural Sociology, New York: Columbia University Press.

³ Бурдьё, П. (1998) Структура, габитус, практика. Журнал социологии и социальной антропологии, 1(2): 40-58.

Однако, в условиях постмодернистского общества, техногенного характера его развития, глобализации происходит размывание стилей жизни. Ж.Ф. Лиотар отмечает такую отличительную особенность постмодернистского общества как фрагментарность и сложность социальной стратификации и структуры, снижение фактора классовости. Общество постмодернизма представляет собой смешение противоречащих друг другу культур, стилей жизни различных слоев общества¹. Так, Д. Хольт отрицает последовательность во вкусах различных классов: представители низших классов тянутся к предпочтениям высших². Б.Лаир подчеркивает, что опыт социализации индивида делает вкусы людей многогранными, несводимыми к единым классовым предпочтениям³. Дж. Голдтроп в своём исследовании демонстрирует, что многие люди не принимают участия в культурной жизни, несмотря на высокий уровень экономического благосостояния и социальный статус⁴. В настоящий момент социальный статус не является определяющим фактором в формировании стиля жизни. Россияне, получающие заработную плату в размере минимального прожиточного минимума, часто покупают товары демонстративного потребления в кредит, тогда как представители высшего класса выбирают товары из масс-маркета, потребляют массовую культуру. В этой связи формирование стиля жизни и образа жизни не рассматривается с позиции социальной стратификации в данной проблеме.

Как было отмечено, образ жизни напрямую связан с повседневными практиками людей, что актуализирует использование поворота к повседневности Штомпки (Sztompka, 2008) как методологической базы исследования⁵. Методом эмпирического исследования является ситуа-

¹ Лиотар Ж. Ф. (1998). Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.:Алетейя.

² Holt D. B. (1997) *Distinction in America? Recovering Bourdieu's Theory of Tastes from Its Critics*. *Poetics*, 93–120

³ Lahire B. (2004) *La culture des individus. Dissonances culturelles et distinction de soi*. Paris: La Découverte.

⁴ Goldthorpe J., Wing Chan T. (2007). *The Social Stratification of Cultural Consumption: Some Policy Implications of a Research Project*. *Cultural Trends*. 16 (4). 373–383.

⁵ Sztompka, P. (2008). *The Focus on Everyday Life: A New Turn in Sociology*. *European Review*, 16(1), 23-37.

ционный анализ, стратегиями исследования – участвующее наблюдение, глубинное интервью, анализ нормативных документов.

Эмпирическое исследование проведено в Испании с 3 сентября 2018 года по 26 января 2019 года в рамках реализации программы академической мобильности. Участвующее наблюдение позволило выделить факторы, активно влияющие на европеизацию образа жизни:

- основной вид деятельности (учёба или работа);
- туризм (внутри Испании, внутри ЕС, по всему миру);
- размер территорий (отсюда – разное восприятие пространства и времени);
- жилье (тип: квартира/комната/общежитие; район: преимущественно среди местных или соотечественники);
- круг общения (испанцы/приезжие из разных стран/соотечественники);
- язык (преимущественное использование испанского, английского или русского);
- общение с родственниками и друзьями, проживающие в России (часто/иногда/редко);
- гендерный порядок (стремление к гендерному равенству/традиционный патриархат; отношения между мужчиной и женщиной; яркая презентация гендерной принадлежности через внешний образ);
- гастрономия (предпочтения в еде: испанская кухня/международная кухня/русская кухня);
- музыка (предпочтения: испанская музыка/международная/песни на русском языке);
- спорт (интерес к испанским видам спорта, испанскому футболу);
- праздники (способы отмечать праздники: принятие испанских традиций/международных/русских);
- религия (посещение православной церкви, праздники по Юлианскому или Григорианскому календарям).

22 глубинных интервью были проведены в разных городах Испании: Мадрид, Алкала-де-Энарес, Торрехон-де-Ардос, Гвадалахара, Валенсия, Севилья, Аликанте, Барселона – и представляют 4 провинции: Мадрид, Каталония, Валенсия, Андалусия.

Так, россиянин, приезжая в Испанию из России на более (иммиграция на пмж) или менее (реализация программы академической мо-

бильности в течение полгода/год) продолжительный срок, попадает в ситуации постоянного выбора модели поведения. Образ жизни формируется возможностями, в рамках которых происходит выбор стиля жизни. При этом, как образ жизни, так и, следственно, стиль жизни, трансформируется в силу политических, экономических, географических, культурных факторов.

Выделено 3 уровня Европеизации образа жизни: наднациональная европеизация образа жизни, национальная испанская Европеизация (Испанский образ жизни как европейский) и региональная Европеизация (например, каталанский образ жизни как европейский).

Наднациональная европеизация образа жизни предполагает открывающиеся возможности использования единой валюты, английского языка для решения всех вопросов, свободного перемещения по странам Шенген зоны, единые учебные планы, обеспечивающие легкость осуществления академических программ, развития транспортная сеть, позволяющая путешествовать в разные страны ЕС за небольшие деньги, толерантность по отношению к приезжим из других стран и условия для их успешной адаптации. Как правило, именно это является ожиданием российских граждан перед переездом в Европу. Однако, как было отмечено, Испания является таким социально-географическим пространством, где европеизация образа жизни носит особый характер в силу различных обстоятельств. В реальности, владение английским языком едва может помочь в удовлетворении туристических потребностей; решение же вопросов, связанных с получением временной регистрации, открытием банковского счёта, покупкой сим-карты, заполнение каких-либо официальных документов как для получения разрешения на работу, так и в образовательных целях осуществляется только на испанском языке. В целом же, трансформация образа жизни на наднациональном уровне предполагает прохождения всех формальных обязательных процедур, требуемых от въезжающих в Шенген зону, ЕС, Евро Зону. Вне зависимости от собственного желания, студенту приходится оформлять визу, позволяющую свободно перемещаться внутри Шенген Зоны; мигранту – предоставлять необходимые документы для получения разрешения на работу, и т.д.

Национальные особенности в виде большого количества государственных, муниципальных, религиозных праздников, сиесты (перерыв с 13 до 16/17 часов) оказывают прямое влияние на образ жизни человека – магазины, аптеки, банки, почта, музеи закрываются, поэтому он вы-

нужден подстраиваться под эту систему, менять свои привычки и распорядок дня. Также, как было отмечено ранее, большинство испанцев не говорят на английском языке, и все вопросы, касающиеся как официальных документов, так и общения в продуктовом магазине, приходится решать на испанском языке. Здесь россиянин может выбрать различные стратегии поведения: учить и активно практиковать испанский язык, выучить необходимый набор фраз, общаться только с соотечественниками, которые хорошо владеют языком и решать все возникающие проблемы с их помощью. Выбор стратегии обусловлен различными факторами, как объективными (незнание языка), так и субъективными (желание/нежелание его изучения). Однако сам факт необходимости его использования и невозможность ограничиться знанием языка международного общения – английским, создает определенные рамки и условия для приезжих россиян.

Также, региональная европеизация образа жизни обусловлена высоким уровнем автономности провинций, их историческими и культурными различиями. Россияне, приезжающие в Каталонию, страну Басков, Галицию, Андалусию, Валенсию и говорящие на испанском языке окажутся в ситуации непонимания и неприятия, так как даже языки провинций имеют очень много различий. В каждой провинции свои национальные праздники, свой язык, свои традиции, что формирует пространство возможностей для приезжего человека. Можно заключить, что европеизация образа жизни россиян, приехавших в Сан-Себастьян в стране Басков, в Мадрид и в Барселону соответственно, будет отличаться друг от друга. Региональные различия также являются теми структурами, которые вынуждают приспособляться не только к ЕС, Испании, но и к конкретной провинции. Данный тезис иллюстрируется ситуацией праздника. Так, в Испании 9 национальных праздников, являющимися официальными выходными днями. Однако, каждый регион имеет несколько своих праздников, которые также становятся выходными. Так, например, помимо 12 октября (Национальный День Испании), в Каталонии также отмечают Светлый понедельник (дата меняется), Праздник Иоанна Крестителя (24 июля), День Святого Стефана (26 декабря), Национальный день Каталонии (11 сентября). В эти дни проходят праздничные мероприятия, все государственные учреждения, магазины, банки закрыты, в то время как в соседней провинции график работы не будет нарушен. Или, например, праздник весны и огня Лас Фальяс (Las Fallas) в Валенсии, признанный ЮНЕСКО объектом все-

мирного наследия, отмечается с 1 по 19 марта, и хоть это и не официальный выходной, множество мероприятий, шествий огромных фигур, салютов и проч. требуют значительных изменений в работе большинства организаций, особенно в центре города. Также, политические демонстрации в некоторых провинциях затрудняют транспортное движение, являются потенциально опасными для личной безопасности их участников, что также ограничивает выбор времяпровождения, однако, как показывают результаты исследования, информанты поддерживают некоторые политические движения, принимают активное участие в шествиях и акциях протеста.

Таким образом, можно говорить о том, что несмотря на европейский характер образа жизни россиян в России, у приезжающих в Испанию, как в одну из стран Европейского Союза, трансформируется образ жизни в силу ряда институциональных структур. При этом, особенности социально-культурного пространства Испании способствуют формированию иного формата европейского образа жизни на нескольких уровнях и обуславливают широкую вариативность в индивидуальных предпочтениях.

Список литературы.

1. Бурдьё, П. (1998) Структура, габитус, практика. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 1(2): 40-58.
2. Бурдьё П. (2005) Различение: социальная критика суждения. *Экономическая социология*. 6 (3): 25–48.
3. Веблен, Т. (1984) *Теория праздного класса* / Т. Веблен. – М. : Прогресс.
4. Гофман И. (2004) *Анализ фреймов: эссе по организации повседневного опыта*. М.: Ин-т социологии РАН; Ин-т Фонда «Общественное мнение»,.
5. Лиотар Ж. Ф. (1998). *Состояние постмодерна*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.:Алетейя.
6. Томас У. и Знанецкий Ф. (1994) *Методологические заметки // Американская социологическая мысль*: Тексты. М., Изд-во МГУ.
7. Holt D. B. (1997) *Distinction in America? Recovering Bourdieu's Theory of Tastes from Its Critics. Poetics*, 93–120
8. Goldthorpe J., Wing Chan T. (2007). The Social Stratification of Cultural Consumption: Some Policy Implications of a Research Project. *Cultural Trends*. 16 (4). 373–383.

9. Lahire B. (2004) *La culture des individus. Dissonances culturelles et distinction de soi*. Paris: La Découverte.
10. Parsons T. (1982) *Action, Symbols, and Cybernetic Control*. Structural Sociology, New York: Columbia University Press.
11. Sztompka, P. (2008). The Focus on Everyday Life: A New Turn in Sociology. *European Review*, 16(1), 23-37.

М. Р. Булатов

учащийся 1 курса магистратуры
по программе «Социология в России и Китае» СПбГУ

Влияние Вильфредо Парето и «теории элит» на современную социологию

Вильфредо Парето – один из классических социологов, идеи которого были чрезвычайно популярны в годы его жизни, но незаслуженно забытые в современности. В статье вкратце изложены теоретические основания «теории элит» В. Парето и ее развитие в работах «элитистов», а также ее критика с позиций исследователей второй половины XX века. На примере нескольких современных исследований мы доказываем, что несмотря на критику и «период забвения», теория элит вновь обретает популярность в трудах социологов и политологов и актуальна для научного сообщества.

Ключевые слова: Вильфредо Парето, теория элит, элитизм, социальная стратификация, социальная мобильность.

Vilfredo Pareto is one of the classic sociologists, whose ideas were highly popular during their life, but fell out of use with modern researchers. In our article we state the basics of Pareto's "theory of elites" and its critique by researchers of the second half of the XX century. Using several modern scientific papers as examples, we conclude that even taking into account the critique and oblivion, theory of elites is now winning its popularity back in sociologists' and political scientists' work and is now again relevant for the scientific community.

Key words: Vilfredo Pareto, theory of elites, elitism, social stratification, social mobility.

Вильфредо Парето (1848-1923) – итальянский социолог, экономист, политолог и философ. Воспитанный в семье среднего класса, В. Парето получил среднее образование и в 1880 году окончил Политехнический университет Турина по специальности инженер. Недолго проработав по специальности, он начал проявлять интерес к экономике, и стал убежденным либералом, противником любого государственного вмешательства в свободный рынок. В 1886 году он начал проводить лекции по экономике и менеджменту в Университете Флоренции. По убеждению исследователей, В. Парето внес значительный вклад в развитие экономики. Во многом благодаря ему, утверждают А. Брайт О.-А. Д. Кофи, О.Г. Дарко «экономика превратилась из моральной философии в духе Адама Смита в науку обширных научных исследований»¹.

В 1893 году В. Парето был назначен лектором в Университете Лозанны в Швейцарии, где и обосновался на всю оставшуюся жизнь. На протяжении 25 последующих лет исследователь публикует множество работ, самой известной из которых остается «Трактат по общей социологии» (1916). На взгляды В. В. Парето особенное влияние оказали Г. Спенсер и Ч. Дарвин, в особенности теория общественной дифференциации Г. Спенсера. Уже после своей смерти В. Парето попал в опалу в научном сообществе за поддержку фашистского режима в Италии. Мы считаем, что социолога, разочаровавшегося в демократии, сложно осуждать за это: он не застал ужасов тоталитарных режимов XX века.

Несмотря на то, что В. Парето фокусировался на экономике, его вклад в социологию нельзя недооценивать. Социальная система в его понимании основывается на взаимосвязи независимых индивидов, их импульсах и сентиментах. В. Парето предпринял попытку, по выражению А.Н. Елсукова, очередной «модернизации социального познания», которое до сих пор находилось на донаучной стадии²: «До сих пор социология почти всегда толковалась догматически. Не должно вводить в заблуждение прилагательное “позитивная”, данное Контом его философии; она столь же догматична, как и “Рассуждение о всеобщей истории”»

¹ Bright A., Kofi O.-A. D., Darko O.G. *Immortalizing them: The Contribution of Vilfredo Pareto to the Development of Sociological Theory: term paper*, - Kwame Nkrumah University of Science and Technology, 2012.

² Елсуков А. Н. Диалектика или эклектика? К вопросу о теоретико-методологических новациях Вильфредо Парето // *Социология: научно-теоретический журнал*. - 2013. - № 3. - С. 69-75

Боссюэ <...> Среди социологий в большом количестве встречаются “гуманистические”, нет недостатка в метафизических, также имеется некоторое количество христианских, католических и иных подобных им социологий»¹. В. Парето объявляет о необходимости перестройки социологии по подобию естественных наук. Особое внимание В. Парето акцентирует на необходимости проведения научного наблюдения и эксперимента, выявления научных фактов в процессе, а также четкого разделения исследования на стадии анализа и синтеза. При учете всех этих факторов социология станет логико-экспериментальной наукой.

В. Парето утверждает, что в научной деятельности необходимо использование точного языка: «польз[оваться] особым техническим языком, т.е. словами, которым придаются вполне четкие и определенные значения, что позволяет избегать неточностей обыденного языка». «Язык», утверждает В. Парето, «отражает внешние факты в лучшем случае как плохая фотография»². Чувства человека, зафиксированные в качестве фактов, отражают действительные ментальные структуры некачественно, как плохая фотография, считает социолог. Необходимо отметить, что при всем этом В. Парето модифицирует некоторые общепринятые научные понятия так, что трактовка его работ зачастую различается между разными мыслителями. Исследователь негативно относится к метафизике, однако сам получает обвинения в злоупотреблении ей: последующее рассмотрение его теорий раскроют подробности этого утверждения.

Понятие социального факта у В. Парето смешано с понятием социальной теории. По выражению Т. Парсонса, итальянский социолог избегает обращения ко всему объему человеческого социального поведения, вместо этого исследуя «социальные теории»³. Для В. Парето это не только научно-философские работы мыслителей, но любые проявления социально-духовной мысли, любые ментальные структуры, что включает в себя религию, метафизику, идеологии, мифы и т.п.: «мы

¹ Парето В. Компендиум по общей социологии. - Пер. с итал. А. А. Зотова; - М.: ГУВШЭ, 2007. - С. 14.

² Данилов А. Н., Елсуков А. Н. Методологическое учение В. Парето и его идеи о научном статусе социологии // Вопросы философии. - 2010. - №. 8. - С. 143-154.

³ Parsons T. Pareto Vilfredo contributions to sociology // International encyclopedia of the social sciences. - N.Y.: Free Press, 1968. - Vol. II.

можем рассматривать все подобные положения и теории отвлеченно, как экспериментальные факты, в которых проявляются диспозиции и склонности людей»¹. Таким образом, социальные теории состоят из доктрин, даже если они не являются логико-экспериментальными, а оказываются фантастическими и абсурдными. В. Парето считает социальные теории показателями неких скрытых сил, детерминирующих социальные факты. По высказыванию Елсукова, такие теории в понимании В. Парето и являются «тем фактическим материалом, который составляет эмпирическую базу его методологических рассуждений»².

Идеи ученого о социальных теориях сформировались на волне интереса к «ментальным структурам иррационального плана», возникшем к концу XIX – началу XX веков. Религии, мифы и идеологии стали привлекать к себе внимание мыслителей. В. Парето разработал концепцию логических и нелогических действий для объяснения рационального и иррационального человеческого поведения. Логические действия были определены им как «логически связанные с подходящей целью». Кроме того, логические действия должны быть логическими не только с точки зрения субъекта, но и с точки зрения наблюдателя (т.е., объективно логическими). Таким образом, по В. Парето, действующее лицо – это, как высказывается Т. Парсонс, «хороший ученый»³, действия которого при определенных обстоятельствах приведут к желаемым целям путем наблюдения и эксперимента. Логическое действие соответствует логико-экспериментальному, научному действию.

Нелогические действия выходят за рамки этого стандарта. Концепцию нелогических действий В. Парето поделил на два типа: в основе первого лежат такие факторы, как человеческие потребности, импульсы и инстинкты. В. В. Парето называет такие действия «псевдонаучными», объясняя это тем, что научные стандарты к ним применимы, но наука не достигла больших успехов в поиске первичных оснований этих действий. Второй тип определяется нормативными и культурными факто-

¹ Парето В. Компендиум по общей социологии. - Пер. с итал. А. А. Зотова; – М.: ГУВШЭ, 2007. – С. 14.

² Елсуков А. Н. Диалектика или эклектика? К вопросу о теоретико-методологических новациях Вильфредо Парето // Социология: научно-теоретический журнал. - 2013. - № 3. - С. 69-75

³ Parsons T. Pareto Vilfredo contributions to sociology // International encyclopedia of the social sciences. - N.Y.: Free Press, 1968. – Vol. II.

рами, которые включают в себя религиозные верования, идеологии, ритуалы, обряды и т.п. «Критерий истинности <таких> высказываний лежит вне объективного опыта. Его могут находить в божественном откровении, <...> в универсальном консенсусе людей и т.п.»¹ Такие действия ученый называет «превосходящими опыт», к ним не применимы научные стандарты.

Второй тип нелогических действий в своих проявлениях во внешний мир образует некоторые общие формы, которые В. Парето называет остатками и деривациями. Остаток – это некое общее основание чувств, стоящее за человеческими поступками. Деривация – это проявление этих сущностей в реальности, основывающееся на остатке. Т. Парсонс сравнивает деривации с рационализациями Фрейда, с тем отличием, что социолог изучает не действие определенного индивида, а социальные «теории» как части системы религиозных, культурных и политических верований в обществе².

Такие действия, несмотря на свою «нелогичность», безусловно влияют на ход истории. В. Парето показывает на примере людей-«лис» и «львов» (образы, позаимствованные им из Н. Макиавелли), как определенные виды остатков влияют на людей и побуждают их на политическое действие или бездействие. Остатки «инстинкта комбинации», как их называет ученый, движут «лисами» и побуждают их отходить от традиций и старых ценностей, жаждать перемен, экспериментировать, приспосабливаться к изменениям. «Лисы» легко воспринимают новые идеи, отклоняющиеся от общепринятых взглядов на мир, и стремятся внедрить их в общество. Способы навязывания новаторских идей «лисами» часто подразумевают манипуляции и «маскировку» вышеупомянутых нелогических остатков.

Те же, кто следует остаткам «незыблемости агрегатов», стоят на консервативных ценностях, на политической и культурной стабильности. Такие люди испытывают чувства привязанности к семье, племени, нации, им близки классовая солидарность, патриотизм и религиозность. В. Парето считал, что в начале XX века на подъеме были «лисы», что удачно описывало тогдашнее положение дел в мире. Тем не менее, уче-

¹ Парето В. Компендиум по общей социологии. - Пер. с итал. А. А. Зотова; – М.: ГУВШЭ, 2007. – С. 14.

² Parsons T. Pareto Vilfredo contributions to sociology // International encyclopedia of the social sciences. - N.Y.: Free Press, 1968. – Vol. II.

ный был убежден, что консерваторы-«львы» рано или поздно свергнут правление «лис» и обеспечат социальную стабильность силовыми методами. Однако через некоторое время «лисы» вновь смогут подорвать авторитет «львов» и захватить власть путем обмана и манипуляций.

По В. Парето общество как система состоит из неоднородных, но взаимосвязанных элементов, находящихся в циркуляции: «фактически человеческое общество не является однородным, люди отличаются друг от друга физически, нравственно, интеллектуально, <...> однако надо принимать во внимание и другой факт: что социальные классы не являются полностью изолированными даже там, где существуют касты, и что у современных наций происходит интенсивная циркуляция между различными классами»¹. Таким образом, причиной социального неравенства В. Парето считал неравенство индивидуальных способностей людей.

На основе этих теоретических конструкций В. Парето строит свою знаменитую теорию элит. Следует отметить, что В. Парето был первым социологом, использовавшим в отношении общества системный анализ. Элита по В. Парето может быть правящей (в идеальном случае, должны были бы наилучшие представители политической сферы) и неправящей (контрэлита, лучшие представители иных сфер общества). Борьба за власть – это борьба между правящей и потенциальной элитами. Однако не всегда элитой становятся самые лучшие. Наследование, родственные и дружеские связи и т.д. также позволяет людям пробиться к власти, не обладая необходимыми качествами.

Вместе со своим идейным соратником Г. Моска В. Парето развивает свои идеи дальше: в системе управления, как считают исследователи, должен превалировать тип «львов» и подчинять себе массы. Однако для эффективного управления народом необходимо смешение «львов»-консерваторов и «лис»-новаторов, первых, способных на решительные и волевые действия, и вторых, креативных и склонных к поиску инновационных решений. Если циркуляции элиты не происходит, в политических режимах накапливаются некачественные элементы, система слабеет и становится неспособной к принятию решений, что может привести к насильственному свержению власти. Г. Моска добавляет,

¹ Парето В. Компендиум по общей социологии. - Пер. с итал. А. А. Зотова; – М.: ГУВШЭ, 2007. – С. 14.

что «циркуляция элиты – это залог здоровья общества»¹, при условии преобладания консервативных тенденций и обновления элиты за счет лучших выходцев из масс.

Таким образом, универсальный закон человеческой истории, по В. Парето, – это цикл сменяющихся друг за другом фаз, в которых представители элит сначала обладают адаптивно-инноваторскими взглядами, а вслед за тем – консервативно-регрессивными. В этом и заключается основная характеристика общества как системы, постоянно находящейся во флуктуации, но в целом неизменной, сбалансированной.

Маскировка нелогических действий, т.е. тех самых идеологий, доктрин и других подобных «социальных теорий», является по В. Парето одной из первостепенных задач системы социального управления. При отсутствии способности идеологического воздействия на народ элиты лишаются значительного потенциала выживаемости, ведь по В. Парето для нее критически важна способность «переходить от чисто силовых методов управления» к умению «внедрять в сознание людей такие «истины»², которые бы отражали интересы самой элиты. Смена власти путем революции с поддержкой масс, по мнению В. Парето, – это не более чем смена элит, переложение бремени тирании с одного плеча на другое. Если элиты утрачивают способность к циркуляции, они могут утратить свою способность «маскировать» нелогические, ложные и абсурдные социальные теории.

Без понимания остатков и дериваций невозможно, как считает В. Парето, научно истолковать социальные явления и раскрыть законы общественной жизни. Как следствие, В. Парето считал, что социологам необходимо осмыслить эти феномены, т.е. научиться оценивать и изменять элементы духовной сферы с помощью строгих математических методов, на мотив логико-экспериментальных наук.

В. Парето, по мнению А.Н. Данилова и А.Н. Елсукова выдвигает идею о «необходимости математически строгого изучения общественного мнения», как элиты, так и подвластного класса. Это послужит благом социальному балансу, а иначе социальные конфликты при смене элит неизбежны. Исследователи отмечают, что, написанная до Первой

¹ Ашин Г. К. Смена элит // Общественные науки и современность. – 1995. – №. 1. – С. 40-50.

² Parsons T. Pareto Vilfredo contributions to sociology // International encyclopedia of the social sciences. - N.Y.: Free Press, 1968. – Vol. II.

мировой войны и всех последующих кровавых событий, работа В. Парето оказалась чрезвычайно прозорливой. По мнению исследователей, смелым утверждением будет то, что свой научный статус социология приобрела тогда, когда «действительно научилась “взвешивать” и “измерять” различные элементы структуры общественного мнения»¹.

Т. Парсонс отмечает, что хоть В. Парето и не использовал современные ему эмпирические методы исследования (по сравнению, например, с Э. Дюркгеймом), его последовательный и основательный подход к теоретическим изысканиям заслуживает внимания. Т. Парсонс утверждает, что концепция социальной системы была сформулирована В. Парето лишь в практических целях, чтобы привести все элементы теории к определенным взаимоотношениям. Действительно, умозрительные конструкции В. Парето, «остатки» и «деривации» современными социологами не применяются. Однако, как утверждает Т. Парсонс, В. Парето впервые предложил стратегию социологического анализа общества как системы, которая включает в себя возможность интеграции с другими теориями в практических целях. Парсонс также отмечает методичность умозаключений В. Парето, построения теории системы: от концепции системы в аналитической механике В. В. Парето переходит к системе в экономике, и, наконец, к социальной системе².

Что касается теории элит В. Парето, то она получила свое распространение не только среди идеологов тоталитарных режимов, как до, так и после Второй мировой войны, среди многочисленной группы теоретиков «элитизма». Они объединены идеей, что элита – это необходимая в обществе «группа, наделенная определенными качествами, знаниями, что позволяет ей принимать важные решения»³. Сначала эта концепция получила развитие среди так называемых «макиавеллистов» еще в первой половине XX века (напомним, что и сам социолог вдохновлялся своим соотечественником).

¹ Данилов А. Н., Елсуков А. Н. Методологическое учение В. Парето и его идеи о научном статусе социологии // Вопросы философии. – 2010. – №. 8. – С. 143-154.

² Parsons T. Pareto Vilfredo contributions to sociology // International encyclopedia of the social sciences. - N.Y.: Free Press, 1968. – Vol. II.

³ Алексеева О. В. Современные подходы к анализу элитарного правления // Вестник Самарского государственного университета. – 2012. – №. 8.1.

По мнению политолога О.В. Алексеевой наиболее ярким представителем «макиавеллистов» группы был американский политолог Дж. Бернхейм, в то же время, один из первых сторонников технократии. Он считал, что необходимость компетентного управления сложными производствами обусловило появлению управленческой элиты, социальной прослойки менеджеров. Если у В. Парето «наилучшими представителями общества» были выдающиеся представители политической сферы (либо их друзья и родня), теперь элитой становятся наилучшие организаторы, управленцы, экономисты, и их привилегированное положение основывается на знаниях, профессионализме, образованности. Ему вторит Д. Белл, утверждающий, что власть элиты в «информационном обществе» строится на знаниях и компетентности¹.

Ч.Р. Миллс и Ф. Хантер также считаются продолжателями традиций элитизма В. Парето, утверждая, что олигархия, т.е. власть небольшого числа людей, – это «единственное правильное положение» общества, и что «без элиты не может быть нормального функционирования общества». Правящая элита, считал Ч.Р. Миллс, представляет собой единую группу, постепенно концентрирующую власть в своих руках и консолидирующую ее. К. Маннгейм, в отличие от самого В. Парето, отмечал индивидуальные усилия, проявление талантов, как основные черты, необходимые для достижения власти².

Дальнейшее развитие элитизм получил в изучении реалий позднего капитализма леволиберальными мыслителями, которые отличаются интеграцией теории элит и классовой теории в нее классовую теорию. Наибольший интерес представляют теории У. Домхоффа и П. Бирнбаума, в которых правящие элиты владеет основной частью национальных богатств и получает непропорционально большую долю национального дохода, управляет крупнейшими корпорациями, в значительной степени формирует общественное мнение. Такой элите, считают леволиберальные мыслители, присуща низкая вертикальная мобильность. У. Домхофф выделяет стиль жизни и поведение как отличительные особенности правящей элиты, объединяющие большинство ее представителей: это привилегированные учебные заведения, определенные модели проведения свободного времени, общие знакомства через клики, родственные связи и т.п. Леволиберальные мыслители, несмотря

¹ Там же.

² Там же.

на существенные идеологические расхождения с идеями В. Парето, в сущности, объясняют одно явление: политические системы, направленные на сохранение власти в руках меньшинства – правящей элиты. Однако в то время как итальянский мыслитель утверждал о необходимости постоянного обновления элит для сохранения их жизнеспособности, леволибералы утверждают, что именно низкая вертикальная мобильность и наследственная передача власти обеспечивает стабильность политических иерархий.

Как отмечал М. Деликан еще в начале 00-х, работы ранних теоретиков элитизма, в числе которых он называет В. Парето, по-прежнему редко переводятся на английский язык и редко осмысляются в своем оригинальном воплощении и чаще подвергаются критике без детального анализа¹.

Критика В. Парето в основном строилась на положении об антидемократичности его теории элит. По мнению идеологических оппонентов ученого, В. Парето не уделял достаточно внимания проблемам социальной стратификации, препятствиям социальной мобильности, неравному распределению власти, богатств и престижа в обществе². Однако мы считаем, что теории В. Парето и других «элитистов» внесли важный вклад в понимание политической жизни обществ. В то время как теория элит действительно послужила идейным вдохновением недемократическим, тоталитарным режимам первой половины XX века, важно отметить, что появление ее вызвало интерес к этой теме, как у исследователей, так и у народных масс.

Во второй половине XX века теория элитизма была раскритикована со стороны плюралистов, утверждавших о существовании в обществе «полиархии». Иначе говоря, современное общество не подчинено полностью той или иной социальной группе, а представляет собой систему множественных властных структур. Плюралисты обосновывают свои тезисы тем, что в современном мире власть элит не абсолютна, они часто вынуждены считаться с политической и экономической конъюнктурой, общественными организациями, мнением объединенных в эти организации масс. Выдающиеся исследователи этого направления – А. Роуз, Р.А. Даль, А. Вильданский и другие.

¹ Delican M. Elite theories of Pareto, Mosca and Michels // Sosyal Siyaset Konferansları Dergisi. – 2000. – №. 43-44.

² Там же.

Слиянием теории элит и демократической модели власти стала концепция Й. Шумпетера «процедурной версии демократии», которая основывается на демократической политической конкуренции, когда различные политические элиты борются за возможность представлять народ в выборных институтах. В теории Й. Шумпетера присутствуют изъяны, на которые указывает сам исследователь: в демократических режимах по-прежнему невозможно гарантировать индивидуальную свободу личности, ведь «волю народа» выражает электоральное большинство. Концепция австрийского исследователя имела широкий резонанс и вызывает интерес, как у теоретиков социально-политических наук, так и у современных политиков.

Таким образом, можно прийти к выводу, что, несмотря на многообразие работ по социологии, созданных В. Парето, актуальность его как социолога обеспечивается, в первую очередь, именно теорией элит: после долгого периода забвения во второй половине XX века, когда доминировал плюралистичный подход, о теории элит вновь вспоминают исследователи. Встречаются как философско-теоретические осмысления работ В. Парето¹²³, так и попытки применения осовремененных теорий элитизма для эмпирического изучения политической сферы общества⁴⁵.

Список литературы.

1. Алексеева О. В. Современные подходы к анализу элитарного правления // Вестник Самарского государственного университета. – 2012. – №. 8.1.

¹ Zuckerman A. The Concept " Political Elite": Lessons from Mosca and Pareto // The Journal of Politics. – 1977. – Т. 39. – №. 2. – P. 324-344.

² Higley J., Pakulski J. Elites, elitism and elite theory: unending confusion? // Artigo apresentado em Research Committee on Political Elites (RC02), no painel " Elite Dilemmas and Democracy's Future", World Congress of the International Political Science Association. Madrid: School of Journalism. – 2012.

³ Алексеева О. В. Современные подходы к анализу элитарного правления // Вестник Самарского государственного университета. – 2012. – №. 8.1.

⁴ López M. Elite theory // Sociopedia. isa. – 2013. – P. 1-12.

⁵ Ашин Г. К. Смена элит // Общественные науки и современность. – 1995. – №. 1. – С. 40-50.

2. Ашин Г. К. Смена элит // *Общественные науки и современность*. – 1995. – №. 1. – С. 40-50.
3. Данилов А. Н., Елсуков А. Н. Методологическое учение В. Парето и его идеи о научном статусе социологии // *Вопросы философии*. – 2010. – №. 8. – С. 143-154.
4. Елсуков А. Н. Диалектика или эклектика? К вопросу о теоретико-методологических новациях Вильфредо Парето // *Социология: научно-теоретический журнал*. - 2013. - № 3. - С. 69-75
5. Парето В. Компендиум по общей социологии. - Пер. с итал. А. А. Зотова; – М.: ГУВШЭ, 2007. – С. 14.
6. Bright A., Kofi O.-A. D., Darko O.G. Immortalizing them: The Contribution of Vilfredo Pareto to the Development of Sociological Theory: term paper, - Kwame Nkrumah University of Science and Technology, 2012.
7. Delican M. Elite theories of Pareto, Mosca and Michels // *Sosyal Siyaset Konferansları Dergisi*. – 2000. – №. 43-44.
8. Higley J., Pakulski J. Elites, elitism and elite theory: unending confusion? // *Artigo apresentado em Research Committee on Political Elites (RC02), no painel "Elite Dilemmas and Democracy's Future"*, World Congress of the International Political Science Association. Madrid: School of Journalism. – 2012.
9. Parsons T. Pareto Vilfredo contributions to sociology // *International encyclopedia of the social sciences*. - N.Y.: Free Press, 1968. – Vol. II.
10. Zuckerman A. The Concept " Political Elite": Lessons from Mosca and Pareto // *The Journal of Politics*. – 1977. – Т. 39. – №. 2. – P. 324-344.

М. М. Кузьминов
учащийся 1 курса магистратуры
по программе «Социология в России и Китае» СПбГУ,
Я. Д. Санадзе
учащийся 1 курса магистратуры
по программе «Социология» СПбГУ,
У. Д. Шевченко
учащаяся 2 курса программы
бакалавриата по направлению «Социология» СПбГУ

Динамический подход в анализе локальных сообществ

В статье приводится результат анализа эволюции подходов, связанных с изучением сообществ, позволяющий обозначить методологические установки необходимые для проведения эмпирических исследований с опорой на динамический подход как наиболее потенциальный, выявлены особенности динамического подхода к изучению локальных сообществ, расширяющие исследовательскую перспективу данной тематики.

Ключевые слова: локальные сообщества, динамический подход, прикладные исследования, социальная плотность.

The article presents the result of the analysis of the evolution of approaches related to the study of communities, which allows to identify the methodological guidelines necessary for empirical research based on the dynamic approach as the most potential, the features of the dynamic approach to the study of local communities, expanding the research perspective of this topic.

Key words: local communities, dynamic approach, applied research, social density.

В различных исследованиях социальных процессов в больших и малых городах учёные продолжают нередко сталкиваться с проблемой отсутствия сплочённости местных жителей. В многоэтажных домах городских микрорайонов, которые зачастую составляют основу квартирного фонда, чаще всего не наблюдается каких-либо форм организации их жителей для решения общих проблем жизнедеятельности, консолидации усилий. Такая же ситуация наблюдается, например, в Санкт-

Петербурге на уровне муниципальных территорий. В качестве исключения стоит отметить активно исследующуюся сейчас солидаризающую местных жителей в районах новостроек. Описывая современную ситуацию, происходящую в России, социальные исследователи всё чаще прибегают к использованию таких понятий, как «атомизация» - распад устоявшихся социальных связей в обществе¹, «аномия» - отсутствие или недостаток интеграции в обществе, взаимной приспособляемости функций². Повсеместно наблюдается крайне низкий уровень сплочённости не только в вопросах, описанных выше, но и в других областях жизни человека. На низком уровне находится социальное единство в политических группах и движениях, профсоюзных организациях, профессиональных объединениях, практически отсутствует институт соседства, где наблюдалась бы высокая солидаризация включённых в коммуникацию индивидов. Многие исследователи в поисках решения возникшей проблемы обращаются к изучению форм, путей и областей возникновения солидаризации. Нередко итогом поисков становится приход социологов к изучению сообществ, так как они являются объектом с высокой степенью сплочённости и социального единства их участников^{3,4,5}. На данный момент сообщества представляются всё ещё недостаточно изученным социальным явлением. Представляется, что исправление данного положения дел, когда не существует целостного представления о структуре, процессе формирования, границах определения явления, а многие исследования сообществ не всегда согласуются между собой, через попытку постепенного структурирования имеющихся знаний приведёт к получению необходимой теоретической базы для проведения клинических исследований, направленных на трансформацию социальных отношений.

¹ Ахиезер А. С. 1998. Россия: критика исторического опыта. Сибирский хронограф. Т. 2. с. 5-150.

² Дюркгейм, Эмиль. [1893] 1991. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука.

³ Добрякова, Мария. 1999. «Исследования локальных сообществ в социологической традиции». Социологические исследования 7:125–133.

⁴ Ледяев, Валерий. 2012. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: Издательский дом ВШЭ.

⁵ Delanty, Gerard. 2003. Community. London: Routledge.

В 1955 году американским учёным Дж. Хиллари была опубликована научная работа, в которой приводилось более 94 различных определений понятия «сообщество»¹. Хотя дефиниции отличались по своему объёму и характеру расставленных акцентов, единственной общей их чертой было упоминание или отражение того, что сообщество «объединяет людей».

Анализируя различные подходы² исследователей к рассмотрению сообществ, можно прийти к выводу, что выделяются три основных направления, трактующих понятие «сообщество» различным образом. В основании первого из них лежит смысл, закладываемый в обыденном английском языке в слово *community*. Изучение рассматриваемого явления в рамках данного подхода проводилось с опорой на структурную парадигму, что определяло и соответствующий взгляд исследователей на сообщество. В данном случае на первый план выходят три момента: сеть социально-экономических институтов, административная территория, органы местного самоуправления. Так, к сообществу можно отнести деревни, районы, большие и маленькие города. В результате процесса урбанизации и возникновения всё большего числа мегаполисов, формирования относительно устойчивых агломераций, возникает вопрос об эффективной организации жизнедеятельности людей и на определённой территории, где сообщества становятся составляющими районов, регионов, областей, государств³.

Второй подход предполагает акцентирование внимания на качественных отношениях внутри группы. Члены сообщества рассматриваются как субъекты группы, имеющие определённые общие черты в когнитивном конструкте, относящиеся к их совместному функциониро-

¹ A. Hillery, George. (1955). Definitions of Community: Areas of Agreement. *Rural Sociology*. 20. 111-123.

² Кузьминов М., Санадзе Я. Роль локальных сообществ в повышении качества жизни населения // КУЛЬТУРНАЯ ЭКОНОМИКА И ЭКОНОМИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ. Материалы юбилейной XV российско-китайской социологической конференции. Под редакцией Н.Г. Скворцова, А.В. Петрова, Ванг Жие, Динг Гоуки.. СПб.: ЦНИТ "Астерион", 2018. С. 270.

³ Кузин, Константин. 2009. Функционирование локальных сообществ в мегаполисе. НИМ «Интересы и потребности локальных сообществ». М.: МГСУ.

ванию, и общие воззрения на условия жизнедеятельности. Исследователями данной традиции сообщество определялось как социальная группа, в которой определяющим фактором является природа человека. Они тяготели к уделению наибольшего внимания социальным отношениям внутри группы, характеризующимся деятельностью, поведением, эмоциональной глубиной, моральной сплоченностью, социальной сплоченностью и продолжительностью во времени.

Третий подход к определению сообществ является функциональным, что представляется более рациональным, чем рассмотрение такой социальной группы в рамках институционального подхода, так как институты не всегда в полной мере отражают специфику её функционирования. С функциональной точки зрения, сообщество представляет собой сочетание социальных единиц и систем, которые выполняют основные функции, значимые для данной территории.

С другой стороны, можно обратиться к определению сообщества, предложенному Норбертом Элиасом, которое сочетает в себе несколько подходов. Согласно ему, сообщество – это «группа домохозяйств, расположенных в одном месте и связанных друг с другом функциональной взаимозависимостью, более тесной, чем аналогичная взаимозависимость с другими группами людей в рамках социального поля, к которому принадлежит сообщество»¹. При анализе данного определения становится ясно, что акцент делается на два взаимосвязанных элемента: локальность и социальная плотность. Григорий Юдин и Иван Павлюткин предлагают рассматривать социальную плотность сообщества как совокупность двух понятий: плотность взаимодействий участников сообщества и их моральное единство². Проводя параллель с «динамической или моральной плотностью», о которой Эмиль Дюркгейм говорит в своей работе «О разделении общественного труда», стоит отметить некоторое отличие в сущности понятий³. Моральная плотность характе-

¹ Elias, Norbert. 1974. "Foreword—Towards a Theory of Communities." Pp. ix–xliii in *The Sociology of Communities: A Selection of Readings*, edited by Colin Bell and Howard Newby. London: Frank Cass & Co. Ltd.

² Павлюткин Иван, Юдин Григорий. 2015. Сообщество как данность и сообщество как процесс: стратегии изучения малых городов. *Laboratorium*. 7(3):88–105.

³ Дюркгейм, Эмиль. [1893] 1991. *О разделении общественного труда. Метод социологии*. М.: Наука.

ризуется возрастом числа индивидов и увеличением количества взаимодействий между ними, что может не предполагать в полной мере морального единства, которое подразумевается понятием социальной плотности. Локальность и социальная плотность относительно независимы друг от друга. Нахождение определённого количества людей на ограниченной территории не ведёт само собой к прямой зависимости одновременного возрастания контактов между ними, тем более к коммуникации на основе общих ценностей. В прикладных исследованиях может возникать методологически ошибочное желание рассматривать данные компоненты как взаимосвязанные. Если представить себе реальную практическую исследовательскую задачу, то намного проще зафиксировать пространственную близость, чем функциональные связи между членами сообщества, что позволяет существенно сократить время на операционализацию понятий и теоретические изыскания. Более того, ничего не останавливает исследователя от того, чтобы бездоказательно выводить функциональную зависимость из пространственной близости. Чаще всего сообщества действительно обладают свойством компактности расположения, что побуждает рассматривать их как уже зафиксированные в пространстве объекты и сразу изучать различные аспекты их жизнедеятельности, не уделяя должного внимания процессу формирования и структуре сообщества.

Григорий Юдин и Иван Павлюткин предлагают подход, который позволяет акцентировать внимание на вопросах, представляющих наибольший интерес при изучении сообществ, ускользающих в случае рассмотрения их как статичных объектов, а именно – условия и процесс возникновения и неустойчивость их функционирования¹. Сообщество необходимо представить, как объект постоянно находящийся в движении, состоящий из множества процессов, для которого социальная плотность становится переменной, чтобы выявить, какие факторы влияют на увеличение плотности, по каким законам сообщество функционирует. По их мнению, только при таком подходе сообщество становится исследовательской проблемой как «единица повышенной социальной плотности»². В развитии данного подхода стоит обратиться к анализу

¹ Павлюткин Иван, Юдин Григорий. 2015. Сообщество как данность и сообщество как процесс: стратегии изучения малых городов. *Laboratorium*. 7(3):88–105.

² Там же.

работ классиков социологии, для которых характерно рассмотрение общества как динамического объекта, однако прежде стоит детально осветить традиционные теоретические подходы, для которых сообщество являлось объектом статичным и заранее сформированным.

Community studies, эмпирические исследования сообществ являются достаточно сформировавшимся и разработанным направлением в социальных науках как во многих странах мира, так и на международном уровне. Анализ сложившихся отличных друг от друга подходов к изучению данного объекта, история которых уходит корнями в начало XX века, позволит выделить их общие черты.

Условно эмпирические исследования сообществ можно разделить по принадлежности к двум исторически сложившимся подходам, которые формировались с начала 1920-х годов. Григорий Юдин и Иван Павлюткин предлагают называть их антропологическим и экологическим, что представляется достаточно уместным и в достаточной степени указывающим на сущность каждого из них. Обращаясь к социологическим работам на данную тему, можно заметить, что отличные в некоторой степени подходы нередко используются как взаимодополняющие. Одной из главных особенностей исследований сообществ, которая также заметна в большинстве работ, является уклон в сторону эмпиричности, то есть выведения теоретических концепций на основе сбора основательного массива информации в поле, что влечёт за собой упор на качественные методы сбора данных. При этом, исследования сообществ не лишены ряда теоретических концепций, на которые стоит обратить отдельное внимание. В данный момент стоит отметить, что вполне логичным в таком случае является нередкое использование в данных исследованиях классических социологических теоретических концепций, которое происходит в большинстве социологических исследований различной направленности. В случае изучения сообществ представители основных подходов в ходе интерпретации положений классиков социологии приходят к некоторому ограничению их идей, которые изначально предполагают более глубокий и свободный взгляд на сообщество, что наблюдается через рассмотрение работ первых и вторых.

Изначально понятие сообщества предполагало процесс полного поглощения индивида, детерминирование его поведение и мышления, что заменилось на выявление лишь относительно устойчивых коллективных отношений, которые могут какое-то время оказывать воздействие на идентичность включенных в них людей. Контраст в сущности определений

подмечал Эрик Хобсбаум: «никогда раньше слово «сообщество» не употреблялось столь неразборчиво и бездумно, как в те десятилетия, когда сообщества в социологическом смысле слова в реальной жизни почти не осталось»¹. Такое развитие мысли, смена базовых посылок привели к появлению критических работ на исследования сообществ различного рода^{2,3,4}.

И антропологическое, и экологическое направление в изучении сообществ имеют явно прослеживающуюся общую черту – стремление к определению и закреплению объекта исследования перед началом непосредственных изысканий, с целью фиксации его границ и последующего наблюдения за внутренней структурой, характером связей, проведения функционального анализа. Сообщество заранее признаётся существующим без уделения должного внимания доказательству этого факта. Вследствие появления подходов, связанных с конструктивизмом, исследователи обратили большее внимание на процесс возникновения и оформления сообществ^{5,6}. В целом ситуация продолжает оставаться неизменной. Сообщество в большинстве исследований понимается как устойчивая единица, хотя и имеющая определённую историю становления.⁷ Продолжает оставаться без должного внимания динамика сообщества, изменчивость его плотности. Данная особенность сообществ получила широкое осмысление в работах классиков социологии, что открывает возможности для альтернативного взгляда на проведение исследований рассматриваемой тематики.

¹ Хобсбаум, Эрик. [1994] 2004. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Издательство «Независимая газета». С. 456.

² Stein, Maurice. 1960. *The Eclipse of Community: An Interpretation of American Studies*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

³ Stacey, Margaret. 1969. “The Myth of Community Studies.” *British Journal of Sociology* 20(2):134–147.

⁴ Brint, Steven. 2001. “Gemeinschaft Revisited: A Critique and Reconstruction of the Community Concept.” *Sociological Theory* 19(1):1–23.

⁵ Cohen, Anthony P., ed. 2000. *Signifying Identities: Anthropological Perspectives on Boundaries and Contested Values*. London: Routledge.

⁶ Amit, Vered, ed. 2002. *Realizing Community: Concepts, Social Relationships and Sentiments*. London: Routledge.

⁷ Павлюткин Иван, Юдин Григорий. 2015. Сообщество как данность и сообщество как процесс: стратегии изучения малых городов. *Laboratorium*. 7(3):88–105.

В классической социологии общей нитью проходит идея о сообществе как динамичной единице или переменной, которая может принимать различные значения. Внимание акцентировалось на степени сплочённости объединения индивидов. Само сообщество не определялось как уже существующий в реальном мире объект, а представлялось измерением в системе идеальных типов, формой консолидации. Именно дальнейшие описанные выше исследования заменили динамичную модель восприятия сообщества статичной.

Возникает необходимость чёткого определения с тем, каким образом рассматривать оппозицию город-село. Действительно, сообщество нередко обнаруживалось в изолированных компактных поселениях, где наблюдался относительно высокий уровень моральной плотности и плотности взаимодействий. С другой стороны, новые большие города предлагающие широкий спектр социальных взаимодействий позволяют наблюдать распад сообществ и возрастающую угрозу анонимии и атомизации индивидов. Такое противопоставление не позволяет сделать вывод, что любое небольшое территориальное образование сразу можно рассматривать как сообщество, а в любом мегаполисе заведомо предполагать его отсутствие. Методология исследования должна быть выстроена таким образом, чтобы избежать ситуации, когда в качестве сообщества будут рассматриваться объекты ими не являющиеся. Объекты с высокой социальной плотностью необходимо обнаруживать в различных местах, а не опираться на заранее очерченные границы.

Динамический подход к рассмотрению сообществ позволяет обозначить два основных аспекта, определяющих потенциал исследований в данном направлении. Первым является определение насколько тот или иной социальный агрегат представляет из себя сообщество, что несёт в своей сущности, не предполагая при этом сведение вопроса к исключительно количественным измерением через эмпирические индикаторы. В данном случае целью выступает концентрация внимания на областях повышенной социальной плотности, создающих основу для действия коллективного. Вторым аспектом является важность изучения когнитивных конструктов и механизмов их формирования, с помощью которых создаются смыслы, происходит идентификация индивида с сообществом, возникает чувство единства. Важным является акцентировать внимание на причину или причины возникновения данного явления, что

определяет его локальность в совокупности с потенциальным увеличением количества социальных связей индивида.

Список литературы.

1. Ахиезер А. С. 1998. Россия: критика исторического опыта. Сибирский хронограф. Т. 2. с. 5-150.
2. Добрякова, Мария. 1999. «Исследования локальных сообществ в социологической традиции». Социологические исследования 7:125–133.
3. Дюркгейм, Эмиль. [1893] 1991. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука.
4. Кузин, Константин. 2009. Функционирование локальных сообществ в мегаполисе. НИМ «Интересы и потребности локальных сообществ». М.: МГСУ.
5. Кузьминов М., Санадзе Я. Роль локальных сообществ в повышении качества жизни населения / КУЛЬТУРНАЯ ЭКОНОМИКА И ЭКОНОМИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ. Материалы юбилейной XV российско-китайской социологической конференции. Под редакцией Н.Г. Скворцова, А.В. Петрова, Ванг Жие, Динг Гоуки.. СПб.: ЦНИТ "Астерион", 2018. С. 270.
6. Ледаев, Валерий. 2012. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: Издательский дом ВШЭ.
7. Павлюткин Иван, Юдин Григорий. 2015. Сообщество как данность и сообщество как процесс: стратегии изучения малых городов. *Laboratorium*. 7(3):88–105.
8. Там же.
9. Хобсбаум, Эрик. [1994] 2004. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Издательство «Независимая газета». С. 456.
10. Hillery, George. (1955). Definitions of Community: Areas of Agreement. *Rural Sociology*. 20. 111-123.
11. Amit, Vered, ed. 2002. *Realizing Community: Concepts, Social Relationships and Sentiments*. London: Routledge.
12. Brint, Steven. 2001. "Gemeinschaft Revisited: A Critique and Reconstruction of the Community Concept." *Sociological Theory* 19(1):1–23.
13. Cohen, Anthony P., ed. 2000. *Signifying Identities: Anthropological Perspectives on Boundaries and Contested Values*. London: Routledge.
14. Delanty, Gerard. 2003. *Community*. London: Routledge.

15. Elias, Norbert. 1974. "Foreword—Towards a Theory of Communities." Pp. ix–xliii in *The Sociology of Communities: A Selection of Readings*, edited by Colin Bell and Howard Newby. London: Frank Cass & Co. Ltd.

16. Stacey, Margaret. 1969. "The Myth of Community Studies." *British Journal of Sociology* 20(2):134–147.

17. Stein, Maurice. 1960. *The Eclipse of Community: An Interpretation of American Studies*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Ян Юнькэ

учащийся 1-ого курса
программы аспирантуры
«Социологические науки» СПбГУ

Чжи Цзинкай

учащийся 1-ого курса
программы аспирантуры
«Социологические науки» СПбГУ

Лю Сыцзя

учащийся 4-ого курса
программы бакалавриата
«Экономика» СПбГУ

Развитие цифрового общества

Становление цифрового общества сперва проявляется в области развития электронных финансов, а затем, затрагивает все аспекты построения инфраструктуры и социальной организации, что имеет большое значение для развития современного общества.

Ключевые слова: цифровая экономика, финансы, инновация

The formation of a digital society at the beginning is reflected in the field of the Internet of electronic finance, and finally, it touched on all aspects of building infrastructure and social organization, is of great importance for the development of human society.

Key words: digital economy, finance, innovation

Сегодня цифровая экономика становится двигателем роста и развития ведущих стран мира. В Китае за 2018 г. ее доля в ВВП составила 38,2% (согласно оценкам экспертов Китайского научно-

исследовательского института информации и коммуникаций (CAICT) при Министерстве промышленности и информационных технологий КНР), а в России за аналогичный период – 5,1% ВВП.¹ Её главными субъектами становятся компании электронной торговли, именно они развивают онлайн платформы, способные совершать бесчисленное множество транзакций, аккумулируя финансовые ресурсы и перераспределяя товары среди потребителей по всему миру. В настоящее время много компаний осуществляют электронные платежи, например Яндекс, Алиэкспресс и Амазон. Этот новый вид электронного бизнеса бельгийские социологи финансов Хэндрикс, Базенс и ван Меетерен назвали «апплинизацией финансов» («applenization of finance»). Этот процесс получил распространение среди других участников цифрового капитализма – компаний GAFА (Google, Apple, Facebook, Amazon). В России этот процесс инициирует государство, создавая национальную электронную платежную систему MirPay, а также Яндекс и Сбербанк, пытаясь создать «русский Amazon». Однако этот сложный процесс не протекает в вакууме, он разворачивается на рынке, в организационном поле в условиях конкурентной борьбы, в которой участвуют транснациональные компании, инновационные FinTech (ФинТех) компании, крупные банки, предлагающие как свои финансовые услуги и товары онлайн, так и копирующие финансовые инновации других игроков. Другими словами, рынки производят свои локальные культуры, которые определяют, кто является доминирующей игроком, кто доминируемым, по каким правилам существует и развивается рынок и что означает быть конкурентом на этом рынке.

Цифровые технологии по своей природе инновационны, другими словами, они не рассматриваются национальными законодательными системами как традиционные, а значит действующие нормы права для них не применимы, что позволяет им эксплуатировать локальную цифровую финансовую культуру без рисков потерь для капитала. Подробнее об этом писал В.А.Лэпинэ, анализируя деятельность глобальных банков и их финансовых инженеров, разрабатывающих инвестиционные финансовые формулы страхования активов для индивидуальных инвесторов. Также Лэпинэ ввел программное определение финансовых инноваций в социологии, отличное от тех, которые давали Й.Шумпетер и

¹ China Digital Economy Development Report, 2019, Cyberspace of the central affairs of China

нобелевский лауреат М.Миллер. Базовое определение инновации подразумевает нововведение в области производства, управления или организации, в основе которого лежат научные разработки или передовой опыт; которое признается общественно полезным и на которое существует рыночный спрос. Согласно Шумпетеру, существует пять видов инноваций:

- введение нового, неизвестного ранее блага или создание нового качества уже существующего блага;
- использование нового для определенной отрасли промышленности способа производства;
- выход на новый рынок сбыта, на котором данная отрасль промышленности никогда ранее не была представлена;
- получение нового источника сырья или полуфабрикатов;
- и организация бизнеса новым способом.¹

М.Миллер, в свою очередь, утверждал, что цифровая инновация является результатом реакции рынка на возникающие попытки регулирования. Оппозиция инновации против регулирования описывает сложные отношения от уклонения до эксплуатации существующих правил и инфраструктуры рынка его финансовыми участниками. Лэпинэ рассматривает финансовые инновации как культурный феномен,² используя этнографический подход. Он определяет их как деривативные продукты, созданные участниками финансовых институтов (в частности, финансовыми инженерами глобального банка) на основе эксплуатации неопределенности экологии рыночной среды и отсутствия строгой отчетности с целью снижения финансовых рисков. Именно категории риска и неопределенности являются главными критериями рациональности в финансовой экономике, а не затрат и результатов как в производственной экономике.

На сегодняшний день в цифровом мире существует несколько платежных систем, которые относятся как к национальным, так и международным, принадлежащих крупным банкам, корпорациям, так и небольшим FinTech компаниям. Последние даже осуществили революцию на рынке финансовых услуг после финансового кризиса в Северной

¹ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. - 540 с.

² Lépinay V. A. Codes of Finance: Engineering Derivatives in a Global Bank. Princeton University Press. 2011. 280 p.

Америке в 2008 году. FinTech компании привнесли цифровую трансформацию в мир финансовых услуг. Процесс разворачивался посредством распространения приложений информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в области финансов, начиная от альтернативных платформ финансирования (краудфандинг), технологий распределенной бухгалтерской книги (блокчейн), высокочастотной торговли, робо-рекомендаций, интеллектуального анализа данных в области финансов и страхования (InsurTech), RegTech, CyberTech для систем онлайн-платежей. Как правило, приложение FinTech оцифровывает определенную функцию финансового сектора, такую как создание денег, оплата услуг, получение кредитов, управление рисками или управление активами. Инвестиции в FinTech резко возросли после кризиса 2008 года, причем только финансирование Venture Capital (VC) составило 25 миллиардов долларов в 2015 году (World FinTech Report, 2017).¹ Потенциал FinTech стали использовать и технологические гиганты (известные как «GAFA» - Google, Apple, Facebook и Amazon). Этот процесс привлек внимание Международного валютного фонда (МВФ), который, создал консультативную группу высокого уровня для обсуждения регуляторных последствий блокчейна (IMF, 2017).

Эпиграф из Всемирного экономического форума гласит, что FinTech — это больше, чем просто новейшее увлечение в сфере технологий. FinTech вызывают беспокойство у центральных банков и регулирующих органов многих стран, крупных банков, хэйдж фондов и др. Политические дискуссии сосредоточены на борьбе между «нарушителями» и «действующими лицами». В число нарушителей входят компании GAFA, а также растущее сообщество стартапов, хакеров, предпринимателей, программистов и венчурных компаний. GAFA особенно внимательно следят за тем, что их понимание и владение инфраструктурой цифровых платформ считалось бы беспрецедентным. Цифровые платежные системы GAFA (например, Apple Pay, Google Wallet) рискуют нарушить установленные финансовые каналы, в которых банки являются посредниками. Более того, компании GAFA стремятся к объединению в лоббистские группы, такие как Financial Innovation Now, чтобы убедить регулирующие органы изменить закон, мешающий их про-

¹ Buzzachi, L., Colombo, M., and Mariotti, S. Technological regimes and innovation in services: The case of the Italian banking industry. *Research Policy*, 1995, 24(1): 151-168.

никновению в финансовый сектор. GAFА также сотрудничают в таких областях, как интеллектуальный анализ данных, создавая ведущее в мире партнерство по искусственному интеллекту (AI) (Mannes, 2016). Поскольку GAFА предлагают свои услуги онлайн (домен менее контролируемый, чем традиционные банки и финансы), то возникают проблемы, связанные с конфиденциальностью данных.

Американское направление современной экономической социологии и британская школа социальных исследований финансов заложили серьезный теоретический фундамент изучения международных цифровых инноваций. Прежде всего речь идет о технологическом основании цифровых инноваций – об устройствах телекоммуникации и Интернет-платформах электронного бизнеса. Развитие цифровой отрасли во многом определяется развитием IT отрасли. Это происходит в результате вторжения FinTech-компаний в организационное поле традиционных финансов. Хрестоматийным примером здесь является компания Apple, а процесс в научной литературе получил название «апплинизация финансов». Однако, этот процесс имеет национальную и бизнес-специфику. Если Apple и Samsung в качестве базовой технологии используют смартфон, то Amazon и Alibaba – Интернет-платформу электронного бизнеса. Вместе с тем, продвижение электронной платежной системы имеет свои культурные особенности.

С другой стороны, развитие цифрового общества не только включает в себя область электронной коммерции, но также оказывает важное влияние на создание инфраструктуры и глобализацию. Цифровая экономика повысила эффективность строительства инфраструктуры и ускорила глобализацию торговли.

Важно отметить, что развитие цифровой экономики происходит в рамках геокультурного диалога. Международное сотрудничество в сфере цифровой экономики, которое не ограничивается трансграничной торговлей товаров массового потребления, но также и включает вопросы модернизации финансовой системы и поиска социокультурных оснований для включения в процесс создания цепочки добавленной стоимости. Цифровая экономика не только способствует развитию смежных отраслей, но и повышает занятость во всех направлениях и снижает общий уровень безработицы.

В эпоху цифрового общества и экономики отношения между людьми и организациями вступили в новую стадию: основанные на цифровой платформе организации становятся основной организацион-

ной формой, а человеческий капитал стал главным производственным фактором организации. Цифровая экономика привела к организационным изменениям и реструктуризации системы управления человеческими ресурсами. Цифровая экономика сосредоточена на информационной платформе. Благодаря непрерывному развитию она координирует различные ресурсы, предоставляет взаимосвязанные услуги для удовлетворения социальных потребностей и способствует рождению новой экономики и новой отрасли. Развитие цифрового общества способствовало социальным инновациям во всех направлениях и способствовало социальным изменениям.

Список литературы.

1. Кларк Д. Alibaba. История мирового восхождения. 2017. С. 15.
2. Флигстин Н. Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века 2013. Т. 14. № 1. С. 28–53
3. Развитие цифрового общества // Шанхайский университет международного бизнеса и экономики, 2009.
4. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. - 540 с.
5. Экономическая социология: Учебное пособие / Под ред. Самыгина С.И. - Рн/Д: Феникс, 2018. - 352 с.
6. Buzzachi, L., Colombo, M., and Mariotti, S. Technological regimes and innovation in services: The case of the Italian banking industry. *Research Policy*, 1995, 24(1): 151-168.
7. China Digital Economy Development Report, 2019, Cyberspace of the central affairs of China.
8. Lépinaу V. A. Codes of Finance: Engineering Derivatives in a Global Bank. Princeton University Press. 2011. 280 p.

Е. С. Кудинова
учащаяся 4 курса бакалавриата
по направлению «Государственное и
муниципальное управление»
Российской академии народного
хозяйства при Президенте РФ, г. Москва

Е. Д. Ларина
учащаяся 4 курса бакалавриата
Философского факультета
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Глобализация общества. Философский аспект универсализма и плюрализма в понимании развития человечества

В статье рассматриваются истоки понимания одного из основополагающих процессов XXI века – глобализации. Анализируются концепции двух основных подходов к истории развития общества - универсализм и цивилизационный подход. Представители плюралистического подхода (Шпенглер, Тойнби, Данилевский и другие) считают, что каждый народ по-своему уникален и развивается независимо от других. Идеологи универсализма (Фукуяма и Февр) провозглашают идею универсального человечества. Истоки универсалистского подхода лежат в философии Гегеля и Маркса. Эти немецкие философы видели единый процесс исторического развития от низших форм древних народов к наиболее высшему, современному им европейскому обществу.

Ключевые слова: глобализация, универсализм, плюрализм, цивилизация, история общества, культура, общественно-исторические формации, философия истории, философия общества.

The origins of globalization will be discussed in the article. Universalism and pluralism are two main approaches to understanding of the development of society. Spengler, Toynbee and Danilevsky are representatives of pluralism. They believe that every nation is unique and develops independently of other. Fukuyama and Fevr are universal philosophers who proclaim the idea of the universal development of humanity. The philosophy of Hegel and Marx of the universal approach. These German philosophers saw

a single process of development of society from the lowest form of ancient peoples to the highest, modern European society.

Key words: globalization, universalism, pluralism, civilization, history of society, the culture, society-historical formation, philosophy of history, philosophy of society.

Глобализация – идея создания универсального человечества¹. Происходят изменения во всех сферах общественной жизни. Возникает единое экономическое пространство, торговля происходит не только внутри страны и регионов, но между разными государствами и континентами. Возникает единое геополитическое пространство, которое требует группировки государств на различные блоки, так как в одиночку государство просто не может представлять какого-либо значения в мировом сообществе и не имеет какую-либо силу. Происходит интеграция национальных культур и создаётся единое универсальное культурное пространство. Возникает идея унификации всех религий и создания единого общемирового религиозного учения. Эти и другие аспекты глобализации мы можем наблюдать в современном мире.

Глобализация представляет собой важную часть нового постиндустриального или информационного типа общества². В данный период возникают два основных взгляда на универсализацию общества. При исследовании этих двух направлений в статье будет использоваться сравнительный метод. На основании данного метода мы сравним универсалистский метод с плюралистским, поймём, чем они различаются, приведём характерные черты каждого метода. В исследовании будет использоваться сопоставительный метод, суть которого в проведение анализа и выявление отличительных признаков основных представителей обоих типов понимания истории развития общества. Системный подход, к которому мы также обратимся, позволит нам обобщить представленные взгляды на процесс глобализации общества и приведёт к заключению и лучшему пониманию основных характеристик данного явления.

Задача исследования заключается в анализе группы двух основных взглядов на общественное развитие, выделение преимуществ и

¹ Гемават П. Мир 3.0: Глобальная интеграция без барьеров. – М.: Альпина Паблишер, 2013. – 415 с.

² Бондарь О.Ю. Глобализация и её философские проблемы//Вестник РУДН, серия Философия, 2012, №3.

недостатков обоих подходов, а также подведение в итоге заключения по поводу того, какой подход лучше отражает идею развития человечества.

Первая идея – универсалистская. Её суть заключается в создании единого человечества. Все люди равны, поэтому необходима единая мировая культура, религия, правовые законы, мораль и прочие компоненты. Эта идея преимущественно западная. Главная её суть в том, что идеи, которые должны стать универсальными, являются традициями и ценностями западного общества. Обычаи и нормы других народов в расчёт не идут.

Универсальный подход понимания человечества как единого целого представляет собой важную философскую и этическую дилемму. С одной стороны, он предполагает идею единения человечества. Мир перестаёт быть разрозненным на разные культурные, национальные и идеологические группировки. Должна исчезнуть расовая, культурная, идеологическая дискриминация¹. Все должны жить по единым законам и исповедовать универсальные ценности. В данном случае снимается проблема конфликта и противоречия ценностей.

Философия, этика и мораль часто трактует универсализацию под другим углом. Возникает ряд важных вопросов, требующий серьёзного размышления. Почему именно запад считает, что его ценности наивысшие? Кто вообще решил, что универсальные нормы являются благом для человечества? Каким образом мы сделаем какие-то ценности всеобщими, ведь мы не можем изменить сознание и внутреннюю сущность людей?

После всех этих поставленных вопросов, на которые невозможно дать однозначного ответа, мы понимаем, что достоинства универсалистского подхода достаточно спорны. Запад предполагает отмену расовой и культурной дискриминации, заведомо уничтожая культурные традиции других народов, и навязывая им свои. О каком уважении и равенстве народов может идти речь!? Здесь даже более того неравенство народов подавляется насилием.

Универсализму противостоит другой подход, партикуляризм или цивилизационный подход. Согласно А. Тойнби, наиболее яркому представителю данного подхода, невозможно всеобщее единение народов и создания универсальной цивилизации². Данный подход предполагает,

¹ Declaration of Ethical Principles in Relation to Climate Change. Paris: UNESCO, 2017. 12 p.

² Тойнби А. Постижение истории: сборник. – Москва, 1991. – с.599

что каждая культура особенная. Она не может быть сведена к единым стандартам. Каждый народ находится на определённом этапе развития, имеет собственные мировоззрение, культурные ценности, традиции, обычаи, законы и нормы. Культуры разных народов сильно различаются, нередко вступая в противоречие. Ценности одного народа могут сильно отличаться от ценностей другого. Чтобы сделать их едиными, неизбежно уничтожение одних приоритетов, и замена их другими.

Другим представителем плюралистического подхода является Шпенглер. Он рассматривает культуру каждого народа как нечто уникальное и, не имеющие, нигде аналога¹. Критикует позицию представителей теории универсализма, которые разделяют историю на древний мир, средние века и новое время. Данное деление носит чисто европеизированный характер и не учитывает историю развития других государств. Философ предлагает совершенно иной взгляд на мировую историю развития общества, которое характеризуется не сменой исторических этапов, а развитие отдельных, независимых друг от друга культур. Шпенглер приравнивает к организму не все человечество, как представители универсального подхода, а лишь культуры отдельных народов. Каждая цивилизация проживает период зарождения, становления и умирания, независимо от другой. Развитие и деградация одной нации не приводит к подобным результатам в другом государстве.

Ценность данного подхода заключается в том, что мыслитель признает культурные особенности каждого народа и его независимость. Шпенглер не сводит построение истории в рамках западной либеральной демократии, христианства и экономического строя. Нет оснований полагать, что европейские государства превосходят другие по духовному уровню своего развития.

Шпенглер упускает из внимания диалог культур, взаимосвязь и взаимозависимость разных народов. Невозможно отрицать, что некоторые элементы государственно, правового и культурного строя один народ полностью или частично может заимствовать у другого.

Представитель универсалистского подхода, историк, Люсьен Февр, в своей статье «От Шпенглера к Тойнби» критикует позицию данных философов, касательно независимого развития каждого народа. Ученый считает, что данная концепция исследует главным образом

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. – М.: Издательство «Весь Мир», 1993. – 188 с.

культурные особенности народа. По мнению Февра, это большая ошибка, так как помимо культурной идентичности, каждый народ является представителем человечества. Февр акцентирует внимание на том, что все цивилизации прошли схожие этапы становления и развития. Единственное их отличие заключается в том, что разные народы создали свою цивилизацию в разные периоды истории и в разный временной отрезок. По мнению историка, это отличие делает иллюзию того, что все народы имеют колоссальное отличие между собой.

Корни плюралистического подхода можно проследить ещё в XIX веке в работе Данилевского «Россия и Европа». Согласно его концепции, каждый народ имеет свой культурно-исторический тип, который обладает четырьмя основными характеристиками. Каждый народ имеет единый язык или языковую группу, политическую независимость, свои традиции и обычаи, а также религию и мораль¹, которые развиваются независимо от развития данных компонентов в других народах.

Данилевский критикует стремление западной цивилизации навязать другим народам свою гегемонию, которое изнутри убивает иные народы. Мыслитель считает, что ни один тип цивилизации не может претендовать на право называться «высшей точкой развития человечества». Данилевский отдаёт явное предпочтение славянской цивилизации, которая, по его мнению, может и должна противостоять враждебности и агрессии со стороны запада.

В оппозиции к Данилевскому, Тойнби в частности, и всему цивилизационному подходу стоит известный американский философ и политолог Фрэнсис Фукуяма². Он считает, что распространение западной либеральной демократии во всем мире является наивысшей точкой эволюции человечества. Люди, наконец-то, смогли понять благую суть данного явления и отказаться от своих ошибочных ценностей. Распространение единых законов западной демократии положит конец всех идеологических, национальных и религиозных противостояний. Данная идея очень актуальна для функционирования глобального мира. Уничтожение всех противоречий и конфликтов между народами, которые вызывают вражду, означают

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа//взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Издательство Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург, 1995

² Fukuyama F. The end of history and the last man. – New York: Free Press, 1992. – p. 320.

конец мировому терроризму, глобальных войн, биполярному и многополярному противостоянию великих держав.

Интересно отметить, что истоки универсалистского подхода лежат ещё в концепции развития истории немецкого классического философа, Георга Гегеля. Для него история человечества является единым процессом развёртывания абсолютной идеи и полным её становления¹. Каждый исторический этап предшествует предыдущему. В своей концепции он выделяет три главных этапа развития истории. Первый, низший этап развития общества, представляет собой восточную деспотию. Данный исторический этап философ определяет примитивным, в первую очередь, по степени осознания свободы в обществе. Свободным на древнем востоке был только один человек – деспот. Остальные строго подчинялись его воли и не обладали правом противиться субъекту всеобъемлющей власти, которую олицетворял собой владыка. Данный период развития истории представляет собой чистую тиранию.

Данный общественный строй, как считает Гегель, послужил фундаментом построения более высокоразвитого общества, которое представляли собой полисы Античной Греции. В данном государстве осознали несправедливость данного подхода и необходимость перемен. В это время человечество представляет собой переходный этап. Здесь получает развитие понятие «свобода». Данный феномен стал прерогативой не одного деспота, а сначала нескольких избранных управлять полисом. Таким образом, получила развитие аристократия. Это первый подпериод данного этапа истории. Затем из аристократии в греческих полисах начала развиваться демократия. На этом историческом этапе люди осознали несправедливость в правление избранного меньшинства. Они пришли к выводу, что необходимо предоставить свободу и власть большему количеству людей. В итоге возникла так называемая греческая демократия. Но её нельзя назвать демократией в полном смысле этого слова, так как свободным большинством в Древней Греции являлись лишь мужчины благородного происхождения. Только они и являлись гражданами города-государства. Права же других людей не принимались всерьёз. Такую форму правления просто невозможно назвать демократией в полном смысле этого слова.

¹ Гегель Г. Энциклопедия философских наук//Философия духа//Философия истории Том 3. – М.: Рудомино, 2001. – 684 с.

Неполноценная форма античной демократии послужила двигателем абсолютной формы государственного устройства, которым является современное Гегелю европейское государство. Идея всеобщего равенства возникла лишь в германо-христианском мире.

Этапы развития общества в системе Гегеля составляют движение духа к абсолютной идее. Дух в концепция философа только на последней стадии своего развития объективируется и становится абсолютной идеей, которая является вершиной всего.

Гегель выстраивает целую диалектико-логическую систему доказательства своего понимания развития общества. Он сравнивает человечество с единым живым организмом, который постепенно развивается, и с каждым новым этапом переходит на более высокую ступень развития, в итоге достигая абсолютного совершенства. При этом в его подходе, как и в концепциях представителей универсалистского подхода, прослеживается идея западной гегемонии. Он заведомо ставит восточные народы на ступень греческого народа, который заложил основы западноевропейского государства. Греческий народ, в свою очередь, немецкий философ оценивает ниже в уровне государственного правления современного ему немецкого государства. Про государственное развитие других, к примеру, восточных народов не идёт и речи.

Мировоззрения, согласно гегелевской концепции, тоже развиваются в рамках универсальной концепции развития человечества. Также как и в периодах истории, в данных сферах общественной жизни, мы видим, что философ определяет наиболее примитивным форму искусства древнего востока, представленное в виде архитектуры. Этот тип искусства, говоря языком гегелевской диалектики, наиболее близок к природе и имеет символический характер. Здесь идея ещё не достигла адекватной формы своего художественного выражения¹.

Архитектура является фундаментом искусства, так как закладывает основу для более высокой ступени, которой является скульптура. Данная форма искусства получает наибольшее развитие в переходный, классический период развития общества, который можно наблюдать в Античной Греции. В данный период дух и идея достигают полной адекватности, но ещё не получают полного освобождения.

Классическое искусство явилось основой для развития романти-

¹ Гегель Г. Энциклопедия философских наук//Философия духа//Лекции по эстетике. Том 3. – М.: Рудомино, 2001. – 684 с.

ческого западного, которое выражается в живописи, музыке и поэзии. Здесь человечество в искусстве достигает высших пределов своего творчества. На данном этапе духовность перерастает какие-либо формы конкретного чувственного восприятия, абсолютный дух рвётся в иные, более высокие формы самопознания - религию и философию.

В религии и философии Гегеля тоже наблюдаются три основных этапа их развития в истории общества. Первый и низший этап развития религиозного сознания философ опять относит к древнему востоку. В данном периоде религия представляется в форме восточного язычества¹, где субстанция представляется как божество природного мира. Далее мы опять можем видеть развитие религии на примере греческих полисов, где Божество уже раскрывается как субъект, отличный от мира природы. И, наконец, высший этап религиозного сознания относится к западному христианству, где Бог признается в абсолютном и безусловном единстве и бесконечности. Данная религиозная концепция ещё больше приближает нас к наивысшей форме самопознания, которым является философия.

История философии в свою очередь тоже проходит все эти три этапа. Изначально философия предстает перед нами в форме мифа восточных народов² и нацелена на пояснение природных явлений. Следующий этап философского миропонимания принадлежит Античной Греции. Философы данного периода: Гераклит, Демокрит, Платон, Аристотель и неоплатоники доходят до понятия бытия и идеи. Высшую ступень философии и всего миропознания, конечно же, принадлежит философии Нового Времени. Декарт постиг рассудочное сознание и субстанцию. Кант и Фихте отталкиваются от концепции Декарта и доходят до ступени самосознания и субъективности. Самой же абсолютной ступени самосознания удалось частично достичь Шеллингу. Полностью же познать абсолютное знание удалось только самому Гегелю. Ведь именно он дошёл до осознания абсолютного тождества субстанции и субъекта.

В концепции искусства Гегеля вновь прослеживается дискриминация. На примере развития государств, понимания свободы общества и религиозного сознания не наблюдается логических противоречий. Но

¹ Гегель Г. Энциклопедия философских наук//Философия духа//Философия религии. Том 3. – М.: Рудомино, 2001. – 684 с.

² Гегель Г. Энциклопедия философских наук//Философия духа//Лекции по истории философии. Том 3. – М.: Рудомино, 2001. – 684 с.

мы не имеем никаких доказательств тому, что искусство западной цивилизации лучше, чем искусство других народов. Что касается философии, то она доходит до гегемонии своего Я, признавая философию своего миропонимания наивысшей ступенью развития общества. Гегель априори приписывает народам востока недоразвитость и невозможность постижения истины абсолютной идеи. Четких оснований того, что один народ по интеллектуальному уровню своего развития ниже другого нет. Здесь проявляется аналог расовой дискриминации.

Философские рукописи Карла Маркса, в какой-то степени, как и философия Гегеля представляет основу универсалистского подхода развития общества. Концепция общественно-экономических формаций данного философа берет за основу диалектическое движение абсолютной идеи философии Гегеля. Историческое развитие человечества представлено в концепции Маркса как нечто единое и целое, но прогресс в развитии человечества главным образом обусловлен общественными способами производства¹, а не уровнем развития осознания степени свободы и самопознания.

В истории своего развития производство проходит четыре основных этапа становления, достигая, в конечном счете, окончательной и наиболее совершенной формы пятого типа, который философ определяет как коммунизм. Первым, низшим типом общественного производства является азиатский тип. Прибавочный труд общины, существует в виде другой, более высшей общины, которая, в конечном счете, представлена одним лицом. Данные тип производства также как и низшая форма государственного устройства Гегеля характерна для Древнего востока.

Далее азиатский способ преобразуется и превращается в античную форму собственности. Здесь главное место отведено общине, а не одному единственному деспоту. На данном этапе концепции Маркса прослеживается гегельянская диалектическая форма развития общества. Общинная форма собственности представляет собой нечто тождественное аристократической форме правления в греческих полисах, к которой отсылает Гегель.

После античной формы собственности общество проходит ещё два этапа: феодализм и коммунизм. Затем оно становится готовым к переходу на наиболее высший уровень, который Маркс определяет как

¹ Марк К. Экономико-философские рукописи 1844 года. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – 174 с.

коммунизм. Данный тип производства не стоит в системе четырех ступеней, а изолированно возвышается над ними. Коммунизм, отмечает мыслитель – не конечная цель существования общества, но необходимая. На данном этапе отсутствует какая-либо форма собственности. Все люди становятся свободными и равными. Здесь прослеживается связь с европейской формой государства концепции Гегеля. Отличие составляет лишь то, что, в отличие от теории Гегеля, на данном этапе общество не приходит к завершению истории своего развития.

Феодализм, капитализм и коммунизм рассматриваются Марксом на примере западных государств. Восточные и другие государства философом не исследуются. В его концепции восточные типы общественной организации труда и производства априори признаются низшими, поэтому они могут служить лишь фундаментом для построения западного общества.

Безусловно, концепции этих двух философов имеют блестящее диалектико-логическое обоснование. Человечество едино, некоторые народы попали на низшую ступень развития и предназначены лишь для построения наилучшего будущего. Системы исторического развития общества в дальнейшем позволяют более поздним представителям классического универсализма обосновать свою позицию об идеале западной демократии и универсальном характере ценностей западной цивилизации.

Литература

1. Бондарь О.Ю. Глобализация и её философские проблемы//Вестник РУДН, серия Философия, 2012, №3.
2. Гегель Г. Энциклопедия философских наук//Философия духа//Лекции по истории философии. Том 3. – М.: Рудомино, 2001. – 684 с.
3. Гегель Г. Энциклопедия философских наук//Философия духа//Лекции по эстетике Том 3. – М.: Рудомино, 2001. – 684 с.
4. Гегель Г. Энциклопедия философских наук//Философия духа//Философия истории Том 3. – М.: Рудомино, 2001. – 684 с.
5. Гегель Г. Энциклопедия философских наук//Философия духа//Философия религии Том 3. – М.: Рудомино, 2001. – 684 с.
6. Гемават П. Мир 3.0: Глобальная интеграция без барьеров. – М.: Альпина Паблишер, 2013. – 415 с.
7. Данилевский Н. Я. Россия и Европа//взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Издательство Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург, 1995.

8. Марк К. Экономико-философские рукописи 1844 года. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – 174 с.
9. Тойнби А. Постигание истории: сборник. – Москва, 1991. – с.599.
10. Февр Л. Бои за историю/Пер. с фр. – М.: Наука, 1991. – 629 с.
11. Declaration of Ethical Principles in Relation to Climate Change. Paris: UNESCO, 2017. 12 p.
12. Fukuyama F. The end of history and the last man. – New York: Free Press, 1992. – 320p.

М. С. Касабуцкая

учащаяся аспирантуры по направлению
«Социологические науки» СПбГУ

Влияние интеллектуального капитала на трансформацию организационных коммуникаций в современной глобальной хозяйственной системе

В статье рассматриваются вопросы влияния интеллектуального капитала на трансформацию организационных коммуникаций в современной глобальной хозяйственной системе. Анализируется роль образования в трансформации производственной системы и повышении конкурентоспособности современных компаний.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, организационные коммуникации, глобальная экономическая система, образование

The article discusses the impact of intellectual capital on the transformation of organizational communications in the modern global economic system. The role of education in the transformation of the production system and increasing the competitiveness of modern companies is analyzed.

Key words: intellectual capital, organizational communications, global economic system, education

Невозможно объяснить какое-либо социальное явление, не проанализировав его в контексте глобальных общественных изменений. Например, зависимость образования от конкретно-исторических условий какого-либо общества, и взаимосвязь его развития с трансформаци-

ей современных внутриорганизационных коммуникаций. Вопрос этот важен особенно в контексте необходимости повышения конкурентоспособности компаний в современной глобальной хозяйственной системе [2, с. 74–79].

На формирование интеллектуального капитала компаний повлияло большое количество различных структурных факторов изменений современной глобальной экономической системы, среди которых можно назвать следующие: интеллектуализация труда и рост профессиональных знаний и компетенций в процессе производства, мобильность и гибкость во внешней и внутренней производственной системе (в ответ на постоянные, динамичные изменения внешней среды), сетевые взаимодействия и необходимость формирования доверия во внешней и внутренней среде организации, непрерывное обучение, рост научно-исследовательской деятельности (наукоемкости производства), рост самоорганизации и самоконтроля.

Можно заметить ряд существенных изменений в организации труда в современной глобальной хозяйственной системе, непосредственно связанных с накоплением интеллектуального капитала и стремительным повышением роли образования в этом процессе. Но правомерно ли говорить о том, что обучение в процессе развития социально-трудовых отношений – совершенно новое явление или оно всегда играло весомую роль? Так, в доиндустриальную эпоху знания передавались от мастера к подмастерью, от ремесленника к ученику и имели индивидуализированный характер. В индустриальную эпоху, в процессе формирования традиционного индустриального производства, люди выступали скорее «винтиками» производственного механизма. Как это было, например, во времена Г. Форда. Знания индустриального типа носили в целом механический характер, как и вся система управления производством. Научный подход к организации труда (НОТ) стал разрабатываться в связи с распространением индустриализации производства, вторичного сектора экономики – фабрик и заводов по переработке сырья в промышленные товары в больших масштабах, чтобы наиболее рационально и эффективно использовать и организовывать социально-трудовую деятельность. В рамках научной организации труда предпринимались попытки разработки и применения научных знаний для повышения трудовой дисциплины и формализации различных рабочих процессов. Заложенные в рамках индустриальной эпохи контроль, соблюдение регламентированного времени и предписанных результатов труда, 40-часовая рабочая неделя сохранились и присутствуют до сих пор в режи-

ме работы крупных корпораций, оперирующих в различных отраслях, в том числе и высокотехнологичных. Научные методы в организации индустриального типа труда, основанные на разработке способов «приспособления» труда к условиям труда, пришли в упадок в 20-ые годы XX века в связи с появлением определенных сбоев массового индустриального производства. Идея о том, что индустриальный труд, организованный с помощью машинного производства, сможет полностью заменить традиционные социально-трудовые коммуникации, оказалась утопией. Недостаток учета требований и изменений рынка, его потребностей стал причиной кризиса перепроизводства, в то время как монотонная, однообразная работа и отсутствие возможности творческого подхода к труду, «отчуждение труда» привели к низкому уровню социального самочувствия и удовлетворенности трудовой деятельностью среди рабочих, и как следствие – отсутствию стремления производить больше заданной нормы. В 30-ых годах XX века объектом исследований выступили непосредственно трудовые ресурсы и их мотивация, изучением которых стали заниматься новые направления исследовательской деятельности – социология труда в Европе, а также индустриальная социология в США. Постепенно наблюдалось высвобождение рабочей силы из сферы традиционного промышленного производства, что способствовало более широкому распространению образования, появлению новых отраслей и профессий интеллектуального труда в экономике и необходимости трансформации индустриальных основ организации производства и социально-трудовых отношений. Безусловно, сохранился целый ряд заводов и организаций, оперирующих по принципам традиционного промышленного производства и направленных на выполнение рабочими однотипных операций, тем не менее, они стали больше нуждаться в сфере обслуживания и обеспечении каналов продаж на различных рынках сбыта. Существенно возрос процент организаций, занятых в третичном секторе экономике. С середины XX века всё более значительная роль стала уделяться включению трудовых ресурсов непосредственно в научно-образовательную и исследовательскую деятельность на рабочих местах в связи с всеобщим повышением образовательного уровня и со стремлением всё большей части населения развитых стран к интеллектуальному труду. Значительную роль начинает играть умственный труд и стремление к постоянному повышению уровня образования, большое распространение получает научно-исследовательская деятельность в процессе производства. Если в индустриальную эпоху капиталист нанимал рабочую силу, выполняющую в основном простые операции (на машинах, станках), то в пост-

индустриальную эпоху уровень квалификации и требования к трудовым ресурсам значительно возрастают. Т.Стюарт высказывает мнение о том, что современный работник может быть «умнее босса», и если человек умнее начальника, то его шансы на трудоустройство значительно возрастают [3, с. 89]. Работник становится не просто подчиненным, но и активным субъектом социально-трудовых отношений, способным своими решениями и предложениями влиять на процессы производства и на его конечный результат. Наблюдается также противоположная индустриальному типу производства тенденция – машина становится инструментом и работает уже на человека. Незыблемость бюрократической, иерархической системы подвергается сомнению и изменениям, сопровождающимся распространением динамичной, адхократичной, гибкой структуры, поскольку приходится быстро решать различные, вновь возникающие задачи. Новая структура управления зачастую носит уже проектный характер, можно отметить определенные тенденции, способствующие более гибким и адаптивным формам организации производства. Человек в современной производственной системе самопрезентирует себя и товар, который продает на рынке, и, тем самым создает ассоциативную цепочку, где его персона и организация, которую он представляет, всё больше ассоциируется с продаваемым товаром. Особую роль начинает играть личный брендинг и самопрезентация. Важно отметить, что если ранее при трудоустройстве обращали внимание на профессиональные знания, компетенции, то на сегодняшний день существенную роль играют также и личностные качества кандидатов и сотрудников. В современной производственной системе встает также вопрос: на сколько справедливо делать организации ответственными за развитие интеллектуального капитала своих сотрудников, или сотруднику самому необходимо нести ответственность за собственное развитие? Безусловно, организация – может предоставить возможности для повышения уровня образования, в то время как сотрудник может воспользоваться или не воспользоваться ими. Здесь также наблюдается важность перехода от пассивного модуса (информированности о различных возможностях) к активным действиям – применение социальных практик развития интеллектуального капитала [1, с. 254]. Таким образом, будет воспроизводиться цепочка «информированность – ответственность – действия- опыт». Вышеописанные тенденции напрямую связаны с распространением интеллектуализации производства и сформировали теоретические концепции интеллектуального капитала компаний.

Литература.

1. Касабуцкая М. С. Обучающиеся организации: от организационной культуры к социальным практикам / Культурная экономика и экономизация культуры в системе современных обществ – Cultural Economy and the Economization of Culture in the System of Modern Societies (Сборник статей) / Под ред. Н. Г. Скворцова, А. В. Петрова, Ванг Жие, Динг Гоуки. СПб.: Астерион, 2018. С. 246-249.

2. Касабуцкая М. С., Петров А. В. Роль интеллектуального капитала в организации труда современных компаний (на примере сектора информационных технологий) // Общество. Среда. Развитие. – 2015, № 4. – С. 74–79.

3. Стюарт Т. А. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций. М.: Поколение, 2007. – 368 с.

М. Л. Расина

учащаяся 2 курса магистратуры
по программе «Социология» СПбГУ

Значение эмоций в структуре социального управления

В статье рассмотрена роль эмоций в процессах управления, а именно их включение в каждую из функций управления. Современные условия труда и практики управления ужесточают требования к тому, чтобы руководители лучше умели использовать эмоциональные реакции для повышения качества общения и нейтрализующих отрицательные эмоции. Эмоции рассматриваются как ресурс в управлении и как профессионально-важное качество менеджера.

Ключевые слова: социология эмоций, эмоциональный интеллект, управление эмоциями, эмоции в профессиональной деятельности

The article discusses the role of emotions in management processes, namely their inclusion in each of the management functions. Modern working conditions and management practices are tightening the requirements for managers to better use emotional reactions to improve the quality of communication and neutralize negative emotions. Emotions are considered as a resource in management and as a professionally important quality of the Manager.

Key words: sociology of emotions, emotional intelligence, emotion management, emotions in professional activity

Социология эмоций относительно новая, но уже институционализируемая и развитая область социологических исследований. В Американской и Европейской социологической ассоциациях существует и активно работает комитет по социологии эмоций, постоянно проводятся специализированные конференции, публикуются многочисленные книги и статьи, что говорит о высокой заинтересованности ученых в исследовании такого сложного явления как эмоции с социологической точки зрения.

Рассматривая эмоции как социокультурный феномен, их можно подвергнуть социологической экспертизе, отнести как к области общей социологической теории, так и социологии управления. Несмотря на концепцию рационализации управления Фредерика Тейлора, из которой эмоции исключаются, будучи проявлением иррационального, личного и феминного, в конце XX века европейское и американское научное сообщество предпринимает множество серьезных исследований эмоций в области управления и организаций. Среди главных выводов – наличие связи эмоций с такими управленческими феноменами, как эффективность организации, власть, справедливость, инновации, организационная культура. Появление интереса к данным исследованиям обосновывается требованием современного общества объяснить его особенности с учётом эмоционального контекста, не ограничиваясь лишь рациональным.¹

В российской социологической науке работы о важности эмоций в социальных процессах, чаще всего посвящены профессиональному выгоранию, эмоциональному капиталу организации и лидерству. Можно выделить три периода в процессе становления социологического интереса к эмоциям. В первом – возникает внимание к эмоциональным явлениям в социальных процессах, во втором – напротив, интерес к объяснительной ценности эмоций снижается, и наблюдается доминирование идей рациональности в социологических теориях. Стоит отметить,

¹ Горбунова М.Ю. Эмоции в социальном управлении: теоретическая модель // Государственное управление. Электронный вестник. 2011. №26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsii-v-sotsialnom-upravlenii-teoreticheskaya-model> (дата обращения: 22.11.2019)

что исследователи при объяснении механизмов, объединяющих людей в группы, непременно сталкивались с эмоционально окрашенными категориями. На третьем этапе, современном, исследования эмоций как социальной категории возобновляются. На сегодняшний день главной задачей является построение целостной модели эмоций в социальном управлении.

Социальный аспект в данном случае указывает на важность рассмотрения социальных отношений и взаимодействия людей, вовлеченных в какой-либо вид деятельности, которые объединены в организации и общности. Управление как форму и процесс социальных отношений, долгое время было принято изучать с точки зрения субъект – объектного подхода. Он предполагает рассмотрение управляемого лишь как средства, призванного успешнее и больше работать за меньшее вознаграждение. Сторонники же субъект – субъектной парадигмы настаивают на том, что индивид в составе группы своей деятельностью способен влиять на ход событий, выступая субъектом социальных процессов и являясь активным началом социальной реальности. Именно субъект – субъектный подход открывает новые методологические перспективы исследования роли эмоций в управлении.¹ Это объясняется тем, что отношение к управляемому как к объекту предполагает игнорирование его особенностей и эмоциональных переживаний, в то время как реализация субъект – субъектного подхода характеризует управленческий процесс коммуникативной насыщенностью, что предъявляет требования к эмоциональной сфере его участников – совместная эффективная работа субъектов управления невозможна без солидарности и эмоциональной вовлеченности.

Для всех процессов управления характерно определение четырех основных функций: планирование, организация, мотивация и контроль. В работе автор предполагает, что в каждую из них включены эмоции, которые влияют на их эффективность, как следствие – и на эффективность социального управления в целом.

На эффективность принятия решений в рамках планирования положительно влияет эмоциональный настрой, соответствующий ситуации. Осо-

¹ Горбунова М.Ю. Эмоции в социальном управлении: теоретическая модель // Государственное управление. Электронный вестник. 2011. №26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsii-v-sotsialnom-upravlenii-teoreticheskaya-model> (дата обращения: 22.11.2019)

бое значение эмоционализация процесса приобретает в части принятия креативных решений и вопросах инвестирования.¹ Так, К.Л. Лидин, отмечает, что именно эмоциональный фактор зачастую приобретает решающую роль в мотивации экономического поведения потенциального инвестора. Ученый в своих работах для объяснения этого процесса предлагает понятие «аффективного фелицитатора»: «если в рамках модели рационального оптимизатора человек рассматривается как стремящийся к максимальной выгоде разумными путями, то аффективный фелицитатор стремится к счастью, используя эмоциональные методы».²

Автор разделяет позицию исследователя Нила Эшкенази в том, что позитивный настрой является самым желаемым эмоциональным явлением в организации. Это связано со стимулированием творчества и когнитивной гибкости, данные эмоции позволяют добиться лучших результатов во время переговоров, повышают производительность труда.³ Тогда, как люди в негативном настроении менее удовлетворены своей работой, что, в конечном итоге, может привести к увольнению.

Важно, что понятие «эмоция» – является категорией абстрактной, следовательно социологические исследования должны быть направлены на изучение роли конкретных эмоций, как положительных, так и отрицательных, в социальных процессах и управлении.

Условия нестабильности и кризиса также требуют особого внимания к изучению эмоционального фона. Это связано с тем, что настроение социума влияет на изменения социально-экономических процессов. Исследования роли настроений и эмоций в контексте социального управления, открывают новые возможности для лучшего понимания роли эмоций в планировании и в развитии творческого потенциала социальных систем, а также мотивов принятия решений. Основой для анализа в данном случае можно считать индекс социальных настроений (ИСН) – комплексный индикатор, он измеряет субъективные оценки

¹ Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2007. С. 134.

² Лидин К.Л. Эмоциональная экономика // Модернизация экономики и общественное развитие: в 3 кн. Кн. 2/ Отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 257, 264.

³ Крюкова Е.А. Управление эмоциями как фактор эффективного менеджмента // Российское предпринимательство. 2015. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-emotsiyami-kak-faktor-effektivnogo-menedzhmenta> (дата обращения: 22.11.2019).

разных сторон общественной и личной жизни населения.¹ Так, пессимистический общественный настрой ведёт к замедлению динамики потребительских расходов, снижению спроса на потребительские кредиты.

Реализация властных полномочий лидером социального управления заложена в основе организационной функции. На силу эмоциональной нагрузки руководителя будут влиять степень его ответственности, а также положение в иерархической структуре. Б. Ашфорт и Р. Хамфри было установлено, что иерархия влияет на эмоциональное разделение труда. Так, задачи, которые вызывают у сотрудника негативные эмоции, могут быть делегированы подчиненному.²

Организация работы, в основе которой лежит принуждение, страх, является эффективной лишь на короткий промежуток времени, за счет того, что вызывает у исполнителя негативные эмоции. В свою очередь власть, базирующаяся на положительных эмоциях, достаточно устойчива, вызывает доверие к руководителю, способствует эффективной работе.

Чтобы сплотить коллектив, задать эмоциональный импульс, современный руководитель должен быть не просто лидером, а эмоциональным лидером. К такому руководителю будут расположены сотрудники, не будет места недоверию, отсутствие постоянного страха позволит решать задачи.³

Что касается влияния эмоций на мотивацию – это будет как непосредственное влияние на поведение, так и косвенное, за счет включения в когнитивные процессы. Боуденс рассматривает в качестве стимуляторов эмоциональные реакции: позитивные эмоции связаны с достижением целей и преодолением препятствий, с личной поддержкой, солидарностью и взаимосвязью.

Отрицательные эмоции выступают в качестве демотиваторов и включают: фокусирование на несправедливости ситуации, в основном

¹ Показатели индекса социальных настроений // URL: <http://www.levada.ru/isn1004.html> (25.11.2019).

² Крюкова Е.А. Управление эмоциями как фактор эффективного менеджмента // Российское предпринимательство. 2015. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-emotsiyami-kak-faktor-effektivnogo-menedzhmenta> (дата обращения: 22.11.2019).

³ Ashforth B., Humphrey R. Emotion in the workplace - a reappraisal // Human Relations 1995. 48. P. 97-125.

на нефинансовой компенсации; дискриминацию; как скрытые, так и открытые конфликты, и борьбу за власть; нарушение норм и доверия в ущерб другим лицам или рабочему месту; идеологию, основанную на разногласиях; фактическое или потенциальное унижение на рабочем месте.

Эмоции играют важную роль в структуре социального управления. Эмоционально здоровым является социальное управление, которое стремится минимизировать негативные эмоциональные переживания управляемых субъектов, и направлено на создание благоприятной эмоциональной атмосферы, как на уровне малых групп, так и на уровне общества в целом.

Список литературы:

1. Горбунова М.Ю. Эмоции в социальном управлении: теоретическая модель // Государственное управление. Электронный вестник. 2011. №26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsii-v-sotsialnom-upravlenii-teoreticheskaya-model> (дата обращения: 22.11.2019)
2. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2007. С. 134.
3. Крюкова Е.А. Управление эмоциями как фактор эффективного менеджмента // Российское предпринимательство. 2015. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-emotsiyami-kak-faktor-effektivnogo-menedzhmenta> (дата обращения: 22.11.2019).
4. Лидин К.Л. Эмоциональная экономика // Модернизация экономики и общественное развитие: в 3 кн. Кн. 2/ Отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 257, 264.
5. Показатели индекса социальных настроений // URL: <http://www.levada.ru/isn1004.html> (25.11.2019).
6. Ashforth B., Humphrey R. Emotion in the workplace - a reappraisal // Human Relations 1995. 48. P. 97-125.

А. Г. Момот
учащаяся магистратуры по направлению
«Конфликтология» Факультета управления
Российского государственного социального университета,
г. Москва

Внедрение CRM-систем в организациях дополнительного образования: конфликтологический аспект

*Статья анализирует проблемы внедрения CRM-систем в организациях дополнительного образования с точки зрения конфликтологии.
Ключевые слова: инновации, CRM-система, инновационный конфликт.*

*The article analyzes problems of implementing CRM systems in additional education organizations in terms of conflict resolution.
Key words: innovation, CRM-system, innovation conflict.*

В современных условиях рыночной экономики задачами любой организации являются выживание, рост и развитие. Для решения данных задач организациям следует непрерывно вести деятельность, направленную на реализацию своих конкурентных преимуществ. Для этого необходимо находить новые способы и методы ведения деятельности, внедрять инновации.

Термин инновации впервые был применен в начале XX века известным экономистом Йозефом Шумпетером как изменения в целях реализации и использования новых видов потребительских товаров, новых производственных и транспортных средств рынков и форм организации в промышленности.¹ Внедрение инноваций стало ключевым фактором конкурентоспособности организаций. Новые благоприятные возможности открыты для тех организаций, которые успешно внедрили и освоили инновационные технологии.

В настоящее время организации становятся все более клиенто-ориентированными. Появилась необходимость грамотного выстраива-

¹ Инновационный менеджмент: Учебное пособие / Под ред. В.М. Анынина, А.А. Дагаева. М.: Дело, 2009 – 330 с.

ния отношений с клиентами, улучшения обслуживания клиентов. Для этих целей существуют различные виды программного обеспечения, например, такие как CRM-система (Customer Relationship Management или Управление отношениями с клиентами) — это — прикладное программное обеспечение для организаций, предназначенное для автоматизации стратегий взаимодействия с заказчиками (клиентами), в частности, для повышения уровня продаж, оптимизации маркетинга и улучшения обслуживания клиентов путем сохранения информации о клиентах и истории взаимоотношений с ними, установления и улучшения бизнес-процессов и последующего анализа результатов. Кроме того, CRM-система — это любое программное обеспечение, которое поможет вам успешно контролировать работу с клиентами, упорядочить и планировать ее.¹ В последние годы CRM-система получила широкое распространение на территории РФ. Согласно официальным данным Федеральной службы государственной статистики, доля организаций, использовавших CRM-системы, в общем числе обследованных организаций с 2010 по 2018 годы выросла с 4,1% до 13,2%.² Проведя анализ данной статистики, можно предположить, что востребованность сотрудников, имеющих навык работы в CRM-системах в настоящее время крайне высока.

Организации дополнительного образования насытили российский рынок услуг, в связи с чем наблюдается рост конкуренции таких организаций. Происходит непрерывная борьба за внимание и лояльность каждого клиента. CRM-система дает возможность иметь высокую конкурентоспособность, а также оптимизировать работу с клиентами как со своими, так и с потенциальными и увеличивать продажи. В связи с этим, в организациях дополнительного образования управляющий (администратор) должен уметь пользоваться CRM-системой. Таким образом, перед руководством организации дополнительного образования стоит выбор: обучить уже работающего сотрудника - управляющего (администратора) работе с необходимым программным обеспечением, либо заменить данного сотрудника новым, имеющим опыт работы в

¹ CRM. Подробно и по делу: Редакция 1 / Рамиль Кинзябулатов. – [б. м.] : Издательские решения, 2018. – 248 с.

² www.gks.ru / Федеральная служба государственной статистики / Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации

CRM-системах. С одной стороны, возможно обучение уже действующего сотрудника и наделение его дополнительными обязанностями. Это сохранит целостность коллектива и организационный строй, поможет избежать потери сотрудника, имеющего опыт и стаж работы в данной организации и хорошо себя проявивших при выполнении служебных обязанностей. С другой стороны, управляющий (администратор) может испытывать трудности при обучении и работе в новой информационной системе. Например, структурные изменения и необходимость постоянного освоения новых навыков являются проблемными для людей старшего поколения, которые могут испытывать трудности при работе с новыми технологиями. Поэтому компании начинают ориентироваться на молодые кадры в ущерб опытным сотрудникам, иногда заранее дискриминируя возрастной персонал, предполагая трудности с освоением новых технологий.¹ Таким образом, выстраивается социально-психологический барьер на пути внедрения инновации и возникает инновационный конфликт.

Инновационный конфликт, как специфическая организация взаимодействия людей отражает монолитный, нелинейный, многофакторный и неоднозначный процесс, намного превышающий по своей сложности устоявшиеся схемы управления, ныне существующие в менеджменте. Инновационные конфликты являются сопутствующим процессом социальных инноваций, побочным (но не второстепенным) продуктом внедрения инноваций.² Инновационный конфликт может привести к негативным последствиям, таким как: росту напряженности в коллективе, возникновению ощущения неопределенности и неуверенности. Как результат – снижается эффективность организации дополнительного образования. Во избежание инновационного конфликта руководитель может заменить действующего управляющего (администратора) новым сотрудником, владеющим навыками работы в CRM-системах. Тем не менее, данное управленческое решение может повлечь за собой определенные риски. При смене управляющего (администратора), так или иначе происходит перестройка всей организации дополнительного образования. И далеко не всегда данные изменения

¹ Байнова М.С. / Развитие управления в информационном обществе // Материалы Афанасьевских чтений. – 2017. – 2(19). – 99-106 с.

² Цой Л.Н. Организационный конфликт менеджмент / Л.Н. Цой – Москва: Книжный мир, 2007 – 357 с.

оказывают позитивное влияние. Возникает трудовой конфликт, который нередко сопровождается кадровыми, материальными и финансовыми потерями, а также потерей репутации организации дополнительного образования. Эти неблагоприятные факторы приводят к снижению эффективности организации и даже к ее разрушению.

По мнению автора, наиболее удачным управленческим решением в организациях дополнительного образования является внедрение CRM-системы с сохранением рабочего места за опытным сотрудником. При этом, задача руководителя заключается в том, чтобы инновационные изменения происходили плавно, с учетом устоявшегося микроклимата организации. Для предупреждения инновационного конфликта необходимо создать благоприятную информационную среду. Руководитель должен четко и точно донести информацию о CRM-системе, разъяснить о ее положительных моментах. Также немаловажным моментом является обратная связь и непрерывная поддержка руководителем сотрудника - управляющего (администратора) в период обучения работе с новым программным обеспечением. Надежная информационная основа, положительная психологическая установка и поддержка руководителя помогут снизить сопротивление инновациям у управляющего (администратора) организации дополнительного образования и как следствие – внедрение CRM-системы пройдет успешно.

Список литературы.

1. Инновационный менеджмент: Учебное пособие / Под ред. В.М. Анынина, А.А. Дагаева. М.: Дело, 2009 – 330 с.
2. Байнова М.С. / Развитие управления в информационном обществе // Материалы Афанасьевских чтений. – 2017. – 2(19). – 99-106 с.
3. Цой Л.Н. Организационный конфликт менеджмент / Л.Н. Цой – Москва: Книжный мир, 2007 – 357 с.
4. CRM. Подробно и по делу: Редакция 1 / Рамиль Кинзябулатов. – [б.м.]: Издательские решения, 2018. – 248 с.
5. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] / Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации. URL: www.gks.ru

Е. А. Ветрова

доцент кафедры менеджмента и административного
управления Российского государственного
социального университета, г. Москва,
кандидат экономических наук

Ж. А. Соколова

учащаяся магистратуры по направлению
«Конфликтология» Факультета управления
Российского государственного социального университета,
г. Москва

Технологии разрешения внешних конфликтов в организации в условиях современной глобализации

В современных условиях глобализации конфликты стали наиболее трудноразрешимы. Все сталкиваются с конфликтными ситуациями. Иногда здоровый конфликт приносит пользу, ведет к дискуссии и открывает новые пути решения проблем. Но бывают ситуации, когда конфликты негативно влияют на производительность и вовлеченность, что в целом влияет на работу команды и эффективность всей компании. Конфликт в организации характеризуется столкновением различных точек зрения на одно и то же явление или фактор. Люди склонны решать конфликты путем убеждения, эмоциональных проявлений, переговоров. Не всегда возможно мирно решить все конфликтующие вопросы, которые могут привести к более серьезным проблемам. В статье рассмотрим технологии разрешения внешних конфликтов в организации.

Ключевые слова: конфликт, глобализация, управление, разрешение конфликта, метод, способ.

In modern conditions of globalization, conflicts of steel are the most intractable. Everyone is faced with conflict situations. Sometimes a healthy conflict is beneficial, leads to discussion and opens up new ways to solve problems. But there are situations when conflicts adversely affect productivity and engagement, which generally affects the work of the team and the effectiveness of the entire company. Conflict in an organization is characterized by a clash of different points of view on the same phenomenon or factor. People tend to solve conflicts through persuasion, emotional manifestations,

negotiations. It is not always possible to peacefully resolve all conflicting issues that could lead to more serious problems. In this article, we consider technologies for resolving external conflicts in an organization.

Key words: conflict, globalization, management, conflict resolution, method, method.

В трудовой сфере решение конфликта – это первостепенная задача, поскольку от него страдают не только участники самого конфликта, но и профессиональная деятельность. Так как в трудовой сфере применима субординация, то, соответственно, можно рассматривать и ситуацию, связанную с разрешением конфликта, как один из поводов вмешательства вышестоящих уровней в профессиональные взаимоотношения нижестоящих уровней. Для грамотного разрешения конфликта важно, чтобы руководитель владел приемами, которые способны помочь прекратить конфликт, так как в противном случае возможно усиление конфликта [3, с.15].

Современный подход к управлению конфликтами основан на том, что конфликтами можно управлять, причем таким образом, что исход будет иметь положительный заряд.

По мнению Е. А. Замедлиной, Е. Г. Жулиной: «Управление конфликтом - это целенаправленное воздействие по устранению (минимизации) причин конфликта или по коррекции поведения участников конфликта, изменению их целей».

Есть примеры успешных методик для управления конфликтными ситуациями: структурными и межличностными.

Структурные методы в основном влияют на стороны в конфликтах, возникающих из-за неправильного распределения функций, плохой организации труда, плохой оплаты, мотивации и т. д.

Объяснение требований к работе является одним из лучших методов предотвращения и разрешения конфликта. Все сотрудники должны четко видеть сферу своих обязанностей, прав. Метод включает в себя соответствующие должностные инструкции, положения, регулирующие распределение функций, прав и обязанностей [1, с.57].

Одним из самых популярных способов является иерархическая структура власти. Он организует взаимодействие всех сотрудников внутри организации. Если у сотрудников есть разногласия, можно избежать конфликта, связавшись с генеральным менеджером с предложением принять решение.

Интегрированные цели всей организации. Реализация этих целей требует значительных усилий двух или более людей, отделений разных масштабов. Основная идея этой технологии - объединить усилия всех для достижения общей цели.

Структура системы вознаграждений. Награды можно использовать как метод управления конфликтами, воздействуя на людей во избежание негативных последствий.

Помимо структурных методов управления есть так же и межличностные методы управления конфликтами.

Межличностные методы предполагают выбор в стиле поведения во время конфликтной ситуации, чтобы минимизировать ущерб своим принципам.

По словам А. Шепилова, так или иначе, здесь следует иметь в виду, что не все конфликты могут быть разрешены. Его результаты изучения 3000 реальных конфликтов в различных сферах деятельности показали, что только 62% конфликтов были разрешены в той или иной степени [2, с. 67].

Сейчас разработаны два способа разрешения конфликтных ситуаций: когда участники могут самостоятельно решать проблемы и, если это недостижимо, они приглашают третье лицо - посредника. Большинство конфликтов в организациях разрешаются с участием третьих лиц. Процент такого участия в государственных организациях особенно высок.

Есть также организации, в которых конфликт просто игнорируется. Конфликт исчезает сам по себе, но из-за невозможности устранить основную причину, он снова раздувается через некоторое время.

Существуют еще 3 варианта урегулировать конфликты: уступка одной из сторон, компромисс, поиск третьего варианта.

Однако далеко не во всех случаях можно примирить конфликтующие стороны. В том случае, когда это сделать невозможно, необходимо уменьшить их взаимодействие. Обычно особенно трудно урегулировать конфликт между начальником и подчиненным. Как показывает опыт, в таких ситуациях начальник просто в силу своего статуса одерживает победу.

Все типы конфликтов тесно взаимосвязаны. Возникнув в одном элементе отношений, конфликт затрагивает другие системы. Следовательно, успех в предотвращении и разрешении конфликтов во многом зависит от того, насколько точно и своевременно определены все причины роста социальной напряженности.

В небольшой команде для предотвращения конфликтов можно применять социометрические методы измерения социально-психологического климата в команде. Стоит отметить, что ключевой основой для предотвращения конфликтов является их правовая основа.

Предотвращение конфликтов - это комплекс методов управления организацией, которые уменьшают вероятность конфликта. Предотвращение конфликтов в организации представлено в форме управленческой деятельности, которая включает в себя раннее выявление, устранение или ослабление конфликтного фактора и ограничения таким путем возможности их возникновения или деструктивного развития в будущем.

Сложность трудовых конфликтов, в отличие от бытовых, определяется тем, что в рабочей среде люди должны сохранять свое профессиональное «лицо» и репутацию, что может повысить степень напряженности конфликтующих сторон и, соответственно, степень напряженности конфликта. Руководитель признан регулятором конфликтной ситуации, хотя в некоторых случаях люди сами могут разрешить конфликт, в том числе и с помощью коллег. Но в большинстве случаев, доказывая свою невиновность, люди не могут договориться о том, как это будет происходить дома, поэтому посредник в лице руководства все же необходим [4, с. 39].

Не все конфликтные ситуации имеют негативные последствия. Здоровые конфликты, напротив, иногда открывают новые пути решения проблем и помогают взглянуть на вещи с другой стороны. Здоровая конкуренция отлично подходит для того, чтобы быть более продуктивной и развивающейся.

Лучший способ минимизировать негативные конфликты - создать правильную атмосферу в компании, регулярно работать с коллективом и сотрудниками по отдельности, проводить собрания 1: 1, чтобы лучше понимать сотрудников и вовремя замечать, если что-то идет не так. Если каждый сотрудник знает, что отдел кадров и руководство готовы поддержать его в трудной рабочей ситуации, он будет более вовлечен, и случаи конфликтного поведения будут происходить реже.

Литература.

1. Поленова Т. П. Управление скандалом. Популярная конфликтология в семье и на работе [Текст] / Феникс - Москва, 2008. - 224 с.
2. Регнет Э. Конфликты в организациях. Формы, функции и способы преодоления / Пер. с нем. — Харьков: Институт прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2015. — 396 с.

3. Сулимова, Т. Технологии урегулирования конфликтов / Т. Сулимова // Социальная политика и социальное партнерство. – 2011. – № 9. – С. 24-32.

4. Фесенко О.П., Колесникова С.В. Практикум по конфликтологии или учимся разрешать конфликты [для студентов всех направлений подготовки]: Флинта; Москва; 2014. – 271 с.

5. Шейнов В.П. Конфликты в нашей жизни и их разрешение. - Минск: Арт, 2011. – 221 с.

6. Байнова М.С., Петров А.В., Ветрова Е.А. Современная глобальная экология и экологическая этика: экономические и социальные барьеры на устойчивом развитии России / Экономическое и социальное развитие // Российский государственный и социальный университет. – Москва; 2017. С. 959-965.

References

1. Polenova T. P. Management of the scandal. Popular conflictology in the family and at work [Text] / Phoenix - Moscow, 2008. - 224 p.

2. Regnet E. Conflicts in organizations. Forms, functions and methods of overcoming / Transl. with him. - Kharkov: Institute of Applied Psychology "Humanitarian Center", 2015. - 396 p.

3. Sulimova, T. Conflict Resolution Technologies / T. Sulimova // Social Policy and Social Partnership. - 2011. - No. 9. – P. 24-32.

4. Fesenko O.P., Kolesnikova S.V. Workshop on conflict management or learn to resolve conflicts [for students of all areas of preparation]: Flint; Moscow; 2014. - 271 p.

5. Sheinov V.P. Conflicts in our lives and their resolution. - Minsk: Art, 2011. - 221 p.

6. Baynova M. S., Petrov A. V., Vetrova E. A. Modern global Ecology and Environmental Ethics: Economic and Social Barriers to the Sustainable Development in Russia / Economic and Social Development Book of Proceedings / Varazdin Development and Entrepreneurship Agency; Russian State Social University. Moscow, 2017. P. 959-965.

В. С. Титимова
учащаяся магистратуры
по направлению «Государственное и
муниципальное управление»
Факультета управления Российского
государственного социального университета, г. Москва

Особенности современного управления в сфере жилищно-коммунального хозяйства в малых городах

В данной статье рассматриваются и характеризуются особенности современного управления в сфере жилищно-коммунального хозяйства в малых городах, а также, среди них, и распространённые методы управления качеством услуги жилищно-коммунального хозяйства. По итогам анкетирования, проведённого среди работников сферы ЖКХ города Судогда, сделаны выводы, что в данном регионе не введены в оборот некоторые методы управления качеством услуги. В свою очередь, это говорит о том, что не все рыночные механизмы задействованы в управлении ЖКХ. Это обуславливает низкое качество услуг, предоставляемых населению.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, методы, рыночные механизмы, структура управления ЖКХ, малые города.

This article discusses and characterizes the features of modern management in the field of housing and communal services in small cities, as well as, among them, the common methods of quality management of housing and communal services. According to the results of a survey conducted among workers in the housing and utilities sector of the city of Sudogda, it was concluded that some methods of managing the quality of services were not put into circulation in this region. In turn, this suggests that not all market mechanisms are involved in the management of housing and communal services. This leads to poor quality of services provided to the population.

Key words: housing and communal services, methods, market mechanisms, housing and communal services management structure, small cities.

Жилищно-коммунальное хозяйство является системой жизнеобеспечения населения, представляет собой совокупность экономических отраслей.

Актуальность. В настоящее время существуют проблемы в области управления жилищно-коммунальным хозяйством, что выражается в таких явлениях, как: низкий уровень обслуживания населения, большие долги за жилищно-коммунальные услуги, устаревание оборудования, отсутствие рыночных отношений.

Суть рассматриваемой нами проблемы заключается в том, что ЖКХ является убыточной областью. Кроме того, качество услуг ЖКХ оставляет желать лучшего. И данную проблему можно было бы решить посредством внесения новшеств в управление ЖКХ.

«По состоянию на 2018 год, в Российской Федерации, средняя сумма долгов за услуги жилищно-коммунального хозяйства составляет около 1,4 триллиона рублей»¹.

По состоянию на июль 2019 года, «около сорока процентов граждан Российской Федерации оценивают качество услуг жилищно-коммунального хозяйства негативно»².

Для начала мы рассмотрим методы управления ЖКХ.

«Управление жилищно-коммунальным хозяйством иерархично. Мы разделим четыре уровня: федеральный, региональный, окружной и муниципальный»³.

Рассмотрим все эти уровни управления жилищно-коммунальным хозяйством. Стоит заметить, что на каждом из этих уровней существует своя нормативно-правовая база.

На федеральном уровне.

На данной уровне управления жилищно-коммунальным хозяйством разрабатываются, а затем принимаются основные нормативно-правовые акты, указы Президента, Федеральные законы. Именно здесь образуется нормативно-правовой фундамент по управлению жилищно-коммунальным хозяйством.

¹ Известия. Долги за ЖКХ. [Электронный ресурс]. URL <https://iz.ru/765335/svetlana-voikhina-tatiana-gladysheva/dolgi-za-zhkh-v-rossii-vyrosli-do-14-trln-rublei> (Дата обращения 20.12.19.)

² ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL <https://wciom.ru/> (Дата обращения 20.12.19.)

³ Алмаева Л. Х., Есиева И. В. Управление жилищно-коммунальным хозяйством на муниципальном уровне. Издательство Молодой ученый, 2018. — С. 56-57

Основным элементом в управлении первого уровня является Федеральное агентство по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству.

Данное агентство представляет собой исполнительный орган власти. Функции агентства следующие: распределение государственных материальных средств, реализации государственной политики, управление государственным имуществом.

Агентство реализует свои функции непосредственно через подведомственные организации, в том числе, через местные органы самоуправления.

Агентство осуществляет следующее:

1. Реализует подготовку специалистов по градостроительству
2. Формирует государственный комплекс инженерных средств для строительства
3. Производит экономический анализ показателей деятельности подведомственных органов, утверждает показатели, проводит проверки в подведомственных учреждениях
4. Реализует функции государственного заказчика по инновационным программам
5. Осуществляет экспертизы
6. Осуществляет проектный документооборот.

Региональный уровень.

На данном уровне нормативно-правовая база управления жилищно-коммунальным хозяйством пополняется новыми нормативно-правовыми актами. Их принимают органы субъектов Российской Федерации. В таких нормативно-правовых актах отражена отраслевая, техническая, природная и экономическая составляющая того или иного региона.

На региональном уровне управления жилищно-коммунальным хозяйством реализуется ценообразование, субсидии для граждан региона, устанавливаются свои тарифы как на ремонт, так и на содержание.

Основным звеном управления на региональном уровне является Жилищный комитет правительства субъекта Российской Федерации.

«Жилищный комитет является исполнительным органом власти, целью которого является воплощение государственной политики на региональном уровне»¹.

¹ Скорых Н.Н. Современные тенденции регионального развития и реги-

Перед жилищным комитетом стоят следующие задачи:

1. Проведение ремонта в жилищном, нежилом, капитальном фондах
2. Реформирование жилищно-коммунального хозяйства
3. Организация вывоза в соответствующее место (для переработки) отходов
4. Осуществление контроля над обращением с отходами от лица государства
5. Обеспечение материальными ресурсами подведомственных органов
5. Осуществление контроля над подведомственными учреждениями от государственного имени.

Районный уровень управления жилищно-коммунальным хозяйством.

Ведущими органами в управлении на данном уровне являются жилищные агентства округов или жилищные агентства районов.

Такие агентства решают следующие, локальные задачи:

1. Организация технической эксплуатации жилого и нежилого фондов
2. Предоставление услуг гражданам Российской Федерации и юридическим лицам
3. проведение учета граждан, которые проживают в данном регионе
4. Организация объектов ремонта от лица государства.

Муниципальный орган управления жилищно-коммунальным хозяйством.

Тут существует своя нормативно-правовая база управления жилищно-коммунальным хозяйством.

Однако, на этом система управления жилищно-коммунальным хозяйством не исчерпывает себя, и мы можем выделить пятый, условный элемент управления: это многоквартирный дом, жилищный кооператив или объединение домов, товарищество.

Что представляет собой современное жилое здание? Это сложная система жизнеобеспечения, включающая в себя конгломерат строительных конструкций, таких как, например, водопровод и отопление, конгломерат инженерных и телекоммуникационных сетей, таких как, например, телевиденье, Интернет, охранная и пожарная сигнализация, система вентиляции и др.

В своей работе Фролова Е.В. отмечает, что «Современное состояние социальной инфраструктуры муниципальных образований РФ характеризуется рядом проблем и не в полной мере соответствует потребностям населения. Особенно в сложной ситуации оказались жители отдаленных территорий, малых городских и сельских поселений. По данным Федеральной службы государственной статистики, сегодня почти каждый третий сельский населенный пункт (28,5%) не имеет связи по дорогам с твердым покрытием с сетью путей сообщения общего пользования, сокращается число учреждений культурно-досугового типа, существуют проблемы функционирования информационно-коммуникационной инфраструктуры. Дисбалансы в развитии социальной инфраструктуры приводят к нарушению принципов социальной справедливости, не обеспечивая равных условий доступа к социальным благам и услугам граждан, проживающих на разных территориях»¹.

Всё это является системой жизнеобеспечения частных лиц и организаций.

Все системы, которые мы рассмотрели, в идеале являются автоматизированными, отвечает за комфортное и безопасное пребывание в здании, контролирует потребление ресурсов, реагирует на внешнюю среду.

Система управления локальным зданием имеет следующие задачи:

1. Обеспечивает контроль, позволяющий оперативно реагировать на аварийные или внештатные ситуации
2. Осуществляет управление безопасностью
3. Осуществляет автоматизированный контроль за учётом коммунальных услуг
4. Осуществляет процесс контроля над износом оборудования
5. Отвечает за своевременную поставку счёта за жилищно-коммунальные услуги
6. Обеспечивает локализацию аварийных ситуаций
7. Анализирует расходы на здание в целом.

Но в данном случае речь идёт о современном здании, каких, в Российской Федерации, меньшинство.

¹ Фролова Е.В. Модернизация социальной инфраструктуры муниципальных образований в Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук, 2014. 393 с.

В идеале автоматизация позволяет масштабнo сократить расходы на контроль и осуществление функций жилищно-коммунального хозяйства. Однако, так происходит не всегда.

Среди особенностей ЖКХ в малых городах существует и такая особенность как цифровизация. Это обуславливает дополнительные требования к персоналу.

Цифровизация включает в себя ведение электронных баз данных, электронное управление.

Кроме того, особенностью сферы ЖКХ является миграция. Люди часто перемещаются между городами в поисках работы. Это должно учитываться при формировании политики ЖКХ.

«Качество услуг жилищно-коммунального хозяйства определяет качество жизни граждан. В больших городах качество услуг чаще всего выше, и сами услуги имеют более широкий спектр»¹.

Большую роль играют методы управления непосредственно качеством услуги жилищно-коммунального хозяйства.

Такие методы услуг бывают косвенными и прямыми.

Прямые методы управления качеством услуги можно, в свою очередь, так же, поделить на методы оперативного управления и методы общего менеджмента.

В число этих методов входят такие методы, как метод контроля над качеством и метод оценки качества услуг жилищно-коммунального хозяйства.

На рисунке ниже мы представим схему, где наглядно изобразим методы оперативного управления качеством.

Рисунок 1. Методы оперативного управления качеством услуги жилищно-коммунального хозяйства (Евразийский международный научно-аналитический журнал «Проблемы современной экономики»²)

¹ Фурщик М.А. Эффективность применения инструментов регионально-го развития. // Труды ИСА РАН, 2008

² <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1529>

Далее мы рассмотрим второй блок методов. Они относятся к прямым методам общего менеджмента.

1.Административные методы:

- Издание нормативно-правовых актов
- Формирование структуры и системы управления
- Утверждение приказов и распоряжений

- Инструктирование
 - Отбор кадров
 - Формирование методов и рекомендаций
 - Разработка инструкций и стандартов.
2. Экономические методы:
- Техническое планирование
 - Экономическое планирование
 - Материальное стимулирование
 - Распределение капитала
 - Реконструкция
 - Формирование материальных санкций поощрения.

3. Социально-психологические методы:

- Управление качеством услуги
- Социальный анализ в рабочем коллективе
- Формирование психологического климата
- Работа с персоналом, аттестация, иные формы оценивания
- Установка социально приемлемых норм поведения
- Разработка инициативы.

Далее рассмотрим косвенные методы управления качеством услуг жилищно-коммунального хозяйства. Они относятся к методам государственного регулирования.

1. Административные методы: сертификация персонала, контроль над деятельностью персонала и правовое регулирование

2. Экономические методы: регулирование посредством налогов, финансовое, инвестиционное и страховое регулирование, регулирование посредством тарифа.

Таким образом, как мы видим, существует большое количество методов регулирования качества услуги жилищно-коммунального хозяйства.

Оперативными методами регулирования занимается научная дисциплина квалиметрия.

Основная роль в регулировании услуг жилищно-коммунального хозяйства принадлежит государству.

Основная проблема в методах регулирования состоит в том, что они, по большей части, носят административный характер и рыночные механизмы практически отсутствуют. Кроме того, личного участия граждан в процессе работы жилищно-коммунального хозяйства практически нет.

Оценка персонала, переквалификация персонала, аттестация - не производятся.

Состояние жилищно-коммунального хозяйства больше отрицательное, чем положительное.

На отрицательное состояние жилищно-коммунального хозяйства влияет износ оборудования и отсутствие государственных инвестиций.

Таким образом, мы видим, что не все методы управления качеством услуги реализуются.

Отсутствует, например, работа с персоналом. Инвестиций в жилищно-коммунальное хозяйство не производится. А это обуславливает низкое качество услуг населению

Список литературы.

1. Алмаева Л. Х., Есиева И. В. Управление жилищно-коммунальным хозяйством на муниципальном уровне. Издательство Молодой ученый, 2018. — С. 56-57

2. ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL <https://wciom.ru/> (Дата обращения 20.12.19.)

3. Известия. Долги за ЖКХ. [Электронный ресурс]. URL <https://iz.ru/765335/svetlana-volokhina-tatiana-gladysheva/dolgi-za-zhkkh-v-rossii-vyrosli-do-14-trln-rublei> (Дата обращения 20.12.19.)

4. Скорых Н.Н. Современные тенденции регионального развития и региональной политики РФ// Вестник СибГУТИ, 2011. С. 45-47.

5. Фролова Е.В. Модернизация социальной инфраструктуры муниципальных образований в Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук, 2014. 393 с. [Электронный ресурс]. URL <http://www.dslib.net/sociologia-upravlenia/modernizacija-socialnoj-infrastruktury-municipalnyh-obrazovaniij-v-rossijskoj.html> (Дата обращения 20.12.19.)

6. Фурщик М.А. Эффективность применения инструментов регионального развития. // Труды ИСА РАН, 2008. С. 35-40.

М. В. Гуртий
учащийся магистратуры
по направлению «Государственное и
муниципальное управление» Факультета управления
Российского государственного социального университета,
г. Москва

Ответственность за нарушения размещения информации в цифровом пространстве на примере ГИС ЖКХ

В настоящее время сложно представить осуществление государственного регулирования какой-либо сферы деятельности без обеспечения открытого доступа к информации. В сфере ЖКХ так же внедрена и используется единая федеральная централизованная информационная система. В данной статье анализируется административная ответственность за нарушения правил размещения информации в данной информационной системе.

Ключевые слова: ЖКХ, государственные информационные системы, административная ответственность, доступ к информации.

At present, it is difficult to imagine the implementation of state regulation of any sphere of activity without ensuring open access to information. In the field of housing and communal services, a unified federal centralized information system has also been introduced and is being used. This article analyzes the administrative responsibility for violations of the rules for posting information in this information system.

Keywords: housing and communal services, state information systems, administrative responsibility, access to information

Информационное общество возникло на основании стремительного роста научно-технического прогресса и увеличения объёмов информации. Требовались новые системы обработки информации, которые позволяли бы переводить интеллектуальные данные в стандартные механические формы, облегчающие поиск и обработку. Обработка ин-

формации стала играть ведущую роль в различных сферах жизни¹. Именно поэтому, в 2014 г. была утверждена государственная программа РФ «Информационное общество (2011 - 2020 годы)», которая закрепила тенденции развития информационного государства². Одним из подпунктов программы является создание и внедрение современных информационных технологий в сфере государственного управления, в том числе и в сфере ЖКХ путем создания и развития государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства.

В результате реализации указанной программы принят Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства»³, в котором определены: основные понятия, принципы и порядок создания государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства⁴. Указанный Закон принят с целью создания правовых и организационных основ для обеспечения граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций открытой, прозрачной и общедоступной, полной информацией о жилищно-коммунальном хозяйстве.

ГИС ЖКХ функционирует на основе программных, технических средств и информационных технологий, которые обеспечивают сбор, обработку, хранение, предоставление, размещение и использование информации о жилищном фонде⁵.

С принятием ФЗ №209 внесены изменения и в другие нормативные правовые акты, в частности закреплена административная ответ-

¹ Байнова М.С. Развитие управления в информационном обществе // Журнал: Материалы афанасьевских чтений. – М.: Бондалетов В.В., 2017. – С. 99 – 100.

² Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 313 (с изм. и доп. от 23.05.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.11.2019).

³ далее - ФЗ № 209.

⁴ далее - ГИС ЖКХ.

⁵ Олейник Е.В. Государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства: изменения в законодательстве России // Журнал: Законы России: опыт, анализ, практика. – М.: Буквоед, 2017. – С. 28 – 31.

ственность за нарушение порядка размещения информации в ГИС ЖКХ в ст. 13.19.1 КоАП РФ¹.

Объектом правонарушения, предусмотренного ст. 13.19.1 КоАП РФ является право на доступ к информации. Объективная сторона правонарушения, установленного ч. 1 ст. 13.19.1 КоАП, заключается в неразмещении в ГИС ЖКХ информации (включая нарушение установленных законодательством РФ порядка, способов и (или) сроков размещения информации либо размещение информации не в полном объеме, размещение заведомо искаженной информации). Указанное деяние влечет наложение административного штрафа в размере от 5 000 до 10 000 рублей на должностных лиц, от 30 000 до 50 000 рублей на юридических лиц.

Например, Постановлением Кировского областного суда от 05.07.2018 №7-А-237/2018 оставлено в силе Постановлением мирового судьи судебного участка N 50 Юрьянского судебного района Кировской области от 05 апреля 2018 года, о привлечении главы муниципального образования ЗАТО Первомайский Кировской области К. к административной ответственности, по ч. 1 ст. 13.19.1 Кодекса РФ². Проверка муниципального образования проводилась сотрудниками Кировской прокуратуры по надзору за исполнением законов на ОРО в период с 20.02.2018 года по 12.03.2018 года проведена проверка соблюдения администрацией ЗАТО Первомайский требований законодательства о государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства. В ходе проверки было установлено, что информация, предусмотренная п. п. 1.1 - 1.5, 2 раздела 5 Приказа №74/114/пр на сайте www.dom.gosuslugi.ru не размещена, а именно, отсутствовала информация ежегодного сводного плана проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на 2018 год (подлежит опубликованию не позднее 31.12.2017 года); сведения о проведении

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: офиц. текст (с изм. и доп. от 04.11.2019)// правовой интернет-ресурс «КонсультантПлюс»: [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/86e7d10dca9fb69a08ce3b5516fd62cce8b06560/ (дата обращения: 14.11.2019).

² Постановление № 4А-237/2018 от 3 сентября 2018 г. по делу № 4А-237/2018. //«Судебные и нормативные акты РФ»: [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/d1OFrhkbZg14/> (дата обращения: 14.11.2019).

плановой (внеплановой) проверки, в том числе распоряжение администрации ЗАТО Первомайский от 27.07.2017 года N 380 "О проведении плановой выездной проверки МУП ЖКХ "Уют" (срок размещения - до 31.07.2017 года); акт проверки МУП ЖКХ "Уют" от 04.08.2017 N 1 (срок опубликования - до 15.08.2017 года).

Объективная сторона правонарушения, установленного ч. 2 ст. 13.19.1 КоАП РФ, заключается в неисполнении оператором ГИС ЖКХ (Почтой России) обязанностей, связанных с эксплуатацией информационной системы:

- нарушение порядка доступа к ГИС ЖКХ и к информации, размещенной в ней (установлен Приказом Минкомсвязи России № 589, Минстроя России № 944/пр от 28.12.2015¹);

- нарушение сроков регистрации поставщиков информации и пользователей информации (установлены Приказом Минкомсвязи России № 589, Минстроя России № 944/пр от 28.12.2015);

- нарушение требований к технологическим, программным, лингвистическим, правовым и организационным средствам обеспечения пользования ГИС ЖКХ (утверждены Приказом Минкомсвязи России № 87, Минстроя России № 202/пр от 23.03.2015²).

Указанное деяние влечет наложение административного штрафа в размере от 10 000 до 20 000 рублей³.

¹ Об утверждении Порядка и способов размещения информации, ведения реестров в государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства, доступа к системе и к информации, размещенной в ней: Приказ Минкомсвязи России N 589, Минстроя России N 944/пр от 28.12.2015 (зарег. в Минюсте России 19.02.2016 N 41149) // Официальный интернет-портал правовой информации: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.11.2019).

² Об утверждении требований к технологическим, программным, лингвистическим, правовым и организационным средствам обеспечения пользования государственной информационной системой жилищно-коммунального хозяйства, в том числе требований к ее архитектуре: Приказ Минкомсвязи России N 87, Минстроя России N 202/пр от 23.03.2015 (зарег. в Минюсте России 10.04.2015 N 36823) // Официальный интернет-портал правовой информации: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.11.2019).

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

Субъектом административного правонарушения по второй части статьи являются должностные лица оператора системы, в обязанности которых входит обеспечение надлежащего порядка функционирования ГИС ЖКХ.

Однако, оператор освобождается от ответственности, если в соответствии с законом его полномочия были делегированы иному лицу. Кроме того, в судебной практике встречаются случаи освобождения от административной ответственности, если имеются доказательства невозможности осуществления внесения сведений.

Следует отметить, что непринятие мер по восстановлению работоспособности системы выделено в отдельный состав, ч. 2.1 ст. 13.19.1 КоАП РФ, ответственность по которой предусмотрена в размере от 150 000 до 200 000 рублей.

В случае если информация, которая должна размещаться в ГИС ЖКХ, содержится в иных государственных или муниципальных информационных системах и включается в иные государственные или муниципальные информационные системы в обязательном порядке, такая информация подлежит размещению в системе в автоматизированном режиме из иных государственных или муниципальных информационных систем (ст. 10 Закона № 209-ФЗ).

Объективная сторона административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 13.19.1 КоАП РФ, заключается в нарушении порядка взаимодействия ГИС ЖКХ и иных информационных систем, который утвержден Приказом Минкомсвязи России № 89, Минстроя России № 204/пр от 23.03.2015.

Указанное деяние предусматривает наложение административного штрафа в размере от 5 000 до 10 000 рублей на должностных лиц.

Субъектом правонарушения являются должностные лица оператора государственной или муниципальной информационной системы, взаимодействующей с ГИС ЖКХ, ответственные за соблюдение порядка взаимодействия информационных систем.

Часть 4 ст. 13.19.1 КоАП РФ устанавливает повышенную административную ответственность за повторное (в течение года) соверше-

ях: офиц. текст (с изм. и доп. от 04.11.2019) // правовой интернет-ресурс «КонсультантПлюс»: [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/86e7d10dca9fb69a08ce3b5516fd62cce8b06560/ (дата обращения: 14.11.2019).

ние административного правонарушения, предусмотренного частью 1 или 3 комментируемой статьи. В этом случае виновное должностное лицо подлежит административному штрафу от 15 000 до 20 000 рублей.

Субъективная сторона данных правонарушений характеризуется как умысел, так и неосторожность.

Стоит отметить, что размер штрафа по данной статье достаточно высокий, в связи с чем депутаты предложили ввести частичный мораторий на штрафы за не размещение сведений в ГИС ЖКХ. В настоящее время на рассмотрении в Государственной думе находится законопроект, согласно которого до 1 июля 2021 года предлагается приостановить действие административной ответственности за нарушение порядка размещения (ст. 13.19.1 КоАП РФ), а также неразмещение информации (ст. 13.19.2 КоАП РФ) в ГИС ЖКХ. Эти изменения должны коснуться банков, должностных лиц Казначейства и операторов Почты России.

Список использованных источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: офиц. текст (с изм. и доп. от 04.11.2019) // правовой интернет-ресурс «КонсультантПлюс»: [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/86e7d10dca9fb69a08ce3b5516fd62cce8b06560/.

2. Федеральный закон от 21.07.2014 N 209-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» (с изм. и доп.) // правовой интернет-ресурс «КонсультантПлюс»: [Электронный ресурс]. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165810/.

3. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 313 (с изм. и доп. от 23.05.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

4. Об утверждении Порядка взаимодействия государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства с инфраструктурой, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, с иными информационными системами, а также единых форматов для информационного взаимодействия иных информационных систем с государственной информационной системой жилищно-коммунального хо-

зайства: Приказ Минкомсвязи России N 89, Минстроя России N 204/пр от 23.03.2015 (зарег. в Минюсте России 17.04.2015 N 36907) // Официальный интернет-портал правовой информации: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.11.2019).

5. Об утверждении Порядка и способов размещения информации, ведения реестров в государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства, доступа к системе и к информации, размещенной в ней: Приказ Минкомсвязи России N 589, Минстроя России N 944/пр от 28.12.2015 (зарег. в Минюсте России 19.02.2016 N 41149) // Официальный интернет-портал правовой информации: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.11.2019).

6. Об утверждении требований к технологическим, программным, лингвистическим, правовым и организационным средствам обеспечения пользования государственной информационной системой жилищно-коммунального хозяйства, в том числе требований к ее архитектуре: Приказ Минкомсвязи России N 87, Минстроя России N 202/пр от 23.03.2015 (зарег. в Минюсте России 10.04.2015 N 36823) // Официальный интернет-портал правовой информации: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.11.2019).

7. Постановление № 4А-237/2018 от 3 сентября 2018 г. по делу № 4А-237/2018. «Судебные и нормативные акты РФ». – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/d1OFrhkbZg14/>.

8. Байнова М.С. Развитие управления в информационном обществе. Материалы афанасьевских чтений. – 2017. – 2 (19) – С. 99 – 106.

9. Олейник Е.В. Государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства: изменения в законодательстве России // Журнал: Законы России: опыт, анализ, практика. – М.: Буквоведа, 2017. – С. 28 – 31.

Е. Д. Ларина
учащаяся 4 курса бакалавриата
Философского факультета
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Трансформация медиа и массовой информации в цифровом и глобальном пространстве

В статье рассматривается встраивание медиа в два наиболее значимых процесса XXI века, глобализацию и цифровизацию. Приводятся примеры трансформации традиционных средств массовой информации под воздействием на них цифровых технологий и идеи единого глобального пространства. Происходит обращение к представителям позитивного и негативного взглядов на цифровизацию медиа и представлены основные идеи концепций данных ученых. Анализируется влияние правительства на информацию, транслируемую по каналам массовой коммуникации. Показаны примеры искажения информации и «политической игры» с медиа. Доказана необходимость, несмотря на интеграцию культур в единое глобальное пространство, учитывать отличное её восприятие у представителей разных народов. Проанализированы основные дилеммы, с которыми сталкивается журналист при обработке и трансляции информации. Рассмотрена роль журналиста в современной геополитике.

Ключевые слова: глобализация, цифровизация, медиа, массовая информация, средства массовой информации, масс медиа, единое пространство, интеграция, универсализация.

Media is embedded in the process of globalization and digitalization. These processes have influenced the transformation of traditional media. Scientists evaluate digitalization and globalization of media differently. Some representatives believe that digitalization is doing better than traditional media. Other researchers think digital thesis is destroying the media. Government forms media broadcasting environment. Examples show a distortion of information and a political game with it. Integration and universal space does not destroy the features of the worldview of every nation. Therefore, information must adapt to national and cultural characteristics. Journalists face various dilemmas

when dealing with information in a global world. The role of a journalist is very important in the modern geopolitics.

Key words: globalization, digitalization, the media, mass information, mass media, global space, universal space, integration, universalization.

Цифровизация – необратимый процесс XXI века, охвативший большинство развитых стран¹. Изначально она начала проявляться в экономике, а затем затронула и остальные сферы общества. Сейчас мы можем наблюдать проявление цифровизации в экономике, образовании, культуре, религии и других сферах общественной жизни.

Средства массовой информации и журналистика представляют собой механизм, который транслирует информацию людям из разных сфер их жизни. Изменения в обществе и общественном сознании приводят к необходимости изменения и способа передачи информации людям.

Жизнь общества определяют три силы, которыми являются экономика, политика и технологии. Из-за изменений и преобразований в одной сфере происходят изменения и преобразования в другой. С появлением цифровых технологий мы наблюдаем переход экономики на новый уровень. У людей возникают новые потребности, для удовлетворения которых требуется не только производство иных товаров, но и новый способ их продажи и распространения от производителя к потребителю. Привычные методы распространения товаров уже не так эффективно осуществляют эту задачу, поэтому возникает новый тип предпринимательства, деятельность которого основана на сети интернет².

Развитие цифровых технологий стало толчком и модернизации политики³. С переходом в новую (информационную) эру в обществе возникают изменения, которые государство просто не может не замечать. На примере Правительства Российской Федерации мы видим, что оно стремится улучшить качество образования. В вузах России всю большую популярность набирают направления подготовки, связанные со сферой цифровых технологий. Лидирующие позиции занимаю

¹ Kiyosaki Robert with Fleming John, Kiyosaki Kim. The business of the 21st century. Minsk: Рупрыгі. 2018. 192p

² Квейн Б. В2В: Возвращение к основам. – К.: ООО «Интернет Сервисес Интернетэшл Украина», 2013. – 124 с.

³ Гринин Л.Е. Истоки глобализации: мир – системный анализ//Век глобализации. – 2011. №1. – с.80 – 90.

направления по подготовки специалистов в сфере Big Data, IT-технологий и бизнес-информатики. Происходит техническое оснащение учебных заведений. Происходит формирование цифровой грамотности. Можно считать это большим достижением, но сейчас практически каждый гражданин российской федерации имеет хотя бы минимальное представление о пользование ПК. Улучшается уровень жизни людей, у них появляется доступ к новым товарам, производимым с помощью современных электронных технологий.

СМИ представляют собой связующее звено между этими тремя системами, экономикой, политикой и технологиями, поэтому с появлением цифровых технологий, которые изменили принцип функционирования этих трёх систем, происходит трансформация средств массовой информации и журналистики. Последнее десятилетие характеризуется активным воздействием цифровых технологий на работу средств массовой информации и журналистики. Происходит формирование новой среды, а так же возникают иные способы передачи информации.

Во-первых, появляются новые типы медиа, главной характеристикой которых является мультимедийность – возможность транслировать бесконечный поток информации, очень высокая скорость распространения и доставки информации и многими другими преимуществами. Но по статистике в России все же преобладают печатные СМИ.

В 2016 году, по данным Роскомнадзора, доля печатных изданий, к которым традиционно относят журналы и газеты составляет 65%. На долю журналов приходится 37%, а на газеты 28%. На долю же онлайн СМИ приходится 11%, а ТВ занимает 10 % среди остальных СМИ. Эти данные приводят нас к выводу, что печатные СМИ в 2016 году преобладали среди остальных.

На начало 2018 года из 77619 официально зарегистрированных количество печатных изданий составляло 52629. Количество журналов составляло 28508, а газет 20315. От общего количество это составляет 68%. На электронные издания приходится всего 16 % в количестве 12746. Их количество значительно уступает печатным изданиям. Доля остальных средств массовой информации значительна невелика. На информационные агентства приходится всего 2% (1486), на сетевые издания 8% (6038), а на электронные периодические издания 6% (4720). Здесь опять мы видим преобладание печатных СМИ.

Здесь сразу возникает вопрос, каким образом цифровизация воздействует на СМИ и журналистику, если по-прежнему преобладают

печатные издания. Ответ на него весьма простой. Всё дело в том, что большинство людей, особенно пожилого возраста просто не могут так сразу взять и отказаться от привычного для них способа получения информации. Поэтому, несмотря на все преимущества цифровых медиа, они отдают предпочтение журналам или газетам.

В данной статье при анализе цифровых медиа будет использоваться сравнительный метод: будут приведены механизмы и стратегии внедрения цифровизации в медиа сферу. На примере данного метода мы проведём сравнение газеты и интернета. Так же мы опишем взгляды разных ученых, занимающихся исследованием медиа, на процесс их цифровизации и глобализации.

Интернет – один из ярких представителей цифрового вида медиа. Существуют разные взгляды на цифровизацию медиа. Например, Б. Айзенберг – исследователь в области медиа и электронного маркетинга, не только отрицательно относится к цифровым видам медиа, но и вообще отказывается их признавать. Свою позицию в данном вопросе он аргументирует тем, что главная цель медиа – донесение свежей информации до людей. Цифровые медиа уходят от этой главной цели. Они превращаются в платформу для общения большого количества людей¹. Информация зачастую передаётся в виде сарафанного радио. Каждый интерпретирует, полученную им информацию по своему, и соответственно с искажением передаёт другому. Информации в результате этого искажается и иногда сильно отличается от первоначальной.

Оппозицию Айзенбергу представляет петербургская исследовательница социальных медиа М. С. Будолак. Она считает, что цифровые медиа (в первую очередь онлайн СМИ) имеют огромное преимущество, так как создавать и распространять информацию может не только журналист, но и любой желающий. Таким образом, по мнению Будолак, цифровым медиа² доступны функции, недоступные печатным изданиям. К таким функциям можно отнести коммуникацию между людьми из разных частей планеты, которая осуществляется в процессе обсуждения

¹ Айзенберг Б. Другие и прежние вещи//Новая Русская Книга, №2, 2001 г. – М.: Новое литературное обозрение. 96.

² Быков И. А., Филатов О.Г. Технологии ВЕБ 2.0 и связи с общественностью: смена парадигмы или дополнительные возможности?//Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.9, вып. 2.

какого-то важного, очень часто политического, или носящего политическую окраску и политический интерес, события.

Цифровые технологии так же оказали влияние на глобализацию, под которой понимается процесс создания единой мировой экономики, политики, культуры и религии. Она предполагает стирание национальных границ и интеграцию национальных особенностей в универсальное общемировое пространство.

Отрицательное отношение к процессу цифровизации СМИ имел французский социолог Жан Бодриар. Он изложил отрицательные, на его взгляд, аспекты цифровых медиа в своей книге «Система вещей»¹. «Цифровая волна нас накроет. Это, безусловно, опасное явление, так как она искажает реальность и мешает ей быть самой собой». Бодриар отмечал, что цифровые технологии симулируют реальность. Они не позволяют нам увидеть мир таким, какой он есть на самом деле². СМИ воздействует на нас, заставляя переживать за то, что мы видим на экране. Реклама, мода, да и сами медиа транслируют насилие и прививают его людям. Цифровые технологии стали одной из главных причин такой существенной глобальной проблемы, как физическое и психическое нездоровье человека.

Цифровые медиа представляют собой гипер-визуальность реальности. Потребители информации, передаваемой СМИ, становятся элементами властного контроля. Происходит в некотором смысле объективация субъектов. Люди теряют способность к творческой интерпретации информации. Они мыслят образами, навязанными им извне. Происходит симуляция истины. Мы представляем за неё то, что таковым не является.

Глобализация – идея создания универсального человечества³. Возникает единое экономическое пространство, торговля происходит не только внутри страны и регионов, но между разными странами и континентами. Для политики важным является акцент на глобальный характер. Происходит создание различных политических объединений и союзов, так как в одиночку страны уже не имеют какого-либо влияния на мировом масштабе. Происходит интеграция национальных культур и

¹ Бодриар Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 2001, 206 с.

² Бодриар Ж. Симулякры и симуляция. – М.: ПОСТУМ, 2017. – 320 с.

³ Гемават П. Мир 3.0: Глобальная интеграция без барьеров. – М.: Альпина Паблишер, 2013. – 415 с.

создаётся единое универсальное культурное пространство. Возникает идея унификации всех религий, и создания единого общемирового религиозного учения. Эти и другие аспекты глобализации мы можем наблюдать в современном мире.

Средства медиа тоже не отстают от этого процесса. Ярким примером, иллюстрирующим данный вывод, является террористический акт, который был произведён 11 сентября 2001 года в США, свидетелями которого можно сказать стал весь мир. Люди, находившиеся в России, Европе или в Китае, видели, как горели небоскрёбы на своих телеэкранах.

Благодаря развитию телевидению и интернету люди своевременно получают информации из любого конца мира. В этом смысле можно сказать о стирании государственных границ медиа вещания.

Традиционные печатные средства не могут быть встроены в современное глобальное пространство. Во-первых, они не могут своевременно передавать информацию, так как с момента ее сбора до момента издания в печатном издании уходит определенное время. Во-вторых, печатные СМИ по охвату издания больше подходят для более локальных территорий. Например, для района, города, области или, в крайнем случае в пределах небольшого государства. Нельзя не учитывать, что довольно тяжело распространить печатное издание во всем мире или в большей его части.

Цифровые технологии способствуют глагольному распространению информации. Во-первых, они могут своевременно её подавать, ведь для размещения информации на сайте или трансляции по телевидению не уходит столько времени, сколько бы уходило на выпуск печатных изданий. Второй момент заключается в том, что сети интернет позволяет передавать информацию не только мгновенно, но и на большой территориальный охват. Проблема, связанная с доставкой печатного издания в данном случае снимается сама собой.

Процесс глобализации и цивилизации СМИ имеет ещё и отрицательные аспекты. Это связано главным образом с искажением информации¹. Во-первых, представители разных культур иногда имеют совершенно противоположные взгляды на одни и те же явления². То, что на

¹ Feldman T. An Introduction to Digital Media. New York: Routledge. – 1996 – 406 p.

² Винокурова Н. В. Особенности межкультурной коммуникации//Труды

западе считается приемлемым, совершенно неприемлемо в восточных странах. Примером этого является Реклама «Пепси», которая на западе имела большой успех. Но когда её запустили в Объединенные Арабские Эмираты, то она полностью провалилась. Данная проблема возникала по вине рекламных менеджеров, которые не учли факт различного восприятия одной и той же информации разными народами. Они следовали феномену единого человеческого мышления, но, как оказалось, данная концепция не всегда работает¹.

Вторая проблема заключается в использовании массовой информации политиками в своих целях. Несмотря на быструю передачу информации, она все же подвергается искажению в разных странах. Одна и та же информация подаётся под разным углом в разных геополитических регионах. Например, события 2014, которые произошли в Луганской и Донецкой народных республиках по-разному освещались в России, Украине и Соединённых Штатах.

Например, всем известный факт, согласно которому люди из этих областей были вынуждены бежать в Россию, в США интерпретировали иначе. Помощник президента США по коммуникациям и официальный представитель Государственного департамента США, Дженнифер Псаки, в интервью от 21.06.2014 заявляла, что люди бегут не с Украины в Россию, а, наоборот, из России на Украину. Американцы, конечно же, верят представителям Правительства их государства, а не политическим врагам.

В эпоху глобализации и цифровизации возникают иные задачи и для журналистов. Изменяется и их профессиональная этика. Можно сказать, что они часто стоят перед некой дилеммой. Согласно первому и основному правилу кодекса журналиста, он должен сообщать людям правдивую, точную и объективную информацию. Но, к сожалению, в глобальном мире это не всегда удается. Средства массовой информации стали четвертой ветвью власти. Политики часто используют медиа для своих игр. С их помощью они внушают людям выгодную для них информацию. Для журналиста же возникает дилемма. Часто он попадает в ситуацию, когда приходится выбирать между правдой и работой. Иногда ему приходится сильно исказить информацию, особенно о политических

БГТУ. Серия 6: История, философия. – 2014, - № 5 (169). – с. 189-191.

¹ Гревцева А.А. Культурная глобализация: проблемы и парадигмы//Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. - № 70. – с.145-148.

события страны, с которой его родное государство, находится в политическом конфликте, потому что так требует власть. И журналисту приходится это делать, чтобы не потерять работу и сохранить «доброе имя».

Некоторые журналисты не боятся бросать вызов правительству и доносят до людей всю информацию в полном объеме. Но, это не всегда помогает. Например, у тележурналиста есть существенные ограничения на вещаемую им информацию. Прежде чем выйти в эфир, то, что журналист скажет в нем, как правило, изначально согласуется с руководством канала. У канала есть определённая задача и определённые критерии для выхода информации на телеэкран. Если информация журналиста не соответствует стандартам канала, то её просто не допускают до эфира.

Бывают случаи, когда журналист подаёт информацию несогласованную с каналом или отличную от ранее заявленной. Журналист за такую выходку, как правило, получает наказание в виде увольнения, штрафа, выговора и прочие. Если информация не встраивается в концепцию канала, то на неё дают опровержение.

Стоит учитывать тот факт, что информация на разных телеканалах, интернет-каналах и сайтах весьма различна. Здесь вспоминая концепцию Бодрияра, мы понимаем, что он был прав. Массовая информация передаётся в искаженном виде¹. Это вызывает непонимание у общества. Они уже не знают, чему верить. Каждый канал выполняет тот или иной заказ и в той или иной мере формирует общественное сознание на геополитику². Иногда то, что мы принимаем за действительные факты, на деле не являются таковыми. А то, что кажется нам абсурдным и противоречивым, существует в действительности.

Цифровые технологии и глобальное вещание информации по каналам массовой коммуникации становится более популярным такое направление журналистики, как международная журналистика. Данная дисциплина занимается изучением международных аспектов деятельности журналистов и средств массовой информации. В рамках этого направления анализируют влияние средств медиа на процессы в геополитике.

¹ Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. – М.: Добросвет, КДУ, 2009. – 234 с.

² Алексеева А. О. Интернет и интерактивные электронные медиа: исследования//Сборник Лаборатории медиакультуры, коммуникации, конвергенции и цифровых технологий. – М.: МГУ, 2007.

Вместе с возникновением и развитием данной науки появляется новая профессия – международный журналист. Деятельность данного журналиста несколько отличается от деятельности журналистов других направлений. Главным образом данное отличие прослеживается в том виде информации, с которой журналист работает. В данном случае журналист имеет дело с политической информацией, которая выходит далеко за пределы его государства. Распространение этой информации тоже носит более масштабный характер. Её может прочитать гражданин совершенно другой культуры. Поэтому для журналистов данной сферы важно уметь грамотно транслировать информацию, уважая права и чувства всех народов, идеологий и религиозных концепций. Безусловно, это сделать весьма трудно. Как минимум, журналист не должен употреблять оскорбления и прочие нежелательные высказывания о каком-то народе или религиозной концепции. Его задача учитывать универсальные права человека и гражданина.

Часто представители данной профессии, являясь гражданами одного государства, проживают и работают в посольстве своей страны на территории другого государства. Они занимаются сбором, обработкой и трансляцией информации, в первую очередь, о политических, но также и об события иного рода (например, социальных) происходивших в той стране, где они работают. В этом смысле можно сопоставить работу международного журналиста с работой дипломата.

Перед журналистом, работающим в сфере международной журналистики, стоит задача глобального масштаба. Информация о политических, социальных, культурных и иных программа, стратегиях и событиях той страны, где он выполняет свой профессиональный долг, должны быть корректно представлена гражданам его страны. Они должны быть изложены на понятном для них языке, отражать действительность и не противоречить интересам правительства. Информация, которую подаёт журналист, может сыграть существенную роль в формировании геополитических отношений¹.

Слово, сказанное журналистом, может теперь, как способствовать развитию войны, так и замять международные конфликты. Это накладывает на представителя данной профессии двойной груз ответ-

¹ Gavrov S. Hybrid wars: the archaization of political consciousness and involution of media//Russian journal of communication. Том 9, 2017. Pp: 207-210.

ственности и заставляет его ещё более качественно подходить к выбору транслируемой информации и способу её подачи людям. Можно сказать, что судьба отечества в каком-то смысле лежит в устах журналиста, который теперь становится одним из активных участников политической жизни. Он является направляющим звеном четвёртой ветви власти, которой являются масс медиа. Это накладывает на них двойную ответственность¹. Журналист становится ответственным за своё слово не только перед собой и отдельными индивидами, но и перед своим государством и государственными союзами.

Таким образом, из вышесказанного можно подвести итог, что информация, передаваемая современными видами медиа, весьма не однозначна. С одной стороны, она становится быстро доставляемой и более доступной. Как правило, при трансляции не перестаёт быть актуальной, в отличие от информации, поставляемой по печатным каналам СМИ. Но при этом общество принимает её в более сыром и необработанном варианте. Мы сталкиваемся с большим количеством неверно интерпретированной и изначально искаженной трансляцией событий, а так же становимся объектами политических интриг и противостояний.

Литература

1.Алексеева А. О. Интернет и интерактивные электронные медиа: исследования//Сборник Лаборатории медиакультуры, коммуникации, конвергенции и цифровых технологий. – М.: МГУ, 2007.

2.Айзенберг Б. Другие и прежние вещи//Новая Русская Книга, №2, 2001 г. – М.: Новое литературное обозрение. 96.

3.Быков И. А., Филатов О.Г. Технологии ВЕБ 2.0 и связи с ответственностью: смена парадигмы или дополнительные возможности?//Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.9, вып. 2.

4. Бодрияр Ж. Симулякры и симуляция. – М.: ПОСТУМ, 2017. – 320 с.

5. Бодрияр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 2001, 206 с.

6. Винокурова Н. В. Особенности межкультурной коммуникации//Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. – 2014, - № 5 (169). – с. 189-191.

7. Гемават П. Мир 3.0: Глобальная интеграция без барьеров. – М.: Альпина Паблишер, 2013. – 415 с.

¹ Додоллев Е. Степень свободы слова//Однако: журнал. – Москва, 2009. - №11. – с. 62 – 65.

8. Гревцева А.А. Культурная глобализация: проблемы и парадигмы//Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. - № 70. – с.145-148.
9. Гринин Л.Е. Истоки глобализации: мир – системный анализ//Век глобализации. – 2011. №1. – с.80 – 90.
10. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. – М.: Добросвет, КДУ, 2009. – 234 с.
11. Додоллев Е. Степень свободы слова//Однако: журнал. – Москва, 2009. - №11. – с. 62 – 65.
12. Квейн Б. В2В: Возвращение к основам. – К.: ООО «Интернет Сервисез Интернэшнл Украина», 2013. – 124 с.
13. Gavrov S. Hybrid wars: the archaization of political consciousness and involution of media//Russian journal of communication. Том 9, 2017. Pp: 207-210.
14. Feldman T. An Introduction to Digital Media. New York: Routledge. – 1996 – 406p.
15. Kiyosaki Robert with Fleming John, Kiyosaki Kim. The business of the 21st century. Minsk: Руппурі. 2018. 192 p

А. Ю. Зеленина

учащаяся аспирантуры по направлению
«Социологические науки» СПбГУ

Цифровой труд в новых медиа

Предпринимается попытка анализа феномена нематериального труда в современной производственной парадигме. Особый акцент делается на таких аспектах, как цифровой труд Интернет-пользователей и коммодификация пользовательских данных в новых медиа. Отмечается, что читатели онлайн-СМИ оказываются вовлечены в постоянную творческую деятельность, которая служит источником прибыли владельцев медиаресурсов.

Ключевые слова: медиapotребление, неомарксистская политическая экономия медиа, цифровой труд, экономическая социология.

An attempt is made to analyze the phenomenon of immaterial labor in the modern production paradigm. Particular emphasis is placed on such

aspects as the digital labor of Internet users and the commodification of user data in new media. It is stressed that the audience of online media is involved in the process of constant creative activity, which is a source of profit for media owners.

Key words: media consumption, neo-Marxist political economy of media, digital labor, economic sociology

Коммуникационные и информационные технологии открыли дверь в новое измерение капитализма. Анализ капиталистических отношений в современном обществе, их перспектив и альтернатив по-прежнему остаётся в фокусе внимания современной социальной теории. Новая производственная парадигма и новый тип труда становится предметом интереса политэкономистов, социологов и философов.

Концепция нематериального труда

Рассуждая о процессе дематериализации труда, левые философы и социологи часто употребляют такие термины, как «информационный труд», «цифровой труд», «свободный труд», «игровой труд» в качестве синонимов. При этом границы этих терминов расплывчаты, а исследователи до сих пор не могут сойтись на едином подходе к определению термина нематериального труда и выработать общий терминологический аппарат.

Истоки концепции нематериального труда стоит искать в трудах современных автономистов (А. Негри, М. Лаццарато, Ф. Берарди). Итальянский философ А. Негри популяризовал термин «нематериальный труд», определив его как труд, который создает продукты нематериального характера, такие как «знания, информация, общение, отношения или эмоциональный отклик»¹.

М. Лаццарато говорит о том, что нематериальный труд «существует исключительно в форме сетей и потоков»², а его продуктом являются не только товары, но и сами капиталистические отношения. «Производственный цикл запускается только тогда, когда требуется капиталисту; по выполнении работы цикл вновь растворяется в сетях и

¹ *Negri A., Hardt M., Camfield D. Multitude: war and democracy in the age of empire // Labour. 2005. N. 56. P. 108.*

² *Лаззарато М. Нематериальный труд // Художественный журнал. 2008. № 69. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/69/nmtrln-trd> (дата обращения: 02.02.2019).*

потоках, которые и делают возможными воспроизводство и обогащение его производственного потенциала»¹.

Серьезный научный вклад в изучение трудовых отношений в контексте глобальной сети внесла Т. Терранова со своей концепцией свободного труда (*free labour*). Терранова акцентирует внимание на том, что свободный труд не обязательно является эксплуатируемым трудом². Напротив, в сетевых сообществах труд может быть добровольным и приносящим удовольствие.

Активное распространение медиатехнологий ставит перед левыми социальными теоретиками новые вопросы, связанные с данным типом труда. В фокусе внимания исследователей оказываются проблемы пользовательской активности в Интернете и коммодификации пользовательских данных. Австрийский социолог Кристиан Фукс предлагает использовать термин «цифровой труд» в контексте социальных медиа. По Фуксу, трудовая деятельность Интернет-пользователей социальных сетей генерирует прибавочную стоимость, а следовательно, служит источником богатства глобальных сетевых платформ (YouTube, MySpace и Facebook и др.)³. В качестве примера, наглядно иллюстрирующего этот тезис, Фукс рассматривает деятельность пользователей социальной сети Facebook. В своих работах он вскрывает экономические механизмы функционирования современных коммуникационных онлайн-платформ. Так, пользователи Facebook активно создают контент, устанавливают социальные связи, оставляют данные о своём местоположении, понравившемся контенте и информационных предпочтениях⁴. Эти трудовые операции производят информацию о пользовательских данных, которая впоследствии становится товаром для перепродажи рекламодателям. Последние получают возможность размещать рекламные объявления, ориентированные на интересы пользователей и их поведение в Интернете. Платформа, которая предоставляет накопленные знания об аудитории, в свою очередь, зарабатывает на таргети-

¹ *Лаззарато М.* Нематериальный труд. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/69/nmtrlн-trd/> (дата обращения: 02.02.2019).

² *Terranova T.* Free labor: Producing culture for the digital economy // *Social text*. 2000. N. 2. P. 48

³ *Fuchs C.* Dallas Smythe Today-The Audience Commodity, the Digital Labour Debate, *Marxist Political Economy and Critical Theory*. P. 714.

⁴ Там же.

рованной рекламе¹. Процесс превращения стоимости в прибыль происходит, когда целевая аудитория просматривает рекламу (если действует схема оплаты за просмотр) или кликает на неё (если действует схема оплаты за клик). Стоимость размещения рекламы на сетевой платформе прямо пропорциональна количеству ее пользователей.

Цифровой труд в новых медиа

Под новыми медиа, соответствии с определением российских исследователей О. Рогалевой и Т. Шкайдеровой, в данной статье понимаются «все виды традиционных медиа, содержание которых преобразовано в цифровую форму и может быть потенциально представлено в сети Интернет»². Несмотря на то, что границы содержания термина «новые медиа» более чем условные, и зачастую к ним относят компьютерные игры, фильмы, фото, блогосферу и различные Интернет-платформы³, в статье ставится знак равенства между новыми медиа и онлайн-СМИ. Термин «сетевые медиа» используется как синонимичный понятию «новые медиа».

Именно в новых медиа можно наблюдать за возникновением феномена активного читателя. Аудитория онлайн-СМИ оказывается вовлечена в постоянную творческую деятельность. Читатели обсуждают медиаконтент и распространяют его, общаются между собой, создают коммьюнити и производят собственную медиапродукцию, так называемый пользовательский контент (User-generated content, UGC).

Важнейшая черта современных сетевых медиа — ориентация на целевую аудиторию. Специфика онлайн-медиасреды выражается в активном вовлечении потребителя в процессы медиапроизводства, а также в необходимости непрерывно оценивать эффективность коммуникации между производителями медиапродуктов и их потребителями.

Так, медиа измеряют показатели вовлечённости аудитории, которые являются главными индикаторами обратной связи от медиапотребителей. Вовлечённость подразумевает определенные онлайн-действия, для выполнения которых пользователь затратил свое время и удержал

¹ Там же. Р. 717.

² *Рогалева О., Шкайдерова Т.* Новые медиа: эволюция понятия (аналитический обзор) // Вестник Омского университета. 2015. №. 1 (75). С. 223.

³ *Рогалева О., Шкайдерова Т.* Новые медиа: эволюция понятия (аналитический обзор). С. 223

внимание на данном медиаканале. Вовлечённый контакт является наиболее ценным контактом для СМИ и рекламодателей.

Перечислим редакционные метрики, с помощью которых измеряется эффективность коммуникации медиа с аудиторией:

- вовлечение — единица реакции пользователя: лайк (от английского to like, «нравиться»), шер (от английского to share, «делиться») комментарий, переход по ссылке;
- уровень привлекательности - число лайков в пересчете на размер аудитории;
- уровень общительности - число комментариев в пересчете на размер аудитории.
- глубина сессии – продолжительность нахождения пользователя на странице.

Все эти социальные действия производят необходимый для медиа продукт — пользовательские данные. Обработанные и структурированные данные сетевые медиа используют для создания более эффективного (то есть читаемого) контента. Создавая контент, который будет нравиться читателям, медиа агрегируют на всех своих сетевых площадках как можно более широкую аудиторию и повышают свою ценность как рекламной площадки. Сбор реакции аудитории, выявление индикаторов интереса и триггерных тем — всё это первостепенные задачи для онлайн-СМИ.

Таким образом, можно говорить о том, что концепция цифрового труда, предложенная Фуksom для социальных сетей, применима и к аудитории онлайн-СМИ. Активность читателей, к стимулированию которой СМИ стремятся на всех этапах процесса медиапроизводства, с точки зрения радикальной политической экономии медиа можно рассматривать как цифровой труд. Каждый этап производственного медиапроцесса оказывается подчинен маркетинговым целям по привлечению и удержанию внимания максимального числа пользователей. «Упаковка» и дистрибуция контента, то есть его распространение с помощью различных каналов (социальных сетей, мессенджеров, push-уведомлений) становятся не менее важными производственными задачами, чем непосредственное создание контента. Анализируя индикаторы читательского интереса и информационные предпочтения аудитории, медиа впоследствии производят контент, соответствующий критериям «эффективности», которая оценивается с помощью специальных редакционных метрик. Неоплаченный цифровой труд аудитории в виде

социальной активности и создания пользовательского контента создает прибавочную стоимость, которая лежит в основе получения прибыли владельцами СМИ.

Список литературы.

1. *Балуев Д. Г.* «Новые» средства массовой информации как феномен современного общества: проблемы теоретического осмысления / Д. Г. Балуев, Д. И. Каминченко // Информационное общество. – 2014. – №. 1. – С. 31-37.

2. *Гэллоуэй Александр Р.* Неработающий интерфейс / Александр Р. Гэллоуэй // Медиа: между магией и технологией/под ред. Н. Сосна и К. Федоровой. М.- Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. – С. 252-288.

3. *Лаззарато М.* Нематериальный труд / Маурицио Лаззарато; пер. с англ. С. Огурцова // Художественный журнал. –2008. – № 69. – URL: <http://xz.gif.ru/numbers/69/nmtrln-trd> (дата обращения: 02.02.2019).

4. *Рогалева О.* Новые медиа: эволюция понятия (аналитический обзор) / О. С. Рогалева, Т. В Шкайдерова // Вестник Омского университета. – 2015. – №. 1 (75). –С. 222-225. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/novye-media-evolyutsiya-ponyatiya-analiticheskij-obzor> (дата обращения: 02.02.2019).

5. *Fuchs C.* Dallas Smythe Today-The Audience Commodity, the Digital Labour Debate, Marxist Political Economy and Critical Theory // TripleC: Communication, Capitalism & Critique. Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society. – 2012. – Vol. 10. – N 2. – P. 692-740.

6. *Fuchs C.* Karl Marx and the study of media and culture today // Culture Unbound: Journal of Current Cultural Research. – 2014. – Vol. 6. – N1. – P. 39-76.

7. *Fuchs C.* Marx in the age of digital capitalism / C. Fuchs, V. Mosco . – Leiden, Boston: Brill, 2015. – 24 p.

8. *Negri A., Hardt M., Camfield D.* Multitude: war and democracy in the age of empire // Labour. – 2005. – N. 56. – P. – 108.

Terranova T. Free labor: Producing culture for the digital economy // Social text. 2000. N. 2. P. 48.

А. Ю. Иванова
учащаяся 2 курса магистратуры
по программе «Социология» СПбГУ

Социальные нормы и установки специалистов государственной системы защиты детей как условие оказания эффективной помощи жертвам сексуального насилия

Сексуальное насилие над детьми – тяжелейшая форма насилия, имеющая серьезные психофизиологические последствия, влияющие на развитие ребенка. Важную роль в этой проблеме имеют социальные нормы и индивидуальные установки, которые влияют на распространенность насилия, его выявляемость и эффективность помощи и реабилитации жертв. Специалисты государственной системы защиты детей – важнейшее звено, отвечающее за оказание помощи детям и выявление случаев сексуального насилия. В статье представлены результаты исследования социальных норм и установок специалистов государственной системы защиты детей по отношению к сексуальному насилию. Результаты показали, что среди специалистов присутствуют социальные нормы и установки, препятствующие своевременному выявлению сексуального насилия и оказания эффективной помощи пострадавшим детям, среди которых предубеждения о характеристиках насильника и убеждения, что ребенок может врать о случившемся с ним сексуальном насилии. Более позитивные установки были продемонстрированы в Санкт-Петербурге и Ижевске, а также специалистами системы социальной защиты.

Ключевые слова: сексуальное насилие над детьми, социальные нормы, установки, мифы, убеждения, предрассудки.

Child sexual abuse is the most severe form of violence, which causes serious psychophysiological consequences that affect the development of the child. An important role in this problem is played by social norms and individual attitudes that affect the prevalence of violence, its detectability and the effectiveness of assistance and rehabilitation of victims. Specialists of the State child protection system are the most important members responsible for helping children and detecting cases of sexual violence. The article presents the results of a study of social norms and attitudes of specialists of the State

child protection system in relation to sexual violence. The results showed the presence of social norms and attitudes among specialists, that hinder the timely detection of child sexual abuse and effective assistance to victims, including prejudices about the characteristics of the rapist and the belief that children can lie about the sexual abuse. More positive attitudes were demonstrated in St. Petersburg and Izhevsk, as well as by specialists of the social protection system.

Key words: child sexual abuse, social norms, attitudes, myths, beliefs, prejudice.

Проблема насилия и жестокого обращения с детьми является острой и актуальной на сегодняшний день. **Насилие** (часто употребляется как синоним жестокому обращению) – это любое действие или бездействие по отношению к ребенку, в результате которого нарушаются его здоровье и социальное благополучие, создаются условия, мешающие оптимальному физическому или психическому развитию, ущемляются права и свободы ребенка¹.

Впервые внимание общественности и государства к проблеме было привлечено во второй половине 20 века после публикации результатов медицинского исследования «синдрома избиваемого ребенка» Генри Кемпа², которое повлекло за собой введение законов, вводящих ответственность родителей и других взрослых за насильственные и жестокие действия с ребенком, а также предписывающих сообщать в правоохранительные органы о выявленных или потенциальных случаях насилия все специалистов, работающих с детьми (педагоги, специалисты социальной работы, психологи и т.д.).

На сегодняшний день проблема насилия над детьми и важность ее решения приобрела международное признание. В 1989 году Генеральной Ассамблеей ООН была разработана Конвенция о правах ребенка, провозгласившая право детей (людей, не достигших совершеннолетия) на защиту от всех форм насилия и жестокого обращения. В 2015 году Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на пе-

¹ Журавлева Т. М., Сафонова Т. Я., Цымбал Е. И. Помощь детям – жертвам насилия. М.: Генезис, 2006, С 8

² Kempe C. H., Silverman F. N., Steele B. F. 1962. The battered child syndrome //Journal of the American Medical Assosiation. – 1962. – Т. 181

риод до 2030 года», которая ставит одной из ключевых целей – прекращение всех форм насилия и эксплуатации детей к 2030 году. Существует ряд международных инициатив и организаций (ЕСРАТ International, ЮНИСЕФ, Всемирная организация здравоохранения и т.д.) которые занимаются повышением осведомленности о насилии над детьми, исследованиями в этой области, а также разработкой и применением профилактических программ и прочих инициатив, направленных на борьбу за права детей и защиту их против всех форм насилия.

Сексуальное насилие является тяжелейшей формой насилия, имеющей серьезные психофизиологические последствия, напрямую влияющие на развитие ребенка. **Сексуальное насилие** – это вовлечение ребенка с его согласия или без такового, осознаваемое или неосознаваемое им в силу функциональной незрелости или других причин в сексуальные действия со взрослыми или несовершеннолетними с целью получения последними удовлетворения или выгоды¹. Сексуальным насилием считается не только сам половой акт, но также ряд других действий, таких как сексуальная эксплуатация ребенка для порнографических целей или вовлечение в проституцию, несоответствующие возрасту ребенка домогательства, демонстрация эротических материалов с целью стимуляции ребенка, сексуальное насилие в Интернете (сексуальное приставание или домогательства в социальных сетях)².

Проблема сексуального насилия так же нашла свое отражение в международных документах и инициативах. Генеральная Ассамблея ООН выпустила Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, а в 2007 году была создана Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия – первое самостоятельное международное соглашение такого рода.

¹ Русакова М.М., Одинокова В.А., Изотова М.Х. Актуальные вопросы защиты детства в Санкт-Петербурге: профилактика суицидального поведения и насилия, участие детей в принятии решений как условие эффективной профилактики: Методические рекомендации. – СПб: Скифия-принт, 2019. – 82 С., С 37

² Храмченкова А. М. Л., Левина О. С. Социальные аспекты оказания помощи детям, пострадавшим от коммерческой сексуальной эксплуатации. – 2011, С 14

В России признается важность борьбы с проблемой насилия над детьми, это подтверждает то, что страна ратифицировала все указанные выше международные документы, подписав соответствующие федеральные законы. В 2012 году Указом Президента была введена Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы, а 2018–2027 годы были объявлены Десятилетием детства в стране.

Защита детей от насилия в России регламентируется рядом законов. Субъекты системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (в соответствии с Федеральным законом №120-ФЗ) несут ответственность за благополучие ребенка, защиту его прав и защиту от всех форм насилия на государственном уровне. К субъектам профилактики относятся комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защитой населения, органы, осуществляющие управление в сфере образования, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел, учреждения уголовно-исполнительной системы. В соответствии с Федеральным законом №120-ФЗ, представители данных субъектов обязаны сообщать о любых выявленных случаях всех форм насилия и жестокого обращения с ребенком в прокуратуру, правоохранительные органы и во все остальные субъекты профилактики. Специалисты, представляющие органы и учреждения, входящие в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних рассматриваются в данной работе как представители государственной системы защиты детей.

Важным понятием в системе защиты детей является профилактика насилия, которая определяется как «широкий круг мер, которые включают в себя предупреждение насилия (информирование, обучение и т.д.); идентификацию пострадавших от насилия детей; спасение детей и оказание им экстренной медицинской и психологической помощи; последующую реабилитацию детей и меры, направленные на предотвращение повторного насилия; наказание и исправление лиц, совершивших насилие в отношении детей»¹. На основании данного понятия,

¹ Русакова М.М., Одиноква В.А., Профилактика насилия в отношении детей // Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус: [тематический словарь - справочник] [Электронный ресурс] / Отв. ред. С.Н. Майорова - Щеглова. М.: Изд - во РОС, 2018. С. 395-402. 1 CD ROM.ISBN 904-5-

эффективная помощь жертвам сексуального насилия со стороны специалистов государственной системы защиты детей определяется как:

- способность предотвращения сексуального насилия (выявление потенциально опасной для ребенка ситуации);
- способность выявления жертвы сексуального насилия;
- способность выявления необходимости оказания медицинской, психологической и прочей экстренной помощи жертве сексуального насилия, а также способность предоставить или организовать эту помощь (то есть эффективное межведомственное взаимодействие по выявленным случаям сексуального насилия);
- донесение информации о выявленных или потенциальных случаях сексуального насилия в прокуратуру и правоохранительные органы, а также другие субъекты профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних с целью привлечения к ответственности лиц, совершивших сексуальное насилие;
- способность обеспечить дальнейшую реабилитацию жертве сексуального насилия;
- способность предотвращения повторного сексуального насилия и/или выявления и предотвращения потенциального сексуального насилия над другими детьми;
- присваивание безусловного приоритета спасению ребенка (то есть оказанию ему необходимой помощи и защиты).

Тема сексуального насилия имеет высокую степень табуированности в обществе. О насилии говорить стыдно и просто не принято, и это одна из причин, затрудняющих исследования сексуального насилия, в том числе оценку его распространенности. По данным Центра помощи жертвам сексуального насилия «Сестры»¹, лишь 10–12% жертв сексуального насилия в России обращаются в полицию. По мнению Д. Финкельхора, 75–90% случаев инцеста над детьми (сексуальное насилие со стороны близкого родственника) остаются незарегистрированными².

904804-25-1, С 395

¹ Официальный сайт РОО независимый благотворительный центр помощи пережившим сексуальное насилие «Сестры», URL: <http://sisters-help.ru/about.html>

² Finkelhor, D., 1978. Psychological, cultural and family factors in incest and family sexual abuse. *Journal of Marital and Family Therapy* 4, 41

Еще один фактор, влияющий на выявляемость сексуального насилия над детьми заключается в том, что ребенок в силу возраста или доверия взрослому насильнику, убеждающего ребенка в безобидности и секретности происходящего, может не осознавать и не оценивать насильственные действия как насилие.

Жертвы сексуального насилия испытывают стигматизацию (признание ненормальности и отвержение) со стороны общества, что еще больше усугубляет психологические последствия пережитого насилия. Стигматизация и общественное осуждение жертв сексуального насилия рассматривается в том числе как коллективная психологическая защита из-за чувства страха перед тем, что произошло¹.

Скрытость темы сексуального насилия породила большое количество мифов и стереотипных убеждений, связанных с насилием. Среди них убеждение о том, что жертвы сами виноваты в сексуальном насилии, так как провоцировали его (распространенность этого мифа подтверждает исследование ВЦИОМ, в соответствии с которым 44% респондентов с ним солидарны²), что дети не подвергаются сексуальному насилию (или подвергаются крайне редко) и врут о пережитом насилии, что сексуальное насилие совершается незнакомцами, что сексуальные покушения на детей совершаются главным образом в бедной, необразованной среде и неполных семьях, а насилие происходит в опасных местах в темное время суток, что насильники детей – это извращенцы и исключительно педофилы (то есть имеющие эмоциональную и психическую привязанность к детям и сексуальные фантазии исключительно с их участием), что насилие обусловлено невозможностью мужчины контролировать сексуальное влечение^{3 4 5}. Также подчеркивается рас-

1 Шигапов Д. Ю. Реабилитация детей и подростков, пострадавших от сексуального насилия. – 2010, С 15

2 Всероссийский центр изучения общественного мнения, Аналитический обзор №3200 «Насилие. Безнаказанность. Возмездие?», 2016 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115864>

3 Кон И.С. Введение в сексологию. – М., 1988

4 Луковцева З. В. Помощь пережившим сексуальное насилие: концепция, опыт, исследования. – 2007

5 Cromer L. D. M., Goldsmith R. E. Child sexual abuse myths: Attitudes, beliefs, and individual differences //Journal of child sexual abuse. – 2010. – Т. 19. – №. 6. – С. 618-647

пространенность мифов о низкой степени вреда, наносимого сексуальным насилием над детьми¹. Каждый из этих мифов имеет эмпирически доказанное опровержение, тем не менее среди широкой общественности подобные стереотипные представления о проблеме сексуального насилия довольно распространены, что приводит к предубеждениям и стигматизации жертв насилия.

Говоря о мифах, стереотипах и предубеждениях, а также о стигматизации жертв, мы имеем дело с социальными нормами и установками общества. **Социальная норма** – это социальный конструкт, отражающий коллективные убеждения о том, что типично (коллективные ожидания о том, каким будет поведение) – описательные нормы, и что приемлемо (коллективная оценка поведения в контексте того, каким оно должно быть) – предписательные нормы^{2 3}. **Установка** – это оценочное убеждение⁴. В соответствии с теорией запланированного поведения⁵, в основе обеих лежат конкретные убеждения (то есть уверенность в правдивости какого-либо факта об окружающем мире, социальной группе, конкретном индивиде и т.д.), которые могут корректно или некорректно отражать действительность, в том числе – стереотипно. Социальные нормы и установки оказывают влияние на поведенческое намерение и на само поведение человека⁶.

По нашему мнению, социальные нормы и установки влияют на распространенность (терпимое отношение к определенным формам или проявлениям насилия; гендерные нормы и стереотипы, оправдывающие насилие), выявляемость (замалчивание случившегося насилия из-за чувства стыда жертвой или ближайшим окружением; недоверие ребен-

¹ Там же

² Gibbs, Jack P. 1965. "Norms: The Problem of Definition and Classification." *American Journal of Sociology* 70(5):586-594

³ Cialdini, Robert B. and Melanie R. Trost. 1998. "Social Influence: Social Norms, Conformity and Compliance." In Daniel Gilbert, Susan T. Fiske, Gardner Lindzey, eds., *The Handbook of Social Psychology*, fourth edition, pp. 151-192

⁴ Heise, L. & Manji K. (2016). *Social Norms*. GSDRC Professional Development Reading Pack no. 31. Birmingham, UK: University of Birmingham

⁵ Fishbein M., Ajzen I. *Predicting and changing behavior: The reasoned action approach*. – Psychology press, 2011

⁶ Там же

ку; игнорирование или неумение распознавания признаков случившегося насилия) и последствия (вторичная виктимизация и стигматизация жертвы насилия – обвинение ее в случившемся; неадекватные программы по реабилитации жертвы насилия (или их отсутствие); неоказание помощи жертве насилия, если она не будет признана жертвой) сексуального насилия над детьми.

Исследователи проблемы насилия на сегодняшний день пришли к выводу о том, что изучение социальных норм и установок по отношению к насилию важно и перспективно, так как они оказывают влияние на распространение и поддержание насильственных и дискриминирующих практик в обществе¹. Например, исследовательская инициатива Лондонской школы гигиены и тропической медицины, полностью посвященная изучению норм и их влиянию на эксплуатацию и насилие (Learning Initiative on Norms, Exploitation and Abuse – LINEA). Изучением социальных норм и установок (а также стереотипных убеждений и мифов) в контексте сексуального насилия активно занимаются западные ученые, объектами исследования становятся широкая общественность², студенты³, в том числе – медицинских вузов⁴, члены коллегий присяжных заседателей⁵, непосредственно насильники^{6 7}. Разрабатываются

¹ Heise, L. & Manji K. (2016). Social Norms. GSDRC Professional Development Reading Pack no. 31. Birmingham, UK: University of Birmingham

² Buller, A.M., Pichon, M., McAlpine, A., Cislighi, B., Heise, L., Meiksin, R. Systematic review of social norms, attitudes, and factual beliefs linked to the sexual exploitation of children and adolescents. Неизданное, на основании презентации 3 декабря 2019

³ Maynard C., Wiederman M. Undergraduate students' perceptions of child sexual abuse: Effects of age, sex, and gender-role attitudes //Child Abuse & Neglect. – 1997. – Т. 21. – №. 9. – С. 833-844

⁴ Poreddi V. et al. Nursing students' knowledge of child abuse and neglect in India //British journal of nursing. – 2016. – Т. 25. – №. 5. – С. 264-268

⁵ Goodman-Delahunty J., Martschuk N., Cossins A. Programmatic pretest-posttest research to reduce jury bias in child sexual abuse cases //Oñati Socio-legal Series. – 2016. – Т. 6. – №. 2

⁶ Radford L., Allnock D., Hynes P. Preventing and responding to child sexual abuse and exploitation: Evidence review //New York: UNICEF. – 2015

⁷ Koss, M.P., Leonard, K.E., 1984. Sexually aggressive men: empirical findings and theoretical implications. In: Malamuth, N.M., Donnerstein, E.

протоколы будущих исследований, а также проводятся мета-анализы существующих исследований для выявления социальных норм, установок и убеждений по отношению к сексуальному насилию и сексуальной эксплуатации детей¹.

Исследования демонстрируют распространенность убеждений о том, что готовность ребенка к вступлению в сексуальные связи обусловлена его/ее возрастом и физическим развитием, а также что мужчины обладают сильным сексуальным побуждением, с которым им трудно справиться². Были выявлены установки, связанные с неодобрением сексуальной эксплуатации детей, но допустимостью таковой, если эксплуатация рассматривалась как добровольный способ заработка для семьи, или если в нее вовлечены более старшие и физически развитые дети³. В результате анализа существующих исследований были выявлены предписательные социальные нормы (то есть убеждения о приемлемом поведении), связанные со стигматизацией детей, вовлеченных в сексуальную эксплуатацию, со стороны сообщества, но в то же время связанные с тем, что люди, пользующиеся сексуальными услугами детей, не испытывают социального давления; отмечается, что подростки испытывают социальное давление со стороны ровесников за низкую сексуальную активность и испытывают социальные ожидания о внесении собственного вклада в финансовое благополучие семьи (одним из источников которого выступает сексуальная эксплуатация), а владение имуществом позволяет добиться более высокого статуса в обществе⁴.

Сексуальное насилие над мальчиками часто выпадает из поля деятельности исследователей. Оно действительно менее распространено, чем насилие над девочками, но так же и мало изучается, что в свою очередь породило установку о том, что мальчики не подвергаются насилию, а также о том, что однополые сексуальные связи являются

(Eds.), *Pornography and Sexual Aggression*. Academic Press, New York, pp. 213–232

¹ Buller, A.M., Pichon, M., McAlpine, A., Cislighi, B., Heise, L., Meiksin, R. Systematic review of social norms, attitudes, and factual beliefs linked to the sexual exploitation of children and adolescents. Неизданное, на основании презентации 3 декабря 2019

² Там же

³ Там же

⁴ Там же

менее насильственными и не влекут за собой тяжелых последствий¹. В то же время исследования также показывают, что в сценариях сексуального насилия, когда жертвой выступает более старший ребенок, а насильник – представитель противоположного пола, взрослый признается в меньшей степени виновным².

Американские исследователи доказали, что сексуально агрессивные мужчины (как осужденные насильники, так и студенты колледжей, признавшие в принуждении женщины заняться сексом) разделяют схожий набор дискриминирующих установок³.

Некоторые исследования показывают распространенность негативных установок специалистов системы здравоохранения, связанных с сексуальным насилием над детьми^{4 5}.

Мифы и предубеждения о сексуальном насилии над детьми в профессиональной среде играют важную роль и обладают высокой степенью влияния в ситуациях принятия стратегических решений. Исследование 2016 года показало, что среди присяжных довольно сильно распространены мифы о нелогичном поведении ребенка-жертвы сексуального насилия, о типичных чертах насильника и достоверности показаний детей (а также о влиянии давления взрослых на показания ребен-

¹ Broussard S., Wagner W. G., Kazelskis R. Undergraduate students' perceptions of child sexual abuse: The impact of victim sex, perpetrator sex, respondent sex, and victim response //Journal of Family Violence. – 1991. – Т. 6. – №. 3. – С. 267-278.

² Maynard C., Wiederman M. Undergraduate students' perceptions of child sexual abuse: Effects of age, sex, and gender-role attitudes //Child Abuse & Neglect. – 1997. – Т. 21. – №. 9. – С. 833-844

³ Koss, M.P., Leonard, K.E., 1984. Sexually aggressive men: empirical findings and theoretical implications. In: Malamuth, N.M., Donnerstein E. (Eds.), Pornography and Sexual Aggression. Academic Press, New York, pp. 213–232, С 221-223

⁴ Manea S, Favero GA, Stellini E, et al (2007) Dentists' perceptions, attitudes, knowledge, and experience about child abuse and neglect in northeast Italy. J Clin Pediatr Dent 32(1): 19–25

⁵ Kirankumar SV, Noorani H, Shivprakash PK, Sinha S (2011) Medical professional perception, attitude, knowledge, and experience about child abuse and neglect in Bagalkot district of north Karnataka: a survey report. J Indian Soc Pedod Prev Dent 29(3): 193–7

ка)¹. Присяжные, которые продемонстрировали большое количество мифов и предубеждений о сексуальном насилии, значительно чаще выносили оправдательные приговоры насильнику, особенно в случаях, когда в качестве доказательств были представлены только показания самого ребенка без дополнительных улик или свидетелей².

Профессиональное обучение играет важную роль в устранении негативных социальных норм и установок по отношению к сексуальному насилию. Данное исследование продемонстрировало, что присяжные, которым была предоставлена специализированная информация о сексуальном насилии и возможном поведении ребенка в условиях судебных разбирательств (со стороны судебных экспертов и психологов), демонстрировали снижение распространенности мифов и предубеждений о сексуальном насилии и выносили больше обвинительных приговоров насильнику в условиях экспериментальных судов³.

В России изучение социальных норм и установок в контексте насилия не развито, но ученые, занимающиеся, данной тематикой отмечают важность их исследования⁴. Терпимое отношение к насилию и жестокому обращению воспринимается как особенность менталитета россиян⁵. Психолог Е. Волкова отмечает, что «часто случаи насилия

¹ Goodman-Delahunty J., Martschuk N., Cossins A. Programmatic pretest-posttest research to reduce jury bias in child sexual abuse cases // *Oñati Socio-legal Series*. – 2016. – Т. 6. – №. 2

² Там же

³ Там же

⁴ Волкова Е. Н. Насилие и жестокое обращение с детьми: основные направления научных исследований // *Вестник Мининского университета*. – 2013. – №. 1 (1).

⁵ Горшкова И. Д., Шурыгина И. И. Насилие над женами в российских семьях. М., 2003. URL: <http://www.owl.ru/rights/noviolence/index.html>

Зеликова Ю. А. Что формирует родительские практики? Физическое наказание и воспитание в петербургских семьях // *Женщина в российском обществе*. 2014. No 1. С. 42—51.

Кон И. С. *Бить или не бить?* М. : Время, 2012. 448 с.

Юревич А. В. Проявления агрессивности в современном российском обществе как психологическая проблема // *Психологический журнал*. 2014. Т. 35, No 3. С. 68—77.

Волкова Е. Н. Насилие и жестокое обращение с детьми: основные

над ребенком воспринимаются как область приватности, частного дела семьи или школы и не соотносятся с проблемой нарушения права ребенка на полноценную жизнь. Последствия пережитого ребенком насилия не осознаются, а нарушения в здоровье, характере, поведении не рассматриваются в связи с полученной травмой¹. Психолог отмечает особую важность изучения социальных и индивидуальных установок профессионалов в отношении насилия², а также профессиональной подготовки кадров системы защиты детей в принципе³, в том числе важность наличия и доступности специализированного обучения по работе с детьми и работе с насилием над детьми.

Специалисты государственной системы защиты детей – важнейшее звено, отвечающее за оказание помощи детям, ставшими жертвами насилия, и выявление таких случаев. Влияющие на их профессиональный выбор индивидуальные установки о сексуальном насилии, благополучии семьи и ребенка, а также общие нормативные представления и ориентация профессиональной деятельности специалиста (например, на ребенка или на родителя/семью) имеют прямое отношение к эффективности и адекватности оказываемой помощи жертвам сексуального насилия и выявляемости этой проблемы.

Социальные нормы и установки специалистов российской государственной системы защиты детей на сегодняшний день не изучены, но существуют эмпирические данные, демонстрирующие разницу в восприятии насилия самим ребенком и специалистом по социальной работе (специалисты чаще признают насилие над ребенком, если оно признается родителем и если ребенок соответствует образу «невинного», не проявляющего девиантного поведения, которое может провоци-

направления научных исследований //Вестник Мининского университета. – 2013. – №. 1 (1).

¹ Волкова Е. Н. Насилие и жестокое обращение с детьми: основные направления научных исследований //Вестник Мининского университета. – 2013. – №. 1 (1), С 2

² Волкова Е. Н. Проблемы изучения распространенности и выявления случаев насилия над детьми //Национальный психологический журнал. – 2007. – №. 1 (2)

³ Баева И. А., Волкова Е. Н. Проблемы насилия над детьми и пути их преодоления. – Питер, 2008

ровать насилие)¹. Анализ ресурсов жизнестойкости семей и детей, получающих социальную помощь, показал, что дети практически полностью исключаются из системы оценки потребностей семьи, наибольшее значение придается личностным характеристикам и мотивации матери в любых проблемных ситуациях семьи².

В современной российской семейной политике и политике защиты детства признается логика традиционализма и «нормализации» семьи, по своей сути легитимирующей насилие³. Современная система защиты детей от законодательных основ, строго защищающих святость семейных традиционных ценностей, до политического и общественного дискурса (что напрямую затрагивает вопросы социальных норм) является консервативной с точки зрения понимания семьи и места ребенка в ней. Данное понимание тяготеет к классическому (социализационному) пониманию детства, в соответствии с которым ребенок является полностью зависимым объектом воздействия взрослого и не обладает своими индивидуальными и особенными правами. Таким образом, происходит обесценивание и в какой-то степени отрицание внутрисемейного насилия (а большая часть насильственных действий сексуального характера происходит со стороны знакомого лица, в том числе – родственника или члена семьи^{4 5}).

Отмечается, что социальная политика и социальная работа в России (являющаяся важной частью системы защиты детей) идеологически базируются на «медицинской модели» (находящую выражение в законодательстве и в организации работы социальных служб), которая подчеркивает трагичность ситуации, когда человек, по сравнению с други-

¹ Odinkova V., Rusakova M., Avdeeva V. Perceptions of Violence within Child Protection Systems in Russia: Views of Children, Parents, and Social Workers //Victim, Perpetrator, or What Else?. – Emerald Publishing Limited, 2019

² Авдеева В.П., Руппель А.Ф. (2019) Ресурсы жизнестойкости у семей и детей, получающих государственную социальную помощь. Журнал социологии и социальной антропологии, 22(3): 80–112, С 106

³ Ловцова Н., Зайцев Д. НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ ИЛИ НАСИЛИЕ НАД СЕМЬЕЙ //Journal of Social Policy Studies. – 2018. – Т. 16. – №. 3

⁴ Unicef et al. A Familiar Face: Violence in the lives of children and adolescents //New York, NY: UNICEF. – 2017

⁵ Луковцева З. В. Помощь пережившим сексуальное насилие: концепция, опыт, исследования. – 2007

ми, чего-то лишен или находится в невыгодном положении, что напрямую связано со стигматизацией жертв сексуального насилия, наносящей им дополнительный психологический вред и влияющей на эффективность оказываемой помощи и реабилитации¹.

Таким образом, изучение социальных норм и установок специалистов государственной системы защиты детей по отношению к сексуальному насилию является актуальным и необходимым, так как нормы и установки влияют на профессиональный выбор специалистов и на эффективность оказанной помощи жертвам сексуального насилия (в том числе – способность выявлять такие случаи).

В данной статье будут представлены результаты предварительного исследования, где **объектом** выступили специалисты государственной системы защиты детей в России (субъекты профилактики безнадзорности и правонарушений, в соответствии с Федеральным законом № 120-ФЗ), **предметом** – социальные нормы и установки по отношению к сексуальному насилию над детьми как показатель эффективности оказываемой помощи жертвам сексуального насилия. **Цель** исследования – выявление и описание социальных норм и установок по отношению к сексуальному насилию над детьми у специалистов государственной системы защиты детей.

В качестве **теоретических оснований** исследования использовались теория запланированного поведения, объясняющая влияние убеждений на формирование социальных норм (описательных и предписательных) и установок, которые в свою очередь на поведенческое намерение и на само поведение человека² (в данном случае – на оказание эффективной помощи жертвам сексуального насилия специалистами), а также теоретическая модель Л. Хейз, описывающая социальные нормы и установки как элементы структуры взаимовлияющих уровней факторов (структурного, материального, социального, индивидуального), оказывающих влияние на поддержание проблемы насилия в обществе³.

¹ Шапиро Б.Ю. Общее и особенное в социальной работе в России // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М., 1997. С. 252—264

² Fishbein M., Ajzen I. Predicting and changing behavior: The reasoned action approach. – Psychology press, 2011

³ Heise, L. & Manji K. (2016). Social Norms. GSDRC Professional Devel-

Основным **методом** исследования был анкетный опрос специалистов на знания и мифы о сексуальном насилии над детьми, проходивший в рамках проекта «Объединяя усилия по защите детей от сексуальной эксплуатации» (исполнитель – РОО СПСБН «Стеллит») с декабря 2018 г. по сентябрь 2019 г. Также был произведен анализ групповых дискуссий в формате фокус-групп, проходивших на научно-практических семинарах для специалистов, входящих в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Санкт-Петербурга и для участников проекта «Объединяя усилия по защите детей от сексуальной эксплуатации» (сентябрь – октябрь 2019 г.).

Опрос проводился в Смоленске, Владивостоке, Ижевске и Санкт-Петербурге. В общей сложности было собрано 353 анкеты. Анкетирование проводилось до и после обучающего семинара, до семинара было собрано 276 анкет. В выборку вошли педагоги и директора школ (Владивосток, Смоленск), специалисты по социальной работе, социальные педагоги, психологи системы социальной защиты (Ижевск), члены комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав: представители комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, органов по делам молодежи (психологи), органов внутренних дел (инспектора отдела по делам несовершеннолетних), образования (психологи) и социальной защиты (специалисты по социальной работе), а также студенты медицинских колледжей (Смоленск, Ижевск в общей сложности – 178 человек, 123 из них – до обучающего семинара), результаты которых анализировались отдельно от специалистов, но здравоохранение так же является субъектом профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, входящим в систему защиты детей.

Анкета состояла из 19 утверждений, с которыми нужно было согласиться или опровергнуть, иллюстрирующих убеждения, установки и нормы по отношению к сексуальному насилию (также был предусмотрен вариант ответа «затрудняюсь ответить»). Список утверждений был составлен на основании существующих мифов о сексуальном насилии. В анкете также присутствовал один проективный вопрос, позволяющий оценить способность специалистов оказать эффективную помощь жертве сексуального насилия. Такой способ опосредованного выявления

социальных норм и установок был выбран из-за чувствительности темы и риска получения социально одобряемых ответов. В связи с этим было принято решение анализировать и выявлять нормы и установки, исходя из убеждений специалистов: корректных или ошибочных по отношению к сексуальному насилию.

Результаты показали, что большинство специалистов обладают корректными убеждениями и позитивными установками по отношению к сексуальному насилию, но средний балл правильных ответов по всем специалистам составил 14,06 (из 19 максимальных), то есть в среднем специалисты справлялись с 74% вопросника. Самые позитивные результаты были продемонстрированы в Санкт-Петербурге (средний балл – 13,93) и Ижевске (13,9), что не превышает 73% правильных ответов. Самый низкий показатель был продемонстрирован в Смоленске (11,55), где большую часть выборки составили студенты медицинских колледжей. Средний балл Владивостока – 12,3.

Анализ результатов по субъектам профилактики показал, что представители социальной защиты (специалисты по социальной работе и социальные педагоги) обладают большим количеством позитивных установок о сексуальном насилии и минимальным количеством мифов и предрассудков (средний бал – 14,5). Представители комиссий по делам несовершеннолетних, органов по делам с молодежью и органов внутренних дел давали 68–73% корректных ответов. Средний бал представителей образования составил 12,7, студентов – 11,5. Средний бал психологов составил 13,52, педагогов – 12,58.

Анализ степеней знакомства с проблемой сексуального насилия над детьми показал, что в Санкт-Петербурге (где выборка состояла из 56 членов, входящих в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав) почти 70% специалистов встречались со случаями сексуального насилия в своей работе (из них 46,2% встречали от 2 до 5 случаев, 23% - более 10 случаев). 32% петербургских специалистов проходили дополнительное обучение по работе с сексуальным насилием.

Ситуация в других регионах сильно отличается. В Ижевске из 23 специалистов 30,4% участвовали в оказании помощи детям, пострадавшим от сексуального насилия или сексуальной эксплуатации, во Владивостоке – 10,1% (из 69 специалистов). Сообщали о сексуальном насилии или сексуальной эксплуатации ребенка в органы защиты прав детей в Ижевске 8,7% специалистов, во Владивостоке – 5,8%. Данные результаты демонстрируют не меньшую распространенность проблемы сексу-

ального насилия в этих городах, а скорее, более низкий уровень выявляемости проблемы, то есть способности специалистов выявить случаи сексуального насилия над ребенком.

Результаты по Санкт-Петербургу показали, что средний балл специалистов, работавшим с сексуальным насилием в личной практике и проходивших обучение по работе с сексуальным насилием, выше в среднем на 0,6 балла, чем у тех, кто не работал с насилием и не проходил обучение по работе с ним. Результаты по другим регионам оказались противоречивыми, так как средний балл правильных ответов был выше (примерно на 1 балл) у тех, кто не сообщал о сексуальном насилии в органы защиты прав детей и не участвовал в оказании помощи жертвам сексуального насилия (и составил 14,36 и 14,57 соответственно).

Тем не менее, средний балл правильных ответов у специалистов, которые наблюдали необычное поведение ребенка или другие признаки, которые могут быть связаны с сексуальным насилием или эксплуатацией, был выше, чем у тех, кто таких признаков не наблюдал, и составил 13,23. Важно отметить, что из всех специалистов Ижевска, Владивостока и Смоленска лишь 32% наблюдали подобные признаки, что говорит не столько о том, что дети мало их демонстрируют и что сексуальное насилие мало распространено в регионах, а скорее о том, насколько специалисты способны обратить внимание на подозрительные признаки, то есть выявить потенциальное сексуальное насилие над ребенком. Из тех, кто наблюдал подобные признаки лишь 16% сообщили в органы защиты прав детей о сексуальном насилии (фактическом или потенциальном).

Был выделен список наиболее трудных тематик, по которым было выявлено большое количество мифов и предрассудков. Были выявлены следующие некорректные убеждения специалистов:

- Все люди, совершающие сексуальное насилие над детьми – педофилы (52,9% с этим согласились);
- Изменения в психологическом состоянии и поведении ребенка не могут быть единственными признаками совершенного в отношении ребенка сексуального насилия (51,6%);
- Сексуализированное поведение ребенка не может быть признаком сексуального насилия/сексуальной эксплуатации (32%);
- Для того, чтобы сделать заявление в правоохранительные органы о насилии в отношении ребенка, нужно предъявить доказательства (30,7%). В то же время большинство специалистов отметили, что

рассказ ребенка о сексуальном насилии – достаточный повод для вмешательства специалистов, даже если нет других признаков насилия;

- Дети, которые заявили о сексуальном насилии, а потом сказали, что ничего не было, скорее всего, солгали о насилии (20,3%);
- Сексуальное насилие практически всегда включает сексуальный контакт, синяки, следы побоев (19%);
- Большинство людей, совершающих сексуальное насилие над детьми – это незнакомые или малознакомые ребенку люди (15%);
- Сексуальное насилие и сексуальная эксплуатация детей – это малораспространенные явления (13,1%);

Специалисты продемонстрировали корректные убеждения и установки о том, что не только девочки подвергаются насилию, и что не только взрослые мужчины выступают в роли насильников.

Стоит отдельно рассмотреть результаты кейса, который был представлен специалистам в качестве одного из закрытых вопросов:

- Ирина 17-ти лет встречается с Игорем, 35-ти лет. Игорь – ее «спонсор». Он покупает ей подарки и оставляет деньги. Их отношения – сексуальная эксплуатация?

27,5% специалистов ответили «нет», 22,2% затруднились ответить. В Петербурге большинство специалистов (46,4%) не согласились, что представленная ситуация является сексуальной эксплуатацией ребенка. По результатам данного вопроса была проведена групповая дискуссия, в процессе которой специалистами высказывались суждения о том, что «она его эксплуатирует» и «ее никто не заставлял, а она не отказывается». Было отмечено, что «они сами себе ищут мужчин старше и никому не говорят», а также, что ей повезло (в шуточной форме было отмечена зависть девочке). Специалисты утверждали, что сексуальная эксплуатация в данном кейсе не доказана и информации недостаточно, чтобы ответить на вопрос. В результате дискуссии специалисты пришли к выводу о том, что они неправильно понимают, что такое сексуальная эксплуатация.

Проективный открытый вопрос, позволяющий сделать вывод о способности специалистов к оказанию эффективной помощи жертве сексуального насилия, включал в себя описание кейса с девочкой 14-ти лет, которая употребляет алкоголь, убегает из дома и при последнем побеге была найдена у мужчины 25-ти лет. В соответствии с кейсом был составлен план профилактической работы с девочкой и ее семьей, против мужчины было заведено уголовное дело. Специалистам нужно было

дополнить план по работе с девочкой недостающим элементом. Вопрос был открытым, но условным правильным ответом являлась индивидуальная помощь и реабилитация ребенка.

По данному вопросу были получены следующие результаты:

- Большинство специалистов не смогли ответить на проективный вопрос и предложить девочке варианты помощи;
- Органы по делам молодежи (25%), Комиссия по делам несовершеннолетних (20%), органы внутренних дел (20%) больше других выбирали психологическую помощь;
- Большинство членов комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (Санкт-Петербург) выбрали психологическую помощь (но не указали реабилитацию);
- 14,7% представителей социальной защиты и 11% представителей образования выбрали этот вариант;
- 33% представителей органов по делам молодежи (большинство) указывали варианты, связанные с медицинской помощью;
- 32% психологов неверно интерпретировали вопрос (либо не было понятно, что они имеют в виду). 24% выбрали психологическую помощь и реабилитацию;
- Студенты, чаще чем специалисты, давали варианты ответов, наносящие девочке дополнительный вред, но также чаще предлагали психологическую помощь.

К вариантам ответа, наносящих девочке дополнительный вред (то есть стигматизирующих) которые составили 6,5% от общего количества ответов, относились необходимость подтверждения вины мужчины (хотя по условиям кейса против него уже было возбуждено уголовное дело) и проведения экспертизы, наказание девочки в профилактических целях (несколько раз встречался совет «дать ремня»), жесткий контроль со стороны родителей, уголовной ответственности родителей, а также предложение прочитать в ее школе лекцию о насилии и дать этому конкретному случаю огласку.

«Вредные советы» для девочки были высказаны двенадцатью студентами, пятью представителями образования и двумя представителями социальной защиты, что подчеркивает важность прививания корректных социальных норм и установок, не дискриминирующих жертву насилия ни при каких обстоятельствах, в процессе обучения.

По результатам групповых дискуссий были сделаны следующие выводы:

- Среди специалистов встречается отношение к пострадавшим от сексуального насилия, обвиняющее жертв в насилии («сама виновата»);

- Специалисты (в регионах) не распознают насилие по психологическим и поведенческим признакам ребенка;

- Существует стереотип, что слов ребенка и его состояния недостаточно для донесения информации до правоохранительных органов;

- Специалисты не обучены вмешательству и боятся вмешательства;

- Существует серьезная дилемма между обязанностью сообщать о насилии в правоохранительные органы (в соответствии с Федеральным законом №120-ФЗ) и нежеланием ребенка/родителя; специалисты сохраняют анонимность, так как боятся потерять доверие клиентов;

- Специалисты не понимают, что такое помощь и как меняется состояние ребенка после получения помощи;

- Сексуальная эксплуатация, в отличие от сексуального насилия, воспринимается как менее существенная проблема (потому что специалисты не знают, что это и как выявлять);

- Существует сложность в сборе случаев по сексуальному насилию над детьми, так как специалисты по-разному классифицируют, что будет являться насилием, а что – нет.

Помимо дискуссии по результатам кейса про сексуальную эксплуатацию, описанного выше, также были выявлены следующие дискриминирующие установки:

- Если дети сами идут в ситуацию эксплуатации ради заработка – это не будет сексуальным насилием, так как это их выбор;

- Внешний вид жертвы признается фактором риска насилия, что делает ребенка ответственным и виноватым за случившееся;

- Использование специалистами виктимизирующей лексики (например, «провоцирующие фотографии»), что снова ставит ребенка в позицию ответственного за насилие).

Таким образом, по результатам исследования можно сделать следующие **выводы**:

- Большая часть специалистов обладает убеждениями и установками объективно отражающими проблему сексуального насилия над детьми, но установки и мифы, препятствующие своевременному выявлению и оказанию помощи детям, пострадавшим от сексуального насилия, так же имеют место в профессиональной среде;

- Некоторые признаки сексуального насилия остаются незамеченными (такие как сексуализированное поведение ребенка или психологические и поведенческие признаки как единственный показатель совершенного насилия);

- Студенты медицинских колледжей продемонстрировали большее количество мифов и предубеждений, а также стигматизирующих установок по отношению к сексуальному насилию, чем специалисты. В то же время специалисты в среднем продемонстрировали менее, чем 75% корректных убеждений и позитивных установок, отражающих действительность;

- Обучающие семинары положительно влияют на изменение убеждений, социальных норм и установок по отношению к насилию. Более высокую способность к обучению продемонстрировали студенты;

- Вариант «затрудняюсь ответить» выбирала меньшая часть специалистов, что выражает их степень уверенности в собственных убеждениях и установках;

- Большинство специалистов (кроме Санкт-Петербурга) не смогли ответить на проективный вопрос, где нужно было предложить девочке психологическую помощь. В спроецированной ситуации их помощь оказалась неэффективна;

- Результаты по Петербургу показывают, что уровень знакомства с проблемой (личный опыт и обучение) благоприятно влияют на формирование установок, которые способствуют оказанию эффективной помощи жертвам насилия;

- Способность распознавать потенциальные признаки насилия (то есть способность выявлять насилие) требуют позитивных установок и отсутствия предубеждений о сексуальном насилии над детьми;

- Сюжеты с детьми старшего возраста вызвали неоднозначную оценку и демонстрировали стигматизирующие социальные нормы специалистов (например, 17-ти летняя девочка, которая не была признана жертвой сексуальной эксплуатации, так как сама не отказывается от таких отношений; девочка 14-ти лет из проективного вопроса не признавалась жертвой сексуального насилия, так как сексуальные отношения с 25-летним были по обоюдному согласию, что противоречит законодательно установленному минимальному возрасту согласия);

- Граница между взрослым и ребенком размывается, чем старше становится ребенок: взрослые дети начинают разделять ответственность за случившееся с ними насилие и оцениваться как взрослые.

Были выявлены следующие социальные нормы и установки специалистов. Описательные социальные нормы (убеждение о том, что типично):

- Все насильники – педофилы;
- Синяки, следы побоев и сексуальный контакт – неотъемлемая часть сексуального насилия;
- Изменения в психологическом состоянии и поведении ребенка не могут быть единственным признаком сексуального насилия;
- Без доказательств бесполезно обращаться в правоохранительные органы;
- Сексуализированное поведение ребенка не является признаком сексуального насилия.

Установки (оценочные убеждения):

- Взрослые дети (подростки) – уже не дети и разделяют ответственность за свои половые связи и могут отказаться от нежелательных;
- Сексуальная эксплуатация – не насилие, если ребенок занялся ей добровольно;
- Дети могут врать о совершенном сексуальном насилии;
- Насилие должно быть доказано, слов ребенка (и видимых признаков, если суметь их распознать) недостаточно.

По результатам исследования были сформулированы следующие рекомендации:

- Повышать информированность и профессиональную подготовку специалистов, работающих с детьми;
- Вносить коррективы в учебные планы образовательных программ и постоянно актуализировать их, чтобы получаемые знания и навыки соответствовали реальным запросам на практике;
- Вводить узкие специализации по основным направлениям подготовки специалистов социальной работы и психологов (работа с детьми, работа с жертвами насилия);
- Оказывать поддержку молодым специалистам (возможность повышения квалификации);
- Мотивировать специалистов на большую вовлеченность и предотвращать профессиональное выгорание;
- Повышать у специалистов государственной системы защиты детей чувствительность к насилию

Таким образом, существует необходимость влияния на социальные нормы и установки специалистов государственной системы защиты детей в России, связанные с сексуальным насилием над детьми, путем повышения информированности о проблеме и общей квалификации. Подобные меры позволят повысить выявляемость фактов сексуального насилия среди детей, а также эффективность оказываемой помощи и дальнейшей реабилитации пострадавших.

Данное исследование обладает определенными ограничениями. Оно охватывает небольшое количество городов и недостаточное количество специалистов из каждого города и каждого субъекта профилактики, чтобы сделать обобщающие выводы. Есть необходимость в использовании большего количества качественных методов (больше групповых дискуссий в формате фокус-групп, экспертные интервью), а также использование более глубинных методов для оценки эффективности оказания помощи жертвам сексуального насилия, которую могут организовать специалисты государственной системы защиты детей (экспертная оценка, наблюдение, контент-анализ документов).

Результаты, представленные в данной статье, являются предварительными, планируется продолжение исследования в других городах России, а также проведение дальнейших групповых дискуссий в формате фокус-групп, экспертных интервью.

Список литературы.

1. Авдеева В.П., Руппель А.Ф. (2019) Ресурсы жизнестойкости у семей и детей, получающих государственную социальную помощь. Журнал социологии и социальной антропологии, 22(3): 80–112.

2. Баева И. А., Волкова Е. Н. Проблемы насилия над детьми и пути их преодоления. – Питер, 2008.

3. Волкова Е. Н. Насилие и жестокое обращение с детьми: основные направления научных исследований //Вестник Мининского университета. – 2013. – №. 1 (1).

4. Волкова Е. Н. Проблемы изучения распространенности и выявления случаев насилия над детьми //Национальный психологический журнал. – 2007. – №. 1 (2).

5. Всероссийский центр изучения общественного мнения, Аналитический обзор №3200 «Насилие. Безнаказанность. Возмездие?», 2016 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115864>

6. Горшкова И. Д., Шурыгина И. И. Насилие над женами в российских семьях. М., 2003. URL: <http://www.owl.ru/rights/noviolence/index.html>
7. Журавлева Т. М., Сафонова Т. Я., Цымбал Е. И. Помощь детям – жертвам насилия. М.: Генезис, 2006,
8. Зеликова Ю. А. Что формирует родительские практики? Физическое наказание и воспитание в петербургских семьях // Женщина в российском обществе. 2014. No 1. С. 42—51.
9. Кон И. С. Бить или не бить? М. : Время, 2012. 448 с.
10. Кон И.С. Введение в сексологию. – М., 1988
11. Ловцова Н., Зайцев Д. НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ ИЛИ НАСИЛИЕ НАД СЕМЬЕЙ //Journal of Social Policy Studies. – 2018. – Т. 16. – №. 3
12. Луковцева З. В. Помощь пережившим сексуальное насилие: концепция, опыт, исследования. – 2007
13. Официальный сайт РОО независимый благотворительный центр помощи пережившим сексуальное насилие «Сестры», URL: <http://sisters-help.ru/about.html>
14. Русакова М.М., Одинокова В.А., Изотова М.Х. Актуальные вопросы защиты детства в Санкт-Петербурге: профилактика суицидального поведения и насилия, участие детей в принятии решений как условие эффективной профилактики: Методические рекомендации. – СПб: Скифия-принт, 2019. – 82 С.,
15. Русакова М.М., Одинокова В.А., Профилактика насилия в отношении детей // Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус: [тематический словарь - справочник] [Электронный ресурс] / Отв. ред. С.Н. Майорова - Щеглова. М.: Изд - во РОС, 2018. С. 395-402. 1 CD ROM.ISBN 904-5-904804-25-1, С 395
16. Храмченкова А. М. Л., Левина О. С. Социальные аспекты оказания помощи детям, пострадавшим от коммерческой сексуальной эксплуатации. – 2011.
17. Шапиро Б.Ю. Общее и особенное в социальной работе в России // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М., 1997. С. 252—264
18. Шигашов Д. Ю. Реабилитация детей и подростков, пострадавших от сексуального насилия. – 2010.

19. Юревич А. В. Проявления агрессивности в современном российском обществе как психологическая проблема // Психологический журнал. 2014. Т. 35, No 3. С. 68—77.
20. Broussard S., Wagner W. G., Kazelskis R. Undergraduate students' perceptions of child sexual abuse: The impact of victim sex, perpetrator sex, respondent sex, and victim response // *Journal of Family Violence*. – 1991. – Т. 6. – №. 3. – С. 267-278.
21. Buller, A.M., Pichon, M., McAlpine, A., Cislaghi, B., Heise, L., Meiksin, R. Systematic review of social norms, attitudes, and factual beliefs linked to the sexual exploitation of children and adolescents. Неизданное, на основании презентации от 3 декабря 2019
22. Cialdini, Robert B. and Melanie R. Trost. 1998. "Social Influence: Social Norms, Conformity and Compliance." In Daniel Gilbert, Susan T. Fiske, Gardner Lindzey, eds., *The Handbook of Social Psychology*, fourth edition, pp. 151-192
23. Cromer L. D. M., Goldsmith R. E. Child sexual abuse myths: Attitudes, beliefs, and individual differences // *Journal of child sexual abuse*. – 2010. – Т. 19. – №. 6. – С. 618-647
24. Finkelhor, D., 1978. Psychological, cultural and family factors in incest and family sexual abuse. *Journal of Marital and Family Therapy* 4, 41
25. Fishbein M., Ajzen I. Predicting and changing behavior: The reasoned action approach. – Psychology press, 2011
26. Gibbs, Jack P. 1965. "Norms: The Problem of Definition and Classification." *American Journal of Sociology* 70(5):586-594
27. Goodman-Delahunty J., Martschuk N., Cossins A. Programmatic pretest-posttest research to reduce jury bias in child sexual abuse cases // *Oñati Socio-legal Series*. – 2016. – Т. 6. – №. 2
28. Heise, L. & Manji K. (2016). *Social Norms*. GSDRC Professional Development Reading Pack no. 31. Birmingham, UK: University of Birmingham
29. Kempe C. H., Silverman F. N., Steele B. F. 1962. The battered child syndrome // *Journal of the American Medical Association*. – 1962. – Т. 181
30. Kirankumar SV, Noorani H, Shivprakash PK, Sinha S (2011) Medical professional perception, attitude, knowledge, and experience about child abuse and neglect in Bagalkot district of north Karnataka: a survey report. *J Indian Soc Pedod Prev Dent* 29(3): 193–7
31. Koss, M.P., Leonard, K.E., 1984. Sexually aggressive men: empirical findings and theoretical implications. In: Malamuth, N.M., Donner-

stein E. (Eds.), Pornography and Sexual Aggression. Academic Press, New York, pp. 213–232, C 221-223

32. Manea S, Favero GA, Stellini E, et al (2007) Dentists' perceptions, attitudes, knowledge, and experience about child abuse and neglect in northeast Italy. *J Clin Pediatr Dent* 32(1): 19–25

33. Maynard C., Wiederman M. Undergraduate students' perceptions of child sexual abuse: Effects of age, sex, and gender-role attitudes // *Child Abuse & Neglect*. – 1997. – Т. 21. – №. 9. – С. 833-844

34. Odinokova V., Rusakova M., Avdeeva V. Perceptions of Violence within Child Protection Systems in Russia: Views of Children, Parents, and Social Workers // *Victim, Perpetrator, or What Else?*. – Emerald Publishing Limited, 2019

35. Poreddi V. et al. Nursing students' knowledge of child abuse and neglect in India // *British journal of nursing*. – 2016. – Т. 25. – №. 5. – С. 264-268

36. Radford L., Allnock D., Hynes P. Preventing and responding to child sexual abuse and exploitation: Evidence review // *New York: UNICEF*. – 2015

37. Unicef et al. *A Familiar Face: Violence in the lives of children and adolescents* // *New York, NY: UNICEF*. – 2017.

М. А. Румянцева

учащаяся 2 курса магистратуры
по программе «Социология» СПбГУ

Вегетарианство в онлайн-пространстве: отражение в научной литературе и история развития

Вегетарианство, как культурное явление было распространено ещё в древнеиндийском¹, в древнегреческом обществах – на Юге Италии и в Греции². Будучи забытым в Средневековой Европе и появившись вновь только в

¹ Spencer, Colin: *The Heretic's Feast. A History of Vegetarianism*, London 1993, p. 69-84.

² Spencer, Colin: *The Heretic's Feast. A History of Vegetarianism*, London 1993, p. 33-68.

Эпоху Возрождения¹, ко второму десятилетию двадцать первого века вегетарианство насчитывает от 8%² до 21,8%³ приверженцев от всего населения Земли. По оценкам исследований ФОМ и портала Superjob, в России отказались от употребления мяса от 3%⁴ до 4%⁵ населения.

Оксфордский словарь связывает распространение слова «вегетарианец» с созданием в 1847 году Вегетарианского общества⁶, наиболее раннее упоминание относится к 1839 году⁷. Первая научная публикация, упоминающая вегетарианство относится к 1844 году⁸. В настоящее время, по запросу «vegetarianism or vegetarian» насчитывается порядка 25 тыс. публикаций в базе диссертаций ProQuest Dissertations & Theses Global, около 15 тыс. публикаций в JSTOR, 8 тыс. публикаций в базе Scopus, порядка 5,5 тыс. в Web of Science. Лидирующими по количеству публикаций областями знания являются медицина, нутрициология, сельскохозяйственные науки и биохимия. По социологии насчитывается порядка 5,3% публикаций в базе диссертаций ProQuest Dissertations & Theses Global, 5,7% в JSTOR, публикации социальных наук составляют 2% в базе Web of Science и 5,3% в Scopus.

¹ Spencer, Colin: *The Heretic's Feast. A History of Vegetarianism*, London 1993, p. p. 180-200.

² An exploration into diets around the world. Ipsos Comcon. August 2018. Version 1. Public. https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2018-09/an_exploration_into_diets_around_the_world.pdf

³ Eimear Leahya, Seán Lyonsa and Richard S.J. Tola. *An Estimate of the Number of Vegetarians or Vegans in the World. Working Paper No. 340.* March 2010. <https://www.esri.ie/system/files?file=media/file-uploads/2015-07/WP340.pdf>

⁴ ФОМ: «Кто такие вегетарианцы?». <https://fom.ru/Obraz-zhizni/11676>

⁵ Superjob.ru: «Более 10% населения мира - вегетарианцы. Как Вы относитесь к этой системе питания?» <https://www.superjob.ru/research/articles/111380/k-vegetarianstvu-v-rossii-otnosyatsya-blagozhelatelno/>

⁶ *The Oxford Dictionary of English Etymology* — Oxford — 1966. p. 972

⁷ Fanny Kemble, *Journal of a Residence on a Georgian Plantation 1838–1839.* p. 141. <http://wps.pearsoncustom.com/wps/media/objects/2429/2487430/pdfs/kemble.pdf>

⁸ Vegetarian Society. (1849). *Scientific American*, 4(16), 122-122. Retrieved from www.jstor.org/stable/26135245.

Для начального обзора концептов и срезах изучения вегетарианства в научной литературе, были проанализированы 160 наиболее популярных ключевых слов, использовавшихся в публикациях по социальным наукам в базе Scopus (запрос «vegetarianism or vegetarian»). Ключевые слова были сгруппированы в 16 категорий, по каждой из которых был высчитан совокупный процент частоты слов этой категории. Наиболее часто употребляемой стала категория ключевых слов, описывающих практики питания (пищевое поведение, рацион, пищевые предпочтения, продовольственная безопасность, состояние питания и др.): она встречается в 61% публикаций. Медицинский дискурс представлен в ключевых словах 39% публикаций (индекс массы тела, состояние здоровья, белковая пища, витамин В12, физическая активность), так же часто встречаются обозначения вегетарианства, веганства, вегетарианской/веганской диеты. Часто в ключевых словах присутствуют страны и регионы (Китай, Индия, Великобритания, США, части света): 32%, такие ключевые слова, как люди, гоминиды, нормальный человек: 29%, слова, обозначающие возрастные категории: 27%, гендерный аспект (мужчина, женщина, мужественность, гендерные различия): 24% и типы публикаций (статья, обзор, материалы конференций и др.): 19%. Права и благополучие животных встречаются в 17% публикаций, различные общесоциологические термины (сообщество, активизм, мотивация, отношения, социальные медиа и др.) – в 15%, типы продуктов (мясо, молоко, овощи, фрукты и др.) – в 14%, окружающая среда (изменение климата, углерод, экологическое воздействие, парниковый газ и др.) – в 14%. Реже встречаются такие ключевые слова как потребительское поведение, образ жизни, принятие решений: 11%, слова, характеризующие методологию (сравнительное исследование, контролируемое исследование, кросс-секционные исследования, партисипаторный подход, опрос): 9%, культурно-антропологический аспект (культурная география, идентичность, культурное влияние, культурная традиция и др.): 7%, религии (индуизм, буддизм и др.): 7%, а также термины из психологии и истории (психология, сознание, история, древний): 5%.

Вегетарианство можно рассматривать не только как отдельный феномен, но и определённый маркер того или иного рода религиозных практик, этических устремлений и экологического активизма¹, самосто-

¹ A.C. Hoek, A.L. Pieternel, A. Stafleu, C. de Graaf. Food-related lifestyle and health of Dutch vegetarians, non-vegetarian consumers of meat substi-

ательной заботы о здоровье¹ или следования медицинским предписаниям при определённых диагнозах, причастности к практикам и убеждениям саморазвития, йоги² или даже феминизма³.

Одной из наиболее сензитивных тем обсуждения относительно нетрадиционных диетарных практик, является рацион детей в вегетарианских и веганских семьях. Сторонники детского традиционного питания присутствуют не только среди людей, употребляющих мясные продукты, но и среди самих веганов и вегетарианцев. В научном дискурсе медицины и нутрициологии в случае перевода младенца или ребёнка на диету, не содержащую белки животного происхождения, подчёркивается необходимость наблюдения за правильным питанием, так как в противном случае возможны замедление роста и осложнения здорового развития⁴. В сообществе матерей-лесбиянок обсуждают вегетарианство настолько долго и интенсивно, что для этой темы сформировалось название «Корова – твоя мать» (в честь заголовка обсуждения, предложенного одной сильной сторонницей вегетарианского образа жизни)⁵.

Одним из аргументов в пользу вегетарианства, а подчас и мотивов перехода на данный тип питания является его экономичность. В 2016 году исследователями факультета экономики сельского хозяйства

tutes, and meat consumers. *Appetite*, 42 (2004), pp. 265-272

¹ A. Beardsworth, T. Keil. Vegetarianism, veganism and meat avoidance: recent trends and findings. *British Food Journal*, 93 (4) (1991), pp. 19-24

² Ross, A. (2012). The relationship of yoga to aspects of health: Results of a national survey of yoga practitioners (Order No. 3511920). Available from ProQuest Dissertations & Theses Global. (1024270915). <https://proxy.library.spbu.ru:2345/docview/1024270915?accountid=28393>

³ E. Lea, A. Worsley. Influences on meat consumption in Australia. *Appetite*. 2001, 36 (2). pp. 127-136

⁴ Di Genova, T., Guyda, H. Infants and children consuming atypical diets: Vegetarianism and macrobiotics. *Paediatrics and Child Health*. 2007.12 (3), pp. 185-188. <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-34248219436&doi=10.1093%2fpcch%2f12.3.185&partnerID=40&md5=b239be541d89786c998721b400533a3c>

⁵ Arlene Istar Lev, Gwendolyn Dean, Lauren Defilippis, Kim Evernham, Larin McLaughlin, Cynthia Phillips. Dykes and Tykes, *Journal of Lesbian Studies*. 2005, 9:1-2, p. 81-94.

университета Оклахомы был проведён онлайн-опрос¹, в котором приняло участие 24 с половиной тысячи респондентов, целью которого было сравнить затраты на питание вегетарианцев, и не-вегетарианцев. В результате анализа полученных данных, было выделено две группы – строгие вегетарианцы и люди, относящие себя к вегетарианцам, но употребляющие некоторые мясные/рыбные продукты. Также, между этими группами были установлены различия по затратам на питание – представители второй группы, тратили больше, чем люди, не относящие себя к вегетарианцам, а строгие вегетарианцы – меньше употребляющих мясо. Авторы также отмечают, что обычно, люди, отказавшиеся от мяса, имеют меньший индекс массы тела и более либеральные политические взгляды.

Некоторые экоактивисты и защитники прав животных становятся вегетарианцами. Однако, влияние массового вегетарианства на окружающую среду также является часто обсуждаемой и дискуссионной темой. В 2011 году в Австралии была опубликована статья, доказывающая вред вегетарианства для окружающей среды посредством необходимости увеличения посевных площадей и сокращением производства питания для пастбищных животных², что вызвало большое количество комментариев, в том числе и в других научных статьях. В статье 2017³ года было предложено опровержение экологического вреда вегетарианства на данных той же австралийской пищевой промышленности, и подсчитано, что вегетарианец в среднем за год потребляет на 18 килограмм

¹ Lusk, J.L., Norwood, F.B. Some vegetarians spend less money on food, others don't. *Ecological Economics*. 2016, 130. pp. 232-242. <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-84981225436&doi=10.1016%2fj.ecolecon.2016.07.005&partnerID=40&md5=c9654b97433c347cdcbc387a64c477ea>

² Archer, M. Ordering the Vegetarian Meal? There's More Animal Blood on your Hands. *The Conversation*. 2011 <http://theconversation.com/ordering-the-vegetarian-meal-theres-more-animal-blood-on-your-hands-4659>

³ Wallis, I. Is vegetarianism bad for the environment? *Australian Zoologist*. 2017, 38 (3). pp. 379-389. <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85026635900&doi=10.7882%2fAZ.2014.034&partnerID=40&md5=02fa592513567ba2e96f03c88d695b8d>

белка из зерновых культур меньше, чем употребляющие в пищу мясную продукцию (30 кг вместо 48).

Различия в религиозных предписаниях относительно допустимости употребления мяса в пищу являются важным мотивом конфликтующих сторон в странах Южной Азии. В регионах массового распространения буддизма, практики продажи и употребления мяса в пищу могут быть притесняемы большинством, придерживающимся вегетарианского образа жизни¹. Отсутствие мясной пищи в рационе является одной из составляющих

В одной из первых публикаций, посвящённых изучению вегетарианства в интернете², представлены онлайн-ресурсы 2004 года, посвященные вегетарианству и веганству: сайт основанного в 1847-м году Вегетарианского общества, сайт Международного Вегетарианского Союза, сайт Института растительного питания, онлайн-журнал, посвящённый воспитанию детей в веганских семьях, одни из первых сайтов (самые ранние версии в веб архиве относятся к 1997 году), организовавшие форумы для веганов и вегетарианцев, а также другие страницы информирующего характера, содержащие архивы рецептов вегетарианских блюд и описание вегетарианских и веганских диет для профессиональных спортсменов.

В этом же году вышла публикация результатов исследования дискуссий в интернете, посвященных вегетарианству, проведенного с помощью риторического подхода (rhetorical approach), выявившего противоречивый характер аргументов дискуссии о влиянии питания на здоровье: изменение питания может привести как к улучшению состояния здоровья, так и к болезням.³ Несмотря на значительные отличия

¹ Stewart, J. J. Muslim–Buddhist Conflict in Contemporary Sri Lanka. *South Asia Research*. 2014, 34(3), 241–260. <https://doi.org/10.1177/0262728014549134>

² Sharon Daugherty (2004) Vegetarianism, *Journal of Consumer Health on the Internet*, 8:4, 83-89, DOI: 10.1300/J381v08n04_09

³ Wilson, M.S., Weatherall, A., Butler, C. A rhetorical approach to discussions about health and vegetarianism. *Journal of Health Psychology*. 2004, 9 (4). pp. 567-581. <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-3042850188&doi=10.1177%2f1359105304044040&partnerID=40&md5=73778b1a668ff7d212c5e0e2774c4517>

между сторонниками и противниками вегетарианского питания, обе стороны разделяли мнение о том, что здоровье – это важно, а питание является ключевым вопросом в поддержании здорового образа жизни. В некоторых из проанализированных высказываний здоровье выделяется основная причина перехода к отказу от мяса, и как главная составляющая одного из наиболее рациональных аргументов вегетарианцев (в условиях пониженной чувствительности собеседника к проблемам животных и окружающей среды). Зачастую, говоря об улучшении здоровья, вегетарианцы выделяют такие аспекты, как снижение веса, чувство лёгкости, энергичности и «спокойствия совести», и, в особенности, профилактика рака, диабета, гипертонии и других болезней, подкрепляя свою аргументацию ссылками на Ассоциацию диетологов Америки. Одними из самых сложных и противоречивых в дискуссиях того времени являлись отсылки к эволюционному развитию и таксономическому положению человека – одни, вспоминая максимум «выживает наиболее приспособленный» высказывались о необходимости потребления для человека «как хищника», другие – доказывали сходство человека с травоядными и после перечисления статистики уменьшения различных заболеваний среди вегетарианцев подтверждали научную обоснованность своей точки зрения замечанием, что и вправду, [среди вегетарианцев и всеядных] «выживает наиболее приспособленный». Для большего привлечения внимания и согласия аудитории используются дислеймеры («я вегетарианец, но не ради животных, а потому, что мясо вредно для здоровья»), уступки («вегетарианство полезно, но в небольшом количестве случаев, например, при повышенном холестерине») и апелляции к необходимости баланса, потребления всех продуктов в меру, или более лёгкой доступности питательных веществ из мясных продуктов, чем из растительных. Авторы статьи выделяют гендерные различия в аргументации в большем соответствии рациональных доводов маскулинному типу поведения, а эмоциональным апелляциям к состраданию и защите окружающей среды к более феминному типу поведения, на основе чего высказывается предположение о причинах большей распространённости вегетарианства среди женщин, чем мужчин. В заключении авторы приходят к выводу, что противники и сторонники вегетарианства зачастую используют одинаковые риторические стратегии, апеллируют к здравому смыслу и научным исследованиям, подтверждающим пользу для здоровья отстаиваемых диет.

В статье 2008 года¹ исследователями Шеффилдского университета Ник Фокс и Кэти Уард (N. Fox, K. J. Ward) описываются результаты обработки ответов на вопросы исследователей на форуме посвящённого вегетарианству 33-мя участниками форума, а также 18-ти анкет, которые были отправлены участникам по электронной почте. Основной целью исследования было выявление физических, психических, социальных и концептуальных отношений участников, для лучшего представления их идентичностей и того, как диета и идентичность взаимодействуют. В данном исследовании было выявлено два основных типа идентичностей вегетарианцев: вегетарианцы ради здоровья (health vegetarians) и вегетарианцы по этическим соображениям (ethic vegetarians). Для этих групп характерны не только различия в мотивации отказа от мяса, но и несоответствие вплоть до противоречия аргументов в защиту вегетарианского образа жизни. В то время как первая группа говорит о вреде мяса, этические вегетарианцы обвиняют обычных людей в эгоизме, так как они употребляют мясо ради своего здоровья, не задумываясь о жестокости, которая проявляется по отношению к животным. Вегетарианство – как не только определённая диета, но телесная практика, формирующая идентичность.

Таким образом, вегетарианство представляет собой сложное общественное движение, подтверждающее себя аргументацией из различных дискурсов (медицинского, экологического, этического, религиозного, экономического и др.), различные направления которого могут противоречить друг другу, но вместе они составляют мощное общественное течение, развивающееся и увеличивающее количество практикующих и сочувствующих.

Список литературы.

Российские источники:

1. Варганова Е.Л. СМИ и журналистика в пространстве постиндустриального общества. Медиаскоп. 2009. Вып. 2. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/352>.

¹ Fox N., J. Ward K.. You are what you eat? Vegetarianism, health and identity. Social Science & Medicine. Volume 66, Issue 12, June 2008, Pages 2585-2595

<https://proxy.library.spbu.ru:2068/science/article/pii/S027795360800097X>

2. Голышко А. Интернет: на пути к рождению // Радио. 2001. № 11. С.70-72. Цит. по: 25. Горошко Е.И., Галичкина Е.Н., Рьжков М.С. и др.; науч. ред.: Колокольцева Т.Н., Лутовинова О.В. Интернет-коммуникация как новая речевая формация. / 25. Горошко Е.И., Галичкина Е.Н., Рьжков М.С. и др.; науч. ред.: Колокольцева Т.Н., Лутовинова О.В. М.: Изд-во Наука, Изд-во Флинта, 2012. 323с. с.9-52.

3. Гуреева А.Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды. Вестник московского университета. Серия 10, журналистика. 2016. № 6. <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2016/6/teoreticheskoe-ponimanie-mediatizatsii-v-usloviyakh-tsifrovoy-sredy/>

4. Дудина В. И. Цифровые данные — потенциал развития социологического знания / Социологические исследования. 2016. № 9. С. 21-30

5. Евин И. А. Сложные сети – новый инструмент изучения сложных систем. / Сложные системы. 2012. № 2 (3). С. 66-74

6. Зайдаль Т. В. Паттерн как объект исследования культурной антропологии. Искусство и культура. 2017. № 1 (25). С. 65-68.

7. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. М., 1986. -С. 98 -107.

8. Манович Л. Язык новых медиа. М.: Ад Маргинем пресс. 2018. ISBN: 978-5-91103-411-5.

9. Рыков Ю. Г. Сетевое неравенство и структура онлайн-сообществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 4. С. 144-156

10. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации: уч. пособие. СПб.: Издательство Михайлова В. А., 2002. 461с. С. 208-209.

11. ФОМ: «Кто такие вегетарианцы?». <https://fom.ru/Obraz-zhizni/11676>

12. An exploration into diets around the world. Ipsos Comcon. August 2018. Version 1. Public. https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2018-09/an_exploration_into_diets_around_the_world.pdf

Иностранные источники

1. Archer, M. Ordering the Vegetarian Meal? There's More Animal Blood on your Hands. The Conversation. 2011.

2. <http://theconversation.com/ordering-the-vegetarian-meal-theres-more-animal-blood-on-your-hands-4659>
3. Arlene Istar Lev, Gwendolyn Dean, Lauren Defilippis, Kim Evernham, Larin McLaughlin, Cynthia Phillips. Dykes and Tykes, *Journal of Lesbian Studies*. 2005, 9:1-2, p. 81-94.
4. Beardsworth A., T. Keil. Vegetarianism, veganism and meat avoidance: recent trends and findings. *British Food Journal*, 93 (4) (1991), pp. 19-24
5. Digital Experience Blog. Which Social Networks Should You Care About in 2014? <https://blogs.adobe.com/digitaleurope/social-media/social-networks-care-2014/>
6. Eimear Leahya, Seán Lyonsa and Richard S.J. Tola. An Estimate of the Number of Vegetarians or Vegans in the World. Working Paper No. 340. March 2010. <https://www.esri.ie/system/files?file=media/file-uploads/2015-07/WP340.pdf>
7. Fanny Kemble, *Journal of a Residence on a Georgian Plantation 1838–1839*. p. 141. <http://wps.pearsoncustom.com/wps/media/objects/2429/2487430/pdfs/kemble.pdf>
8. Fox N., J.Ward K.. You are what you eat? Vegetarianism, health and identity. *Social Science & Medicine*. Volume 66, Issue 12, June 2008, Pages 2585-2595 <https://proxy.library.spbu.ru:2068/science/article/pii/S027795360800097X>
9. Genova Di, T., Guyda, H. Infants and children consuming atypical diets: Vegetarianism and macrobiotics. *Paediatrics and Child Health*. 2007.12 (3), pp. 185-188. <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-34248219436&doi=10.1093%2fpch%2f12.3.185&partnerID=40&md5=b239be541d89786c998721b400533a3c>
10. Halkier B. *Consumption challenged: Food in medialised everyday lives*. Routledge, 2016.
11. Hoek A.C., A.L. Pieternel, A. Stafleu, C. de Graaf. Food-related lifestyle and health of Dutch vegetarians, non-vegetarian consumers of meat substitutes, and meat consumers. *Appetite*, 42 (2004), pp. 265-272
12. John Scott, Gordon Marshall. *A Dictionary of Sociology*. Oxford University Press, 2009 – P. 816
13. Lea E., A. Worsley. Influences on meat consumption in Australia. *Appetite*. 2001, 36 (2). pp. 127-136
14. Lury C., Wakeford N. (ed.). *Inventive methods: The happening of the social*. Routledge, 2012.

15. Lusk, J.L., Norwood, F.B. Some vegetarians spend less money on food, others don't. *Ecological Economics*. 2016, 130. pp. 232-242. <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-84981225436&doi=10.1016%2Fj.ecolecon.2016.07.005&partnerID=40&md5=c9654b97433c347cdbc387a64c477ea>
16. Ross, A. (2012). The relationship of yoga to aspects of health: Results of a national survey of yoga practitioners (Order No. 3511920). Available from ProQuest Dissertations & Theses Global. (1024270915). <https://proxy.library.spbu.ru:2345/docview/1024270915?accountid=28393>
17. Sharon Daugherty (2004) Vegetarianism, *Journal of Consumer Health on the Internet*, 8:4, 83-89, DOI: 10.1300/J381v08n04_09
18. Spencer, Colin: *The Heretics Feast. A History of Vegetarianism*, London 1993, p. p. 180-200.
19. Stewart, J. J. Muslim–Buddhist Conflict in Contemporary Sri Lanka. *South Asia Research*. 2014, 34(3), 241–260. <https://doi.org/10.1177/0262728014549134>
20. Superjob.ru: «Более 10% населения мира - вегетарианцы. Как Вы относитесь к этой системе питания?» <https://www.superjob.ru/research/articles/111380/k-vegetarianstvu-v-rossii-otnosyatsya-blagozhelatelno/>
21. The Oxford Dictionary of English Etymology — Oxford — 1966. p. 972
22. Vegetarian Society. (1849). *Scientific American*, 4(16), 122-122. Retrieved from www.jstor.org/stable/26135245.
23. Wallis, I. Is vegetarianism bad for the environment? *Australian Zoologist*. 2017, 38 (3). pp. 379-389. <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85026635900&doi=10.7882%2FAZ.2014.034&partnerID=40&md5=02fa592513567ba2e96f03c88d695b8d>
24. Wilson, M.S., Weatherall, A., Butler, C. A rhetorical approach to discussions about health and vegetarianism. *Journal of Health Psychology*. 2004, 9 (4). pp. 567-581. <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-3042850188&doi=10.1177%2F1359105304044040&partnerID=40&md5=73778b1a668ff7d212c5e0e2774c4517>

А. И. Чикин
учащийся 2 курса магистратуры
по программе «Социология» СПбГУ

Доказательная государственная политика: возможна ли реализация в России?

В данной статье рассматривается доказательная государственная политика как феномен: приводится краткая история возникновения и информация о практической реализации данного метода. Статья содержит краткий обзор актуальных русскоязычных источников, связанных с доказательной государственной политикой, на основании которого делается вывод о состоянии научно-исследовательского дискурса по данной теме в России на сегодня. В статье предлагается концептуальная модель для осуществления фундаментальных и прикладных социологических исследований перспектив и практик применения обозначенного метода в современной России. Важной информацией, приведённой в тексте статьи, является актуализация в качестве проблемной ситуации отсутствия правотворческой парадигмы на основании осуществления доказательной государственной политики.

Ключевые слова: доказательная государственная политика, государственное и муниципальное управление, методология, доказательство.

This article examines evidence-based policy as a phenomenon: it provides a brief history of occurrence and information on the practical implementation of this method. The article contains a brief overview of relevant Russian-language sources related to evidence-based policy, on the basis of which a conclusion is made about the state of the research discourse on this topic in Russia today. The article proposes a conceptual model for the implementation of fundamental and applied sociological studies of the prospects and practices of applying the designated method in modern Russia. Important information provided in the text of the article is the actualization of the absence of a legislative paradigm based on the implementation of evidence-based policy as a problem situation.

Key words: evidence-based policy, state and municipal government, methodology, evidence.

Доказательная государственная политика – метод принятия решений в правотворческой деятельности с использованием научных исследований, доказательной базы и обоснованных фактов¹. Повсеместное использование такого метода способно повысить качество государственного управления и регулирования, а применение доказательной государственной политики компенсирует издержки, имеющиеся в результате проведения исследований с целью формирования наиболее оптимизированной стратегии².

Аналізу подвергаются непосредственные и опосредованные эффекты конкретных сценариев реализации политики, а также отсутствие таких сценариев. Процесс анализа и принятия решений, равно как и служащая основанием доказательная база, должны быть публичными³. Необходимость государственного вмешательства (или невмешательства) в ту или иную сферу должна быть подкреплена сформулированной проблемой в рамках научного дискурса. Далее происходит формирование исследовательских задач, на основании которых осуществляется исследовательская деятельность. Далее, с помощью результатов исследования и полученных на их базе рекомендаций, очерчиваются стратегии, являющиеся альтернативами друг другу. Аналитика возможных последствий на основании таких данных является конечным этапом формирования единого решения с учётом минимизации всех издержек.

Принимая во внимание определение доказательной государственной политики, можно сделать вывод, что практическое применение такой методологии должно осуществляться специалистами, владеющими необходимым инструментарием. Характеристики приведённых в качестве необходимости доказательств позволяют утверждать, что именно социологические методы лежат в основе реализации доказа-

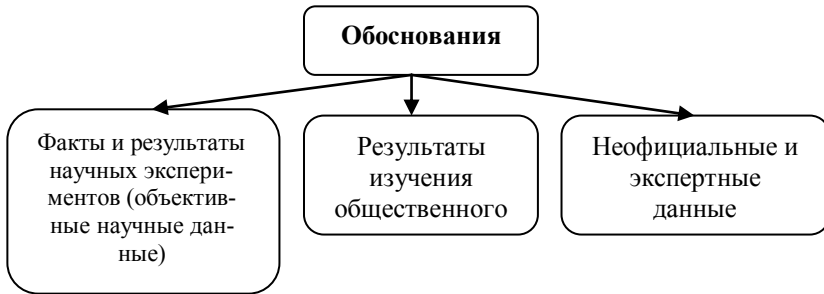
¹ Волошинская А.А., Комаров В.М. Доказательная государственная политика: проблемы и перспективы // Вестник Института экономики РАН. – 2015. – №4. – С. 90

² Волошинская А.А., Комаров В.М. Доказательная государственная политика: проблемы и перспективы // Вестник Института экономики РАН. – 2015. – №4. – С. 92

³ Волошинская А.А., Комаров В.М. Доказательная государственная политика: проблемы и перспективы // Вестник Института экономики РАН. – 2015. – №4. – С. 91

тельной государственной политики, а социологи являются одними из главных действующих лиц.

Рис. 1. Обоснования, применяемые в качестве доказательств при разработке государственной политики¹.

Отправной точкой возникновения такого подхода является приход к власти в Великобритании партии лейбористов в конце 90-х годов. Документ, получивший название «Модернизация правительства» и преданный огласке в 1999-м году, провозглашает обязательность принципов доказательной государственной политики в рамках правотворческой деятельности Великобритании². Вместе с тем Подразделение производительности и инноваций секретариата кабинета министров фиксирует и другую особенность британского контекста: сама общественность ожидает большего от политиков – в обществе существовал запрос на повышение эффективности правотворческой деятельности³.

Такие процессы сопровождалась увеличением финансирования исследовательских организаций, расширением штата аналитиков и укреплением диалога между политическим и научным сообществами. Британские социологи сосредоточились на проведении прикладных исследований, цель которых – возможность практического применения

¹ Волошинская А.А., Комаров В.М. Доказательная государственная политика: проблемы и перспективы // Вестник Института экономики РАН. – 2015. – №4. – С. 94

² Секретариат кабинета министров: Модернизация правительства / Государственная канцелярия – Лондон, 1999. – гл. 2, пункт 6

³ Original media-content on public policy // URL: <https://evidencenetwork.org/> (дата обращения: 08.10.2019)

результатов для увеличения экономических показателей государственных и частных организаций, повышения уровня жизни и удовлетворённости населения. Наблюдая за результатами таких исследований, правительство приходит к выводу, что эти результаты способны быть применены при разработке правотворческих решений, и такие исследования должны быть финансируемы: правительство становится основным спонсором таких исследований¹. Организации, проводящие прикладные исследования, смещают вектор своего развития в сторону поиска источников, приносящих большее финансирование. Таким источником выступил Совет по экономическим и социальным исследованиям: взаимодействие с ним позволяло исследовательским организациям не только заручиться материальной помощью, но и утвердить свою роль в принятии правотворческих решений. Теперь исследователи не хотели оставаться в стороне, они хотели взаимодействовать с обществом².

Последней характеристикой реализации доказательной государственной политики в Великобритании будет ещё одно утверждение о её парадигмальности: ВУЗы Великобритании признают необходимость включения изучения ДПП в каждый курс философии, экономики и политики³.

Таким образом, мы можем говорить о возникновении и существовании в Великобритании особого институционального дизайна, в рамках которого стала возможна новая правотворческая парадигма. Характеристикой такого институционального дизайна является единая повестка дня для трёх основных акторов – института власти, общественности и исследовательского сообщества. Безусловно, каждый из акторов преследует свои цели в рамках парадигмы доказательной государственной политики – хоть и номинальная цель остаётся единой: повышение качества правотворческой деятельности.

1 Петикрю М. Систематические обзоры от астрономии до зоологии: мифы и заблуждения / Британский медицинский журнал. – 2001. – № 322 (7278). – С. 98

2 Петикрю М. Систематические обзоры от астрономии до зоологии: мифы и заблуждения / Британский медицинский журнал. – 2001. – № 322 (7278). – С. 99

3 Картрайт Н., Харди Д. Доказательная государственная политика: как сделать ее лучше. Практическое руководство. — Oxford University Press, 2012. — 322 С.

В каком состоянии находится русскоязычный научный дискурс о доказательной государственной политике? На данный момент он содержит три первоисточника, не являющихся рефлексией или рецензией других работ: работу экономистов А.А. Волошинской и В.М. Комарова «Доказательная государственная политика: проблемы и перспективы», а также статьи сотрудников просветительно-исследовательского учреждения «Центр исследования общественного управления «СИМПА»: «Оценка эффективности социальной политики: поиск путей в современном государственном управлении» и «Бремя доказывания: нужна ли Беларуси доказательная политика?». Первая статья белорусских коллег написана до издания отечественными экономистами собственного труда¹, вторая является продолжением анализа практики применения метода с учётом тезисов отечественных экономистов².

Налицо несопоставимая разница в наполнении научно-исследовательского дискурса разработками в рамках анализа метода доказательной государственной политики: если в Великобритании метод признан парадигмальным, то постсоветское пространство содержит лишь три работы.

Как уже было отмечено выше, реализация доказательной государственной политики осуществляется в случае заинтересованности сразу нескольких акторов. Основная цель такого подхода – повышение качества правотворческой деятельности, но реальные цели у акторов, как показывает практика Великобритании, могут быть различны (от получения финансирования до лоббирования своих интересов). Однако как реальные, так и номинальные цели определяются единым мотивом – получением выгоды в том или ином виде: само повышение качества правотворческой деятельности уже есть получение выгоды. Несмотря на этот факт, на территории Российской Федерации доказательная государственная политика не закреплена на институциональном уровне, а

¹ Оценка эффективности социальной политики: поиск путей в современном государственном управлении // URL: http://sympa-by.eu/sites/default/files/library/booklet_romashevskaya.pdf (дата обращения: 12.10.2019)

² Бремя доказывания: нужна ли Беларуси доказательная политика? // http://sympa-by.eu/sites/default/files/library/pp_evidence_based_policy.pdf (дата обращения: 12.10.2019)

научно-исследовательский дискурс в данном проблемном поле обладает катастрофически малым количеством работ.

Следует выделить две основополагающие проблемы: проблему отсутствия институционального закрепления метода в правотворческой деятельности России и проблему отсутствия научно-исследовательских работ, предметом которых является доказательная государственная политика в том или ином виде. Несмотря на различие сфер, в рамках которых существуют данные проблемные ситуации, мы можем говорить о едином основании для их существования.

Такое основание – неверный ракурс рассмотрения проблемной ситуации.

Необходимость внедрения такого метода подчёркивается Волошинской А.А. и Комаровым В.М.¹. Вслед за этим очевидным (на основании рассмотрения имеющейся выгоды от реализации метода) тезисом следуют рекомендации, исполнение которых будет содействовать реализации доказательной государственной политики. Экономисты предлагают такие шаги, как совершенствование действующих процедур разработки законодательства и внедрение полного цикла разработки государственной политики; формирование базы данных о лучших практиках реализации метода; совершенствование работы Открытого правительства.

Эти шаги – проекция пути становления доказательной государственной политики Великобритании на российский реалии, содержащая в себе операционализированный алгоритм внедрения метода и игнорирующая контекст (внутренняя политика партии Лейбористов в Великобритании по состоянию на конец 90-х годов). Государство не выступает инициатором внедрения подобных практик, как это было в Великобритании, а это означает, что метод не получит имплементацию «сам по себе».

Логичным следствием является необходимость актуализации дискурса со стороны научно-исследовательского сообщества. Однако готовность научно-исследовательского сообщества к такому диалогу нельзя назвать соответствующей для действительной актуализации.

На каком основании сделаны такие выводы? Индикатором состояния научно-исследовательского сообщества здесь будет принята теку-

¹ Волошинская А.А., Комаров В.М. Доказательная государственная политика: проблемы и перспективы // Вестник Института экономики РАН. – 2015. – №4. – С. 92

шая повестка дня внутри обозначенной целевой группы. Для изучения артикуляции интересов исследовательского сообщества на сегодняшний день следует обратиться к материалам одной из крупнейших социологических конференций в 2018 году – VIII Грушинской социологической конференции. ВЦИОМ называет её главным событием года в исследовательской индустрии¹, что позволяет заявить о наличии проекции повестки дня отечественного социологического сообщества на повестку дня обозначенной конференции.

В рамках секции «Социолог для общества и себя самого» Князева Е.В., представитель Социологического центра «Пультс», в своём докладе «Социолог и общество: почему не складываются отношения?» затрагивает проблемы отношений исследовательского сообщества и различных институтов². Автор отмечает наличие кризиса социологии, заключающегося в трёх аспектах: функциональном (социология плохо выполняет свойственные ей функции), репутационном (социологам перестали доверять) и профессиональном (социология перестала быть привлекательной профессией). Вместе с тем, автор отмечает и решающие качества для представителей исследовательского сообщества, развитие которых способно преодолеть кризис: ориентация на существо дела, ответственность, строгость, педантизм и методичность. При наличии заявления о необходимости взаимодействия социологии и власти для обращения внимания последней на социальные проблемы, «решающие качества» концентрируются лишь вокруг собственных социальных ожиданий, будто исследовательское сообщество находится в некоем «сферическом вакууме».

Схожую ситуацию мы можем наблюдать практически во всех докладах ведущей социологической конференции, где затрагивается проблема взаимодействия исследовательского сообщества с другими акторами. Так, Римский В.Л., представитель фонда ИНДЕМ (Москва), в своём докладе «Помогают ли социологи гражданам иметь собственное

¹ VIII Грушинская конференция // URL: https://wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/conferences/conference_2018/ (дата обращения: 09.10.2019)

² Социолог и общество: почему не складываются отношения? // URL: <https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2018/prez/2/Knyazeva.pdf> / (дата обращения: 09.10.2019)
<https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2018/prez/2/Knyazeva.pdf> / (дата обращения: 09.10.2019)

мнение о реальности?» выказывает опасение за снижение значимости социологических исследований в обществе, причина которого – низкий уровень дифференциации ответов для разных социальных групп¹. Некая патология снова представлена существующей в «сферическом вакууме» без принятия во внимание наличия такого актора, как институты власти, со своими социальными ожиданиями. А раз повестка дня – взаимодействия социологии с властью и обществом, подразумевающая социальный обмен, то рассматривать проблемы одной лишь социологии вне фокуса самого взаимодействия (т.е. игнорируя социальные ожидания института власти) – избегать прогресса в диалоге социолога и власти. Решающим фактором в становлении парадигмы доказательной государственной политики в Великобритании стало публичное заявление института власти о необходимости введения такой методологии в правотворческой деятельности – и такое заявление нашло отклик как в государственных, так и в частных исследовательских организациях.

Чтобы внести полную ясность в формулировку имеющейся проблемной ситуации, следует обратиться к докладу В. Фёдорова, представителя ВЦИОМ, «Между изучением и коммуникацией: опыт публичных исследований ВЦИОМ»². По словам автора доклада, один из форматов деятельности ВЦИОМ – исследование в интересах общества – гораздо более редко применяется вследствие отсутствия финансирования. Для того, чтобы проводить такие исследования, необходимо убедить акционера или спонсоров в значимости такого исследования. Также В. Фёдоров информирует нас о ещё одном формате деятельности ВЦИОМ – информирование в интересах клиента. Результаты таких исследований могут быть как приватными, так и публичными: это зависит от требования заказчика, однако при таком исследовании соблюдаются все требования руководства ESOMAR/WAPOR.

Важным дополнением к тезису данного доклада следует считать интервью В. Фёдорова порталу Snob.ru, в котором В. Фёдоров в каче-

¹ Помогают ли социологи гражданам иметь собственное мнение о реальности? // URL:

<https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2018/prez/3/Rimskiy.pdf> / (дата обращения: 09.10.2019)

² Интервью В. Фёдорова – специально для Snob.ru // URL:

<https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=7974/> (дата обращения: 08.10.2019)

стве генерального директора ВЦИОМ отметил, что основные заказчики Центра – Кремль и «Единая Россия»: «Как заказчики, они имеют права на результаты наших исследований. В каждом договоре всегда есть пункт о конфиденциальности. Поэтому, конечно же, мы публикуем только то, что разрешить сделать гласностью заказчик исследования». Важным является отметить, что первый озвученный в докладе формат деятельности ВЦИОМ – исследования в интересах общества – соответствует парадигме доказательной государственной политики, однако на такие исследования часто не хватает финансирования. Притом Кремль и «Единая Россия», являющиеся представителями института власти – второго актора имплементации доказательной государственной политики – не просто активно финансируют, а являются основными заказчиками ВЦИОМ. Мы можем говорить о наличии запроса института власти на результаты исследований, притом судить о его объёмах: крупнейшая исследовательская организация Российской Федерации называет институты власти главным заказчиком. Но институализации такой практики в доказательную государственную политику не происходит.

Следует продолжить фокусировку на научно-исследовательском сообществе как одном из возможных инициаторов актуализации дискурса. Исследовательская организация «Центр перспективных управленческих решений» объявила о конкурсе грантов на исследования в целях проведения доказательной государственной политики в России¹. Проблематизация, обозначенная в рамках конкурса, соответствует проблематизации, обозначаемой Волошинской А.А. и Комаровым В.М.

Итак, на основании рассмотрения текущей повестки дня в научно-исследовательском дискурсе доказательной государственной политики, следует выделить три группы направления дискуссии:

1. Преобразования, способные привести к институализации доказательной государственной политики как правотворческой парадигмы, должны следовать от института власти. Притом алгоритм, по которому должен действовать институт власти, является аналогом британского алгоритма, однако исключаящим внутривнутриполитический контекст преобразований принципов правотворческой деятельности в Великобритании, что делает такой сценарий невозможным на данный момент.

¹ Доказательная политика: Конкурс грантов на исследования в целях проведения evidence-based policy в России // URL: https://cpur.ru/grant/CAG_grants.pdf (дата обращения: 20.09.2019)

2. Отсутствует необходимый ресурс для актуализации дискурса в самом научно-исследовательском сообществе, где под ресурсами подразумевается как финансирование, так и необходимая востребованность социологического знания в совокупности с недостаточным уровнем компетенции внутри научно-исследовательского сообщества. Такой сценарий не рассматривает проблемное поле как поле диалога, фокусируясь на внутренних проблемах сообщества.

3. Признание необходимым вектором развития актуализацию дискурса внутри отдельных отраслей с различным уровнем локализации. Финансирование исследований при такой актуализации осуществляется узконаправленно, а реализация исследований не ведёт к установлению парадигмальности доказательного метода вследствие отсутствия подобного целеполагания.

Каждый из таких сценариев игнорирует необходимое для установления парадигмальности метода условие: необходимость именно диалог института власти и научно-исследовательским сообществом. Одна группа исследователей ждёт проявления инициативы со стороны власти, другая ссылается на внутренние кризисы, абстрагируясь от любого диалога при их наличии. Третья – видит будущее в реализации метода в сугубо локальных предметных полях.

Ни один из имеющихся подходов в русскоязычном научном дискурсе не ставит фундаментальный вопрос: почему не происходит необходимое для реализации метода взаимодействие, почему не происходит диалог? Далее предлагается обоснование отсутствия столь фундаментального вопроса: в научном дискурсе отсутствует проекция необходимой для изучения предмета концептуальной модели на предметное поле. Ведь концептуальная модель должна обладать целым рядом характеристик, необходимых для постановки вопроса и – что самое главное – ответа на вопрос. Одна из таких характеристик – необходимость методологии сравнения, осуществляющей компаративную процедуру не на основе выделения «идеального типа», а на основе сравнения с единственным работающим кейсом. Притом такая сравнительная методология должна учитывать различный контекст, тогда как унифицированная методология сравнения предполагает наличие единых критериев¹ сравнения. Что

¹ Сравнительная социология: учебник / под ред. А. В. Резаева — СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2015. — 396 с.

уже ставит под сомнение использование традиционных концепций сравнительной социологии.

Кроме того, текущее состояние научного дискурса определяет акторов как целые институты, тогда как в реальности представителями института являются организации, а организация, в свою очередь, состоит из конкретных людей. Необходимость специфической процедуры сравнения осложняется ещё и необходимостью учитывать разнородную структуру институтов. И, наконец, институты, организации в рамках институтов и представители этих организаций действуют в рамках собственных институциональных, организационных и индивидуальных принципов, а диалог предполагает наличие принципов унифицированных.

Всё это позволяет сделать вывод об отсутствии возможностей для каких-либо фундаментальных и прикладных исследований возможностей реализации доказательной государственной политики, если только не существует концептуальной модели, способной работать в подобных условиях.

И единственной такой моделью представляется неонституционализм.

Основа неонституционализма – принцип «методологического индивидуализма»: социальные процессы включают в себя институты и организации, но основные акторы социальных взаимодействий – именно индивиды; группы существуют лишь как деятельность составляющих их членов, и анализ поведения групп должен основываться на анализе целенаправленного индивидуального поведения¹. Также неонституционализм снимает противоречие сравнительной методологии: компаративные процедуры следует осуществлять с выделением реально существующих кейсов².

Однако наиболее приблизиться к возможности изучения реализации доказательной государственной политики позволяют работы Д. Норта. Он представляет социальные институты как трёхуровневую систему, включающую в себя неформальные ограничения (традиции, обычаи, социальные условности); формальные правила (конституции, законы, судебные прецеденты, административные акты) и механизмы принуж-

¹ Олейник А.Н. Институциональная экономика — М., 2002. — 258 С.

² Demsetz, Harold. Information and Efficiency: Another Viewpoint // Journal of Law and Economics — 1966. — №7. — С. 11–26

дения, обеспечивающие соблюдение правил (суды, полиция и т.д.). Неформальные институты складываются спонтанно, без чьего-либо сознательного замысла, как побочный результат взаимодействия множества людей, преследующих собственные интересы¹.

Важный источник институциональных изменений, по Д. Норту, - это идеология. Под идеологией он понимает субъективные модели, через призму которых люди воспринимают и оценивают окружающий мир. Идеологические пристрастия также не свободны от влияния экономических расчетов: чем больше прибыльных возможностей блокирует чья-либо субъективная картина мира, тем сильнее стимулы к ее пересмотру. Вместе с тем идеология, по мнению Нортона, нередко действует как самостоятельный фактор. Одним из таких примеров он считает отмену рабства в США, которое к началу гражданской войны оставалось экономически высокоэффективным институтом. Его отмену, полагает Норт, можно объяснить только постепенным проникновением в сознание общества убеждения в аморальности собственности на человеческие существа².

Отсутствие институциональных изменений означает, что никто из агентов не заинтересован в пересмотре действующих «правил игры» (с учетом издержек, которые им пришлось бы понести). Одной из центральных для неинституционализма оказывается проблема: всегда ли такое состояние институционального равновесия будет одновременно и оптимальным? Критическое значение при ответе на этот вопрос приобретают издержки, связанные с установлением и поддержанием институтов³.

Разработке более общей модели, объясняющей, почему силы конкуренции далеко не всегда ведут к отбраковке неэффективных «правил игры» и почему застойные формы экономики могли существовать тысячелетиями, посвящены его позднейшие исследования. Главную причину Норт усматривает в том, что высокие транзакционные издержки делают политические рынки мало похожими на совершенный рынок неоклассической теории. В связи с этим он указывает на действие трех

¹ Капелюшников Р.И. Новая атака на теорему Коуза. Препринт WP3/2007/01. – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – 48 С.

² Норт Д. Указ. Соч. С. 17

³ Капелюшников Р.И. Новая атака на теорему Коуза. Препринт WP3/2007/01. – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – 48 С.

главных факторов: в сохранении неэффективных институтов может быть заинтересовано государство, если это способствует максимизации разницы между доходами и расходами казны; такие институты могут поддерживаться могущественными группами со специальными интересами; эволюция общества зависит от однажды избранной институциональной траектории: новые, более эффективные «правила игры» могут оставаться незадействованными, потому что их введение требует значительных первоначальных вложений, каких не требует поддержание уже давно укоренившихся институтов¹.

Все это, по мнению Норта, стабилизирует сложившуюся институциональную систему независимо от степени ее эффективности. Институты как бы «заталкивают» общество в определенное русло, с которого потом трудно свернуть. В любом обществе, полагает он, всегда складывается «смесь» из эффективных и неэффективных институтов и именно соотношение между ними определяет, в конечном счете, траекторию его развития².

Лишь рассмотрев институты не только как совокупность организаций, но и как целенаправленную деятельность отдельных индивидов, учитывая каждые локальные «правила игры», а также особое внимание уделяя идеологическим установкам внутри государства и взаимному желанию каждого из акторов минимизировать собственные издержки вопреки всему прочему целеполаганию, мы можем говорить о перспективе реализации доказательной государственной политики в России.

Список литературы

1. Бремя доказывания: нужна ли Беларуси доказательная политика? // http://sympa-by.eu/sites/default/files/library/pp_evidence_based_policy.pdf (дата обращения: 12.10.2019)
2. Волошинская А.А., Комаров В.М. Доказательная государственная политика: проблемы и перспективы // Вестник Института экономики РАН. – 2015. – №4. – С. 91–103
3. Доказательная политика: Конкурс грантов на исследования в целях проведения evidence-based policy в России // URL: https://cpur.ru/grant/CAG_grants.pdf (дата обращения: 20.09.2019)

¹ Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. – М.: Дело, – 2001. 402 С.

² Douglass C. North. Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction // World Development, – 1989. – vol.17, № 9. –С. 1319–1332

4. Интервью В. Фёдорова – специально для Snob.ru // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=7974/> (дата обращения: 08.10.2019)
5. Капелюшников Р.И. Новая атака на теорему Коуза. Препринт WP3/2007/01. – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – 48 С
6. Картрайт Н., Харди Д. Доказательная государственная политика: как сделать ее лучше. Практическое руководство. — Oxford University Press, 2012. — 322 С.
7. Норт Д. Указ. Соч. С. 17
8. Олейник А.Н. Институциональная экономика — М., 2002. — 258 С.
9. Оценка эффективности социальной политики: поиск путей в современном государственном управлении // URL: http://sympaby.eu/sites/default/files/library/booklet_romashevskaya.pdf (дата обращения: 12.10.2019)
10. Петикрю М. Систематические обзоры от астрономии до зоологии: мифы и Заблуждения / Британский медицинский журнал. – 2001. – № 322 (7278). – С, 98
11. Помогают ли социологи гражданам иметь собственное мнение о реальности? // URL: <https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2018/prez/3/Rimskiy.pdf> / (дата обращения: 09.10.2019)
12. Секретариат кабинета министров: Модернизация правительства / Государственная канцелярия – Лондон, 1999. – гл. 2, пункт 6
13. Сравнительная социология: учебник / под ред. А. В. Резаева — СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2015. — 396 с.
14. Шорт-лист финалистов конкурса грантов «Доказательная политика»// URL: <https://cpur.ru/news/short-list-finalistov-konkursa-grantov-dokazatelnaya-politika/> (дата обращения: 20.09.2019)
15. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. – М.: Дело, – 2001. 402 С.
16. Demsetz, Harold. Information and Efficiency: Another Viewpoint // Journal of Law and Economics — 1966. — №7. — С. 11–26
17. Douglass C. North. Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction // World Development, – 1989. – vol.17, № 9. –С. 1319–1332

Научное издание

ГЛОБАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ:
ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник статей

ЦНИТ «АСТЕРИОН»

Заказ № 289. Подписано в печать 26.12.2019 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Объем 15,875 п.л. Тираж 300 экз.
Санкт-Петербург, 191015, а/я 83,
тел. /факс (812) 685-73-00, 663-53-92, 970-35-70
asterion@asterion.ru